
НЕ ПИШИ В СТОЛ • Ярослав Антакольский «Запах Советского Союза»

Олег Шаст • Михаил Небрицкий • Владислав Русанов • Николай Дик
Александр Костеров • Энзе Фойгт • Анатолий Шутый • Иван Алексин
Андрей Ладога • Хрипков Николай • Тимофей Ю

ЛИТРА №2

Дайджест произведений современных авторов

Виктория Крылова

Запах дома

Конкурс «Первый из первых»

Полные условия конкурса опубликованы на сайте litra.online
в разделе «Конкурсы»

ЛИТРА

№2

Дайджест произведений
современных авторов

Главный редактор:

Антон Гулякин

Редакционный совет выпуска:

Наталья Тебелева

Магомед Мусаев

Михаил Афонин

Виктория Щепановская

Николай Дик

Александр Трифонов

Иллюстраторы:

Екатерина Жук

[https://illustrators.ru/users/](https://illustrators.ru/users/ekaterina-artyuhoval)

[ekaterina-artyuhoval](https://illustrators.ru/users/ekaterina-artyuhoval)

Анастасия Красовская

https://www.instagram.com/nani.nani.art_2/

Ирина Буртовая

[https://illustrators.ru/users/](https://illustrators.ru/users/id60764)

[id60764](https://illustrators.ru/users/id60764)

Трофименко Оксана

https://behance.net/Oxanka_art

Ксения Ястребова

[https://illustrators.ru/users/](https://illustrators.ru/users/ksenyou)

[ksenyou](https://illustrators.ru/users/ksenyou)

Аня Комидо

[https://illustrators.ru/users/anya-](https://illustrators.ru/users/anya-komido)

[komido](https://illustrators.ru/users/anya-komido)

Наталья Тарадецкая

[https://illustrators.ru/users/](https://illustrators.ru/users/consolatoria)

[consolatoria](https://illustrators.ru/users/consolatoria)

Татьяна Придчина

[https://illustrators.ru/users/](https://illustrators.ru/users/id56224)

[id56224](https://illustrators.ru/users/id56224)

Почтовую рассылку альманаха
осуществляет редакция. Оставить
заявку на приобретение нового
номера можно на сайте litra.online

Сайт дайджеста:

litra.online

Телефон:

8 (999) 206-13-55

E-mail:

litra@litra.online

(для любых вопросов)

Подписано в печать

10.11.2021 г.

Тираж 200 экз

Отпечатано в издательско-
полиграфической фирме
«Реноме»
192007, Санкт-Петербург,
наб. Обводного канала, д. 40

В дайджесте собраны
произведения авторов,
публикующихся на сайте [litra.
online](http://litra.online). Все авторские права
на публикуемые на сайте
произведения принадлежат
их авторам и охраняются законом.
Перепечатка произведений
возможна только с согласия его
автора. Ответственность
за публикуемые произведения
авторы несут самостоятельно
на основании законодательства
РФ

Иллюстрация на 1 стр.
обложки: Екатерина Жук

4

ТА ЕЩЕ ДРАМА

Работа победителя конкурса
драматических рассказов

Николай Хрипков
**«Застать на месте
и врасплох»**

6

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТУРНИР «ПОБЕГ»

Конкурсные работы авторов,
занявших призовые места в
турнире

Владислав Русанов **6**
Николай Дик **9**
Дмитрий Рахмилов **14**
Анастасия Варивода **16**
Владимир Артамонов **17**
Анатолий Шутый **18**
Татьяна Маркевич **19**
Евгений Лука **21**
Владимир Алесковский **25**

26

ПРОЗА

Андрей Ладога
**«Зубы технорука
Дудко»**

34

НЕ ПИШИ В СТОЛ

Работы призеров
литературного конкурса на
сайте Литры

Александр Ралот
**«Букет Императрицы»
или история одного
аромата» 34**

Олег Шаст
«Запах сирени» 37

Иван Алексин
**«Семь шагов в никуда»
45**

Ярослав Антакольский
**«Запах Советского
Союза» 53**

Михаил Небрицкий
«Прощение» 57

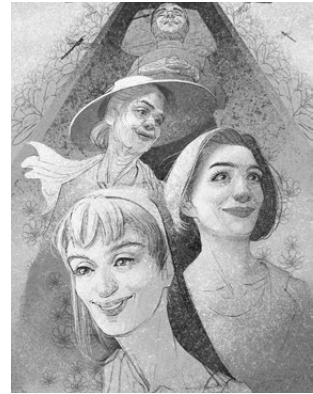
Тимофей Ю
«5.0» 81

83

ПРОЗА

Валерий Цуркан
«Дитя моря»

88

СТИХИ

Вячеслав Сохмарёв **88**
Насиба Кипке **90**
Виктория Крылова **96**
Александр Костерев **98**
Энзе Фойгт **100**

104

КРОССВОРД С
ФРАГМЕНТАМИ

106

КИНО

Николай Хрипков

Застать на месте и врасплох

Я, когда пьяный, то вообще-то ничего, хороший. Только пою. Громко пою. Хотя петь совершенно не умею. Пою революционные песни, лирические и народов мира на их же языках. Правда, слов не знаю и мелодии тоже.

И ещё пляшу. И нецензурно ругаюсь. И дерусь. И окружающую обстановку начинаю крушить. И поэтому все мои из дома убегают и прячутся. И мы начинаем играть в прятки. Я бегаю по двору с ножом, топором, работающей бензопилой и ищу их. Но они у меня игроки ещё те... ни разу ещё не выигрывал.

А потом и вообще принаглели. Прихожу домой выпивший. Ни души. Хотел спеть и сплясать. А для кого, спрашивается? Кто оценит? Ну, тогда думаю, что-нибудь разобью. Кинулся по комнатам, а ничего нет. Ни телевизора, ни серванта. По стене двинул со злости пару раз кулаком. А дом у меня бетонный. Так и инвалидом можно стать.

Схватил нож, топор, завёл бензопилу, давай своих искать. Как сквозь землю провалились. А утром я всегда смирный и раскаянием мучаюсь. Жена под боком, детишки у себя сопят. Вся обстановка на месте... Так и повелось. Стоит мне запить... Тут бы попеть и поплясать, а дома хоть шаром покати. Ну, я-то хитрый. Понимаю, что к чему. Только я на свою улицу заверну, уже дома знают, что папка домой пьяный идет. Тогда я выпил, сколько положено и загримировался. Бороду из пакли приклеил. У корешей спрашиваю:

— Узнаете?

— Ты, - говорят, — кто такой? Сразу видать, не здешний.

Ну, думаю, сейчас устрою концерт, отведу душеньку. Двери дома настезь... Что такое? Как на кладбище: могильная тишина. Мебель, конечно, вся вынесена. Побегал, само собой с инструментом. Да разве ж их найдешь! Утром просыпаюсь. Всё на месте. Я, заикаясь и краснея, спрашиваю у своей: «Ну, как вы узнали, я ведь... того... загримированный был?» Она смеется: «Да кто ж тебя, чёрта пьяного, не узнает? Прибегают ко мне, говорят: «Твой совсем того, к морде паклю прилепил, куртку шиворот-навыворот надел... В общем, никакущий!» «Ладно, — думаю, — всё равно я вас застану на месте и врасплох». Напиваюсь, как положено, и нанимаю частника с иномаркой с этим... того... тёмными стёклами, чтобы внутри никого не было видно. Бжик только — и дома! Бегом, дверь нараспашку.

— Ага! — кричу.

Что такое? Ни души! И мебель... В общем, чисто. Ну, побегал с инструментом. Да разве ж этим нервы успокоишь?

Утром просыпаюсь, спрашиваю у своей. Смеётся.

— Прибегают ко мне, говорят, на нашу улицу свернула иномарка с тёмными стёклами. Ну, всё же понятно, что это только ты пьяный за тёмными стёклами от глаз скрываться пытаешься.

«Ладно, — думаю, - вы, значит, умные, а я дурачок, выходит». Посмотрим ещё. Я вам покажу! Я ещё и спляшу, и спою, и посуду побую, и кулаком припечатаю, как положено. Думал я, думал, всё

перебрал. От огорчения даже про пьянку забыл. А ничего придумать толкового не могу. Уж такие идеи были, куда там ваш Архимед! Только понимаю, что сразу раскусят... Ну, хоть в петлю лезь... И вдруг... Стоп! А что если прикинуться трезвым? Ведь от трезвого они не прячутся. Только как это прикинуться получше? У нас же стопку не успеешь смахнуть, уже за километр по запаху учуют. Потом чуть-чуть пошатнёшься, глазки уже не так блестят... Нет! Сразу раскусят. А что если совсем, ну, ни капли? Так я и сделал. Прикинулся трезвым. И накрыл! Обманул! Вот они медовые мои! И мебель вся на месте. Ну, сейчас я дам жару! Попались! Обманул! Шепчу с порога и радостно потираю руки. Для начала решил песню запеть. Только... Что такое? Ни одной песни не вспоминается. Ладно! Чёрт с этой песней! Спляшу-ка я! Топнул я ногой, хлопнул в ладоши. А сам на себя вроде как со стороны смотрю. Вроде как из психбольницы пациент. До того стыдно стало. Да пойду я, хоть пару тарелок разобью!

Достаю из шкафа и протягиваю жене.

— Какой ты у меня заботливый сегодня! – говорит она. – Садись за стол! Я сама всё сделаю.

И чмок меня в щечку. Хотел я её припечатать. И кааак припечатал тоже... по щёчке... поцелуем, значит. Ну, потом, значит, встаю из-за стола.

— Куда ты? – спрашивает.

— Да за инструментом пошел.

Завёл бензопилу. Перепилил дрова, которые ещё с прошлого года. Потом за топор... Да что тут рассказывать? Так с тех пор, как ни прихожу домой врасплох, так и застаю всю семью вместе... Пить, конечно... Разве что по праздникам.

Николай Хрипков

Родился в 1954 в Новосибирске. Закончил отделение филологии гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Работал учителем. Сейчас библиотекарем.

Владислав Русанов

Импровиз

Звонит струна, поёт свирель,
Созвучья льнут к высоким сводам.
Творит великий менестрель,
Любим и знатью, и народом.

Раз-два, поклон и поворот,
Морская гладь в глазах прекрасных.
Пощёчина, скривлённый рот.
«Юнец, ты ищешь смерть напрасно!»

«Посланник? Сын? Какая дичь!
Нельзя довериться браккарцу.
Я уши на ходу остричь
Клянусь ему в финале фарса!»

Несмелый стук, неслышный шаг...
Щекою к тонкому запястью.
Пускай ты музыкант и маг,
Тебе не дать девице счастья.

Укол, рипост, танцует сталь,
Сменяет терцию секунда,
Пусть ничего теперь не жаль,
Топтать ногами гордость трудно.

К горячей шее скакуна
Припав, он мчит от горькой правды
И словно омуты без дна,
Горят в ночи глаза-смарагды.

2013

Иллюстрация: Трофименко Оксана

Бегство

Травой обросший каравеллы бок
волна ласкает. Картахена. Август.
Ты одноног, но ты не одинок.
Ты повидал и правду, и неправду.

Твои друзья и голодны, и злы.
Ножи в зубах — бесстрашная рванина.
Жирка не нарастили на мослы,
зато в бою всегда прикроют спину.

Ты грезишь о закатных берегах,
о золотых ручьях под небесами,
но у тебя всего одна нога,
ты с берега следишь за парусами.

Когда пройдёт усатый альгвазил
и стража башмаками отгрохочет,
ни дьявола, ни бога не спросив,
мы сядем в лодки под покровом ночи.

Бесшумны вёсла, крючья на фальшборт.
Над бухтой тьма. Матросы спят беспечно.
И каравелла покидает порт,
смывая кровь от схватки скоротечной.

Курс зюйд-зюйд-вест. В душе поёт орган.
Прочь, Старый Свет! Мы не умрём, состарясь.
Зачем тебе проклятая нога,
когда есть палуба и полный ветра парус?

2020

Владислав Русанов

Родился 12 июня 1966 года.

По образованию инженер-геологоразведчик, кандидат технических наук по специальности «Бурение скважин». Живу и работаю в Донецке.

Прозаик, поэт, переводчик.

Автор 28 книг, вышедших в разное время в издательствах «Крылов», «Астрель», АСТ, ЭКСМО, «Шико».

Переводил с английского прозу и стихи.

Член Союза писателей России.

Николай Дик

Как сбежать бы назад?

Ну, как сбежать бы мне назад
на шаг или на два,
где не окрашена в закат
пахучая трава;
где тучам несколько минут
отводится жарой,
а босоногие бегут
за юностью гурьбой?
Но лучше всё-таки — на год
туда, где не попад,
не по уму, наоборот,
наощупь, наугад.
Зато удача — впереди,
а вечер — пять минут;
что пожелаешь обрести,
то крылья принесут;
где бестолковость неправа,
но ты не виноват...
И не окрашена листва
в багрянцевый закат.

Побег в июль

От ночной аритмии и горьких пилюль,
монотонного боя домашних часов
убегу на неделю в цветущий июль,
чтоб насытиться песнями бойких щеглов.

Может, в поле некошеном или в ручье
потеряется энная дюжина лет,
и покажется, будто в объятьях ночей
я обратно семнадцатым летом согрет.

И захочется глупости рвать и метать,
мотыльком в облака или щукой на дно...
Только жаль, что весеннюю стройную стать
в середине июля вернуть не дано.

Но пахучей траве уступают года —
босиком по июлю сумеет любой.
Исцелит аритмию живая вода,
а хандру и болячки — вечерний покой...

Если лето поджарит набитый трамвай,
поползёт циферблат перегретых часов,
убегай на неделю в соломенный рай,
чтоб насытиться пеньем июльских сверчков.

Иллюстрация: Аня Комидо

Сбегу из города

Ежедневно по улицам каменным
ухожу по делам неприкаянный,
обгоняя таких же потерянных,
уходящих по личным делам.
Древний город наполнен заботами,
суетой бесполезной и вздохами,
посему и привычен прохожему
городской суматошный бедлам.

Надоело, сбегу я из города
на деревню без всякого повода,
надышусь в ней свободой, а вечером
отыщу колдовскую луну.
И под ней, сединою отмеченный,
ускользну от людей незамеченным
в чисто поле и там, за околицей,
на траве бархатистой усну.

Николай Дик

Публицист, прозаик и поэт; Отличник народного просвещения, член Союза журналистов России, Союза писателей России, Межрегионального союза писателей, Международного союза писателей и мастеров искусств. Автор свыше 80-ти книг по педагогике, теории и методике воспитания; 4-х книг публицистики, 4-х книг прозы, 21 сборника стихов, составитель 4-х сборников афоризмов, пословиц и поговорок (с переизданиями свыше 160 книг), изданных в девяти издательствах России; г. Азов Ростовской области, Россия

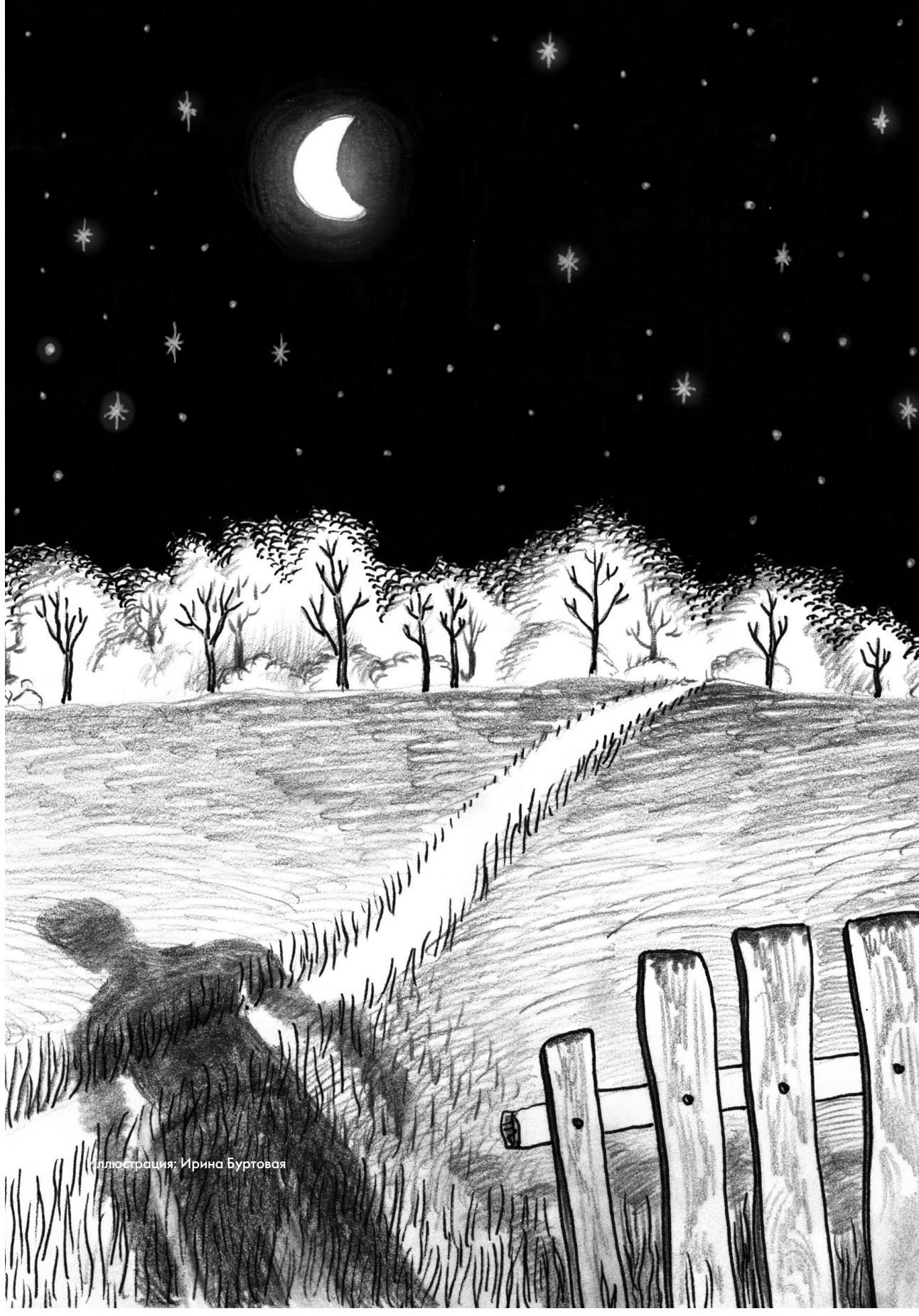

Иллюстрация: Ирина Буртовая

Дмитрий Рахмилов

Побег из реальности

Нас с тобой в эту ночь провиденье отпустит,
Когда негой объята уснут города,
В край, где стелет туман островки своей грусти,
Где к утру, отпылав, угасает звезда

В мир, где радуют глаз наготой неприкрытой,
Молодые берёзки, листвою шурша,
Где трава предрассветной росой умыта,
И над речкою ива стоит, не дыша

Еле слышную трель, как всегда, осторожен
Заведёт для души полусонный сверчок,
Выйдет филин в дозор, горделив и ухожен,
И продолжит кукушка свой вечный подсчёт

Мы, хмельные от запаха терпкой полыни,
Попадём в эту сказку под куполом звёзд,
И под кронами, в свете Луны голубыми
Разольётся ковром поле краповых роз

Суету городов — на раздолье видений
Нам заменит волшебная странница ночь,
До рассвета с тобой мы исчезнем, как тени,
Совершая побег от реальности прочь

Дмитрий Рахмилов

Уроженец города Дербент, республики Дагестан, с раннего детства увлекался творчеством Высоцкого, Галича, Розенбаума, писать начал в возрасте 13 лет, публиковался в «Пионерской правде», в местных изданиях, после окончания школы работал корреспондентом в городской газете, где основной деятельностью являлась проза, но в последствии совершенно четко сделал выбор в пользу поэзии.

Иллюстрация: Трофименко Оксана

Анастасия Варивода

Дом с маяком

Когда в сердце становится ветрено,
Ухожу я от мира тайком.
Где-то ждёт меня тихо и трепетно
Удивительный дом с маяком.

Черепицы его очень гладкие,
Даже чайки садятся на них.
А внутри есть сундук с шоколадками
И огромные замки из книг.

Можно броситься к верхнему ярусу
И подняться самой на маяк.
Чтоб подать белоснежному парусу
Направляющий к берегу знак.

Вижу чудо сполна, а не в щёлочку,
Сны рисую, до слёз хохочу.
В общем, всё здесь так складно, по полочкам,
И я делаю то, что хочу.

Дом от мира рука занавесила,
И в него не заглянешь толпой.
И ещё, как бы ни было весело,
Но придётся — вернуться домой.

Обнимаю я стены шершавые,
Улыбаюсь, хоть чувствую грусть.
Глядя в окна-глаза чуть лукавые,
Я шепчу только сердцем: «Вернись!»

Владимир Артамонов

Пресека

Отпущу я бороду
и рвану из города,
звонкими аккордами
оглашу леса.

Меж берез и сосен их
пропаду до осени –
где-то там есть пресека,
что уводит
прямо в небеса.

Там вне зоны доступа
мне неспешной поступью
набродиться б досыта,
надышаться б всласть.
Не хватает воздуха,
не хватает воздуха –
задыхаюсь, Господи!
голос мой
так может и пропасть!

Только жизнь шёпотом
не для соловья,
потому-то пропадом
пропадаю я.

И не важно, что потом
ждёт за полоса –
пропадаю пропадом –
ухожу в леса!

Где ещё напиться мне
ключевой водицы? Где?
Рыбы, Звери, Птицы, мне
подскажите, как
стать чуть ближе к космосу –
скоро на погост уже –
сколько можно с Господом
говорить
на разных языках?!

Отпущу я бороду
и рвану из города,
звонкими аккордами
оглашу леса.
Меж берез и сосен их
пропаду до осени –
отыщу там пресеку,
что уводит
прямо в небеса.

Анатолий Шутый

Сбежавший из ада

Жизнь больше жизни, крыльев венец,
Мощь расправленных парусов
Небом дарованы мне.
Я же при жизни уже мертвец:
Ноги остались в пасти у псов,
Вязнут в болотистой мгле.

С камня сдираю куски себя
Иль отрезаю то, что не надо,
Кости протискаваю, дробя,
Я – сбежавший из ада.

Мною услышан Восхода Горнист,
Чувствую я возносящий вверх
Белого пламени всплеск;
Только всё так же отчаянный свист
Дрожь возбуждает во мне и смех,
Как и дурмнящий блеск.

Слышу – зовет меня Легион,
Место оставив в строю парада,
Слышу шаги, как металла звон,
Я – сбежавший из ада.

Я – до предела растянутый жгут,
Я – проведенная вертикаль
Через поверхность Земли:
Часть меня в тысячах каменных груд,
Часть переходит в синюю даль –
Ветр я, огонь и угли.

Пересечение земли с прямой
Здесь предстает для людского взгляда,
Как в полный рост на ногах живой
Я – сбежавший из ада.

Татьяна Маркевич

Цветы

В пальцах две белых розы – не три, но почти что букет.
Чуть колышутся тонкие стебли от дрожи руки.
На вопрос «Что ты делаешь?» – мой слишком точный ответ:
На ступенях сажу. Обрываю у роз лепестки.

Рвутся вены цветов; сок – не кровь, мне их вовсе не жаль –
Всё равно ведь погибнут, завянут чрез день или два.
И уносятся клочья по ветру в звенящую даль,
Вместе с ними – ненужные сердцу пустые слова.

Растворились бездарные бредни о брэнной судьбе,
Красноречия слой откололся на первом шагу.
Остаётся лишь суть. Верно, это и нужно тебе.
Или нет... Извини, больше верить в тебя не могу.

Ты заснул. Но твоё одеяло – сырая земля.
Безразличен тебе почерневший, гнилой «белый свет».
Твоё сердце по температуре чуть ниже нуля,
А души, как моей, и в помине давно уже нет.

Не сковали гниющую рану на сердце бинты.
Маска психа порой слишком плохо скрывает печаль.

Я лежу на ступенях, отбросив в канаву цветы,

И сбегая из мира живых. Навсегда. *Мне не жаль.*

Река

Взрыхливши берег, песком укрытый,
Я сел у края большой реки.
На старой вывеске текст размытый:
Едва читается «За буйки...»

Плывут спокойно по мелким волнам
Стада серебряных облаков.
Им, подневольным и недовольным,
Терзает ветер края боков.

Но вдруг неистовым криком боли
Взревела в русле реки вода:
Наверно, дай ей немного воли,
И уничтожила б города.

В неповторимом гнетущем хоре
Слились стенанья и рокот волн.
Река б, наверное, стала морем,
Из берегов вырываясь вон.

Сплошным потоком лилось бы горе
На континенты, за край земли...
Да только тщетно. Невольно море.
Терзают плоть его корабли.

Как в лапах дикого злого зверя,
В познании тщетности бытия
Невольны люди. Закрыты двери.
В кругу невольных
Закован я.

* * *

Нырнув в бурлящую пеной воду,
Я скрылся в толще её навек.
А в сердце, гибнущем за свободу,
Желанной воли пророс побег.

Евгений Лука

Птахино счастье

1.

На реке Моське стоит град росский.
Мостами уместенный, каменюками умощенный.
Терема высоченные, купола золоченные.
Дороги широкие-длиннющие,
а вот людишки разные...
Трезвые и пьющие.
Черные и белые.
Бледные и загорелые.
Красные и голубые.
Сирые и приבלатные.
И чо... да ничо... через плечо.
Те что пьющие, горькую глушат
А те что трезвые, себя спортом душат.
Черные думают, что белые, зелень отмывают.
Белые себя не любят, солярии посещают.
Красные галдят на собраниях,
А голубые тянут их на свиданья.
Сирые ходят хмуро, в оранжевых жилетах.
Летом ждут зиму, а зимой лето.
А кто еще, гопота залетная,
Рубль сбили, просадили в легкую.
Нет им ни дома, ни места.
Все одно не из того теста.
Только ищут, коршуны, чем поживиться.
Когда залетит невинная птица.
Когда зверек несмышленный заблудится.
Надругается над ним изверг, поглумится.

2.

Так и залетела в те края неразумная птаха.
Вроде гламурная, не неряха.
Вроде с дипломом. Полна надежд.
Но город любит молодых невежд.
Не ведают они о злодействе в целом.
Как лишают счастья радоваться светом белым.
Как меняют цвет несмышленишам,
Как ломают жизнь неокрепшим детенышам.

3.

Началось все с достижений прогресса.
Прошлась по газетам, почитала прессу.
По граммофону пообщалась со столицей.
Нашла для знакомства новые лица.
Собралась. Переоделась в мышку.
Чемодан в руках, сумку в подмышку.

Взяла с собой все лучшее сразу.
Чтоб покорять собой эту столицу-заразу.
Запрыгнула в вагон, поезд почухал.
От эмоций слезу проглотила сухо.
Толи радоваться толи плакать
Толи кому на мозг капать.
Долго говорила с подругой по телефону.
Уже свет отключили, погасили плафоны.
А нет сна, одни мысли, ожидания, надежды.
Одно понятно. Нет жизни прежней.
А поезд чухает. Чух-чух. Чух-Чух. Чух-чух. Чух-Чух. Чух-чух. Чух-Чух.
И так тысячу километров.
Везет людей, гонимых ветром.

4.
Принял пташку вокзал, Курлянского направления.
Курляне разные все, и разного поколения.
Одни, толстые с четками, такси предлагают.
Менты обувают, гопота разувает.
Кто чужие сумки носит.
Кто левое бабло косит.
Бомжи смрадные под себя ходят.
А телки в поисках клиентов бродят.
Но нет нашей девочке тут затей.
Бежит под землю. Чемодан при ней.
Где-то там первая ступень.
Идти на верх. Вот главная идея.
Офис клевый, место, телефон.
Коллектив новый, задание, звон.
День прошел, пора домой.
Но куда идти одной?
А пойду ка я вперед, через лужу прям в народ!
Чуть припрыгнула, шажок,
Словно козка под рожок.
Боже, треск. Что делать, мам?
Я порвала юбку в хлам.
Что ж придумать, срам меж ног,
Плащ чуть спереди помог.
Толи плакать толи ржать
Стоя в луже неча ждать.
Надо думать, где ж ночлег.
Где найти себе коллег.
.....
Тут история моя, запинаясь и моля
Замолкает. Кто бы знал,
Где нашла она причал.
И про все свои догадки
Я бы лучше промолчал.
RRRRRRRRRRR.....

5.
Что ей снилось в эту ночь?
Может сны все вышли прочь.

Ну а может кто-то левый
Ей не дал уснуть помочь.
Автор репу почесал,
На вопрос ответ искал.
Только фигли тут чесаться
Взял и строчку дописал.

6.
День за днем текли рекой
Птаха спорила с собой.
Не сиделось ей на месте.
Нафига ей щас покой.
Ноги в руки, зад в штаны.
Куртка, джинсы, пацаны.
Покоряйся нам столица.
Лишь бы не было войны.
Чьи-то лица, города.
Километры – ерунда.
Покатушки, смеха звон,
Виски, суши, звуков фон.
Залетая в край родимый
Словно молнией незримой.
Хвостиком чуть покрутит
И назад опять летит.
Неуспехи ерунда.
Могут так пройти года.
Даже если непогода.
В общем тоже не беда.

7.
День один и день другой.
Время месяцем долой.
Заработанная плата
Вдруг нарушила покой.
Денег тышши, во дела.
Вроде шанс судьба дала,
Или просто в искушение
Судьба девку завела.
Рубль не деньги, рубль –бумажка
Экономить - тяжкий грех.
Так зарплату наша пташка
Просадила без помех.
Но не все рублем измеришь.
Как измерить плачь и смех?

8.
Как и росськая река
Есть и росськая душа.
Со широкими берегами,
Широка и глубока.
Только есть у наших рек
Толь закон, а толи грех,
Не текут они в обратку.

Не идет обратный бег.
Так и российский человек.
Сам себе и царь и бек.
Коль решил чаво состряпать
Не свернет с пути во век.
Вот и птаха, улетев
И в метро на ветку сев,
Даже и не представляла
Как вернуться на посев.

9.
Не спрошай меня, мой друг.
Тяжкий бег и долог круг.
И не каждому столица
Покориться хочет вдруг.
Выживала как могла.
Но вскоре девка родила.
И обратно с тем кулечком
Вдоль по рельсам побрела.
«Здравствуй, мама. Это я.
Ну а вот дитя моя.
А про ейного папашу
Я не знаю них ...копья.»
Мать дитя с дитем встречала.
Не ругалась, не кричала.
Тихо в доме приняла,
И с любовью обняла.

10.
Знайте, блудные сыны,
Вы нам дома все нужны.
И во все ваши сомненья
К дому ваши устремленья
Быть направлены должны.
Лишь бы не было войны!!!
.....

Тихо странною толпой
Взявши книжицу рукой,
Мантры черные читают
Плюшки чаем запивают.
И на целый белый свет
Страх кончины напускают.
Бабка мантру дочитав.

Евгений Лука

Всегда писал в стол. Сценарии для КВН, стихи, прозу, эпиграммы, басни, анекдоты.

Однажды выступил перед членами союза писателей. Начали публиковать. Вышла первая книга «Десятый круг».

Предприниматель. Волонтер. Мечтатель. Философ)))

Владимир Алесковский

Наказание философа

*«Вы идёте отсюда, чтобы жить, а я — умереть.
А что из этого лучше, неизвестно никому, кроме Бога».*
Сократ

Кому-то перерезать вены
В ванне из мрамора
С теплой водой
Приказало
Общественное мнение
Уйти
И не мешать.

А Сократу
Приказали
Выпить чашу с ядом.
Яд-настой
Пятнистого болиголова.
Потребовало
Общественное мнение
Наказать
Строптивного глупца.

Так принесём же жертву
Асклепию
Большого петуха
За мудрецов счастливых
Совершивших
Отчаянный побег.

Владимир Алесковский

Родился в Москве. Жил, учился, работал в Санкт Петербурге. Последнее место работы:

Северо-Западный Институт управления РАНХиГС при Президенте РФ.

Более 50 научных и учебно-методических работ.

Член Русского географического общества.

Андрей Ладога

Зубы технорука Дудко

Э то случилось утром, в четверг. Передний зуб на нижней челюсти долго подрастал над уровнем других зубов, и, поднатужившись, вылез, наконец, наружу. Сморщившись, Дудко несмелым, но напряженным языком отслонявил зуб от десны и хладнокровно его осмотрел. Освобожденный зуб на вид был вполне целый. «Ты был мной почти пятьдесят лет...», – подумал Дудко, бросая зуб в мусорное ведро. Не было ни грусти, ни сожаления.

Зубы стали разрушаться несколько лет назад, но Дудко по-мужски трусливо решил: «Начнут выпадать передние, тогда и пойду к врачу, а пока...» Сначала он ел на левой стороне, но вскоре тектонически треснул коренной левой, и, лишенный выбора, Дудко стал жевать на правой стороне, правосторонний коренной держался, несмотря на выпавшую пломбу. Дудко с особенным – щадящим и трепетным старанием чистил зубы. С помощью языка он вел кропотливый учет всем болезненным изменениям во рту. Дудко выучился бриться, не разжимая губ. Он стал практиковать разговор на расстоянии, особенно не разевая рот. Стальной швейной иглой, закрыв глаза, на ощупь, он скалывал кусочки зубного камня с зубов нижней челюсти. Дудко длил зубную агонию как мог, но в незаметный роковой промельк передний зуб выпал.

Задолго до этого Дудко снились кошмарные сны о том, как он на совещании раскрывает рот и зубы выпадают один за другим. Или он пьет утром кофе и на дне чашки обнаруживает почерневшие зубы. И вот сны стали явью.

Дудко нашел марлевую маску, оставшуюся от пандемии, и подумал: «Есть два плюса: теперь можно реже бриться, и во-первых – не видно сгнивших зубов». Впрочем, обнаружив несколько лет назад темное пятнышко на переднем нижнем зубе, он больше не заглядывал себе в рот, решив так: «Пусть дантист рассматривает».

Дальше откладывать неприятное дело было бессмысленно и Дудко записался на прием в ближайшую стоматологическую клинику.

Доктор неприятно трогал сильными пальцами оставшиеся зубы, распространяя вглубь Дудко медицинский запах резиновых перчаток, беззастенчиво запускал в рот пациента хищно утонченные заостренные инструменты, скептически, и, одновременно, радостно похрюкивал и кивал сам себе, завидно согласный с собой.

«Деньги считает», – неприязненно решил Дудко.

Врач сказал, что именно надо сделать, затем торжественно огласил приговорную цифру, оказавшуюся эшафотной. Технорук внутренне содрогнулся. Это было целое состояние. У него не просто не было таких денег, у Дудко не было смелости хотя бы мысленно представить эту сумму.

– Это приблизительный расчет, – веско сказал дантист, делая покойнико-синими перчаточными руками многое обобщающие округлые жесты, – медицина – наука примерная, и скорее всего, эта сумма увеличится.

«Увеличится?», – глядя в бесконечный потолок, Дудко согласно закивал.

– И деньги нужны наличные, – звонко сняв перчатки, доктор стал заполнять зашелестевшие деньгами бумаги, – а для разгона вам надо сделать объемный снимок, это рядом, на Омской, впрочем, в Кургане все рядом.

На следующий день Дудко «разгонно» посетил казематный кабинет на Омской улице, где ему

помогла стеснительная девушка тростникового вида. «Не мой тип, – думал Дудко, – девушка без женственных выпуклостей не вызывает доверия, определенные объемы тела и мыслей необходимы».

Технорук надел тяжкий свинцовый жилет, затем, осторожно сжимая зубами какой-то пластмассовый отросток, Дудко жмурился, в то время как над его головой, угрожающе мигая непонятным, медленно вращалась таинственная полусфера.

Худенькая девушка сидела в соседней комнате. Дудко услышал ее напряженный голос:

– Не получилось... Сожмите челюсти сильнее, и не бойтесь... мужчины такие нерешительные... все равно большинство ваших зубов удалят. Еще раз.

Лязгая остатками зубов, Дудко нервно сжал челюсти. Неприятная процедура повторилась.

– Оставляем второе исследование – казенно сказала девушка.

«Бог иногда есть», – подумал технорук.

Через день, вооруженный личным патологоанатомическим снимком, Дудко посетил еще одну клинику. Сумма увеличилась в полтора наличных раза.

«Вероятно, снимок показал дополнительные расходы», – решил Дудко и пал духом, он не понимал, где он возьмет эти деньги. «Кредит под только что выкупленную квартиру? Но это бред! Где квартира, а где зубы?!»

По дороге домой, в канцелярском магазине «Вещное», он купил школьную тетрадь и пару простых карандашей. Отчего-то карандаши представлялись более солидными, чем легкомысленные шариковые ручки. Рассчитываясь за покупки, Дудко думал над словами доктора, прощаясь, тот сказал: «И не затягивайте с лечением, помните, у каждого врача, даже у дантиста, есть свое персональное кладбище».

Дома Дудко сделал чай с лимоном, раскрыл тетрадь и столбиком стал складывать цифры. «Цифры – это самое надежное. Цифры отвечают на все вопросы, кроме одного. Вот это – мои хилые сбережения. Дурак, надо было больше откладывать, ведь в последнее время были же квартальные премии. Сам ты дурак! Как откладывать, когда я вносил за квартиру?! Ладно. Примерно это я могу попросить у матери. Плюс. Это попрошу у начальника, в счет возможной премии или из «кассы взаимопомощи», все-таки я – технический руководитель отдела силовых установок нашего хладокомбината. Плюс. Вот это можно попросить займы у Петровича. Плюс».

Пару лет назад Дудко выручил Петровича, дав займы деньги на новую лодку для рыбалки, правда, Петрович возвращал «кровавыми» частями и долго, и было непонятно, какой из процессов, получение или возврат, более врезался в Петровичеву память.

Дудко вздохнул. Он вспомнил, что ему говорил отец: «Считай только те деньги, что у тебя в кармане». Своих денег «в кармане» было мало.

Назавтра Дудко сходил в третью по счету клинику. Там его неожиданно обнадежили. Удаление останков умерших зубов и два протеза обходились уже в половину «состояния».

– Сколько времени не были у врача?

Думая о странной привычке стоматологов разговаривать с пациентом, когда тот, освещенный лампами Н.К.В.Д., в полубмороке лежит в пыточном кресле с распахнутым настежь ртом, Дудко повеселел.

– Лет сорок, – Дудко вспомнил толстую тетю-врача, которая, наваливаясь пуховой подушечной грудью, лечила ему зубы в пятом классе, дыша в его застывшее окаменевшее лицо нечистой частой пульсирующей одышкой. Инквизиторские звуки металла о стекло, потусторонние запахи жженой кости, зуд бормашины в затылке – панический ужас советского детства.

Затем доктор с пугающими паузами стал расспрашивать о головных болях Дудко. – «Мигрени? Боли в отдельной части головы?» – «Нет, не болит» – «Это связано с зубами, в лобной доле переплетены множество окончаний, при болезни зубов это влияет на головную боль». Скоро Дудко понял, зубы – главная составляющая головы...

С писающим звуком пустив воду в умывальнике, доктор неопределенно и негромко вздохнул. Дудко только сейчас увидел в отражении зеркала печеные нездоровые щеки врача. Стоматолог перехватил его взгляд и нахмурился.

– Это давление, а не то, что вы подумали.

– Я ничего не подумал, – «умный», подумал Дудко.

– Рубли наличные, – сказал умный доктор, – других не берем.

– Я так и подумал, – мысленно технорук уже выбрал доктора с печеночными щеками.

Вечером Дудко позвонил матери, но мать странно поговорила с ним, в том смысле, что она конечно поохала и посочувствовала, но тут же твердо добавила, мои деньги – на мои похороны, мол, выкручивайся сам, чай не маленький, пятьдесят лет скоро.

Дудко раскрыл тетрадь с зубовными цифрами, обвел цифру матери кружочком и рядом нарисовал знак вопроса. Затем он позвонил Петровичу. Радостный Петрович тут же замялся, когда понял, о чем идет речь и живо перевел разговор на карасей, что он наловил на озере Аракуль.

– Хочешь, тебе привезу!? Вот такие караси! В руку моей Глафиры.

Глафира была жена Петровича. Крупная, языкастая женщина с широким тяжелым задом. Петрович, да и Дудко побаивались Глафиру.

Нет, Дудко не хотел карасей. Ясное дело, Петрович больше запомнил возврат долга. Кроме того, выяснилось, что Петровичу надо срочно выдавать внезапно забеременевшую дочку замуж, и...

– ...сам понимаешь, нужны деньги!

Да, Дудко понял. Цифру Петровича он тоже обвел кружочком. Затем сложил цифры матери и Петровича и приписал их к цифре, что он намеревался попросить у начальства родного хладокомбината, получилось много. У директора было замысловатое имя, а именно: Семен Адольфович. И подходящая для директора хладокомбината фамилия – Тонус. Он был небольшого роста, лысый, склонный к постоянной меланхолии, которую иногда, как будто бы что-то компенсируя, прорывала неумная буря эмоций. Эти мгновения были известны среди подчиненных как «истерики Адольфовича». Вспомнив эти вспышки беспричинного гнева шефа, Дудко подумал: «В крайнем случае, продам аудиосистему, телевизор, холодильник и стиральную машину». Технорук прикинул самую скромную сумму выручки за проданную бытовую технику, получилось хорошо. Не так, чтобы много, но и не мало.

«Так и сделаю», – успокаивал себя Дудко.

При всем своем нынешнем несчастье, технорук не перестал мечтать о знакомстве с какой-нибудь покладистой девушкой, хотя в последние годы – из-за зубов – он стеснялся общаться с прекрасным полом. Он думал об этом спокойно: «Ничего, наверстаю!» Это было не упущенное, но отложенное дело. Дудко твердо знал, оставшиеся годы жизни будут долгими, и, главное, самыми важными в его судьбе. «Лет двадцать у меня еще есть, а за это время можно родить и воспитать сына».

Именно о девушках, не о женщинах, технорук мечтал каждый вечер, перед сном. Дудко не думал ни о производственных делах, ни об отношениях с матерью, ни о бытовых заботах, то есть он думал и об этом, но главным были девушки.

Совсем недавно Дудко счастливо внес последний взнос за однокомнатную квартиру, на радостях купил мягкую мебель, телевизор, холодильник и стиральную машину. Кроме необходимого, потратился на прихоть – отличную аудиосистему с «коренным» проигрывателем лазерных дисков, мечта бедной безотцовской юности. Словом, технорук готов был встретить свою девушку «для серьезных отношений», но тут выпал зуб.

Утром он решил не откладывать неприятный разговор с Тонусом. Записался на неотложную встречу «личного характера», и в назначенный час его вызвали по селекторной связи. Он сел за стол, напротив шефа, демонстративно снял маску, коротко сказал, что нужно.

– Ты что же думаешь, – с неприличным любопытством разглядывая Дудко, Адольфович стал медленно возвышать голос, – предприятие тебе – дойная корова двойного вымени? Сегодня квартира,

Иллюстрация: Анастасия Красовская

завтра мебель, послезавтра зубы?!

Вздохнув, Дудко закрыл глаза. Он не мог осознать строй замысловатых слов про «дойную коро-ву двойного вымени». Из двух вариантов: «гитлеровская истерика» или спокойный разговор, Семен Адольфович, кажется, выбрал первое.

– Я погасил кредит за квартиру, – сказал Дудко, – мебель я купил на свои деньги.

– Ну да, – задумчиво согласился Тонус, по всей видимости, передумав изображать истерику, – без зубов тебе ходить тоже не гоже. Ты же все же технический руководитель.

– Вот именно, – Дудко надел маску.

– Деньги я тебе выделю, но не сейчас и частями. Все запишем на твой счет, и будем удерживать из зарплаты, процентов... – Адольфович взял вопросительную паузу.

– Тридцать. И мне необходимы отгулы для лечения.

– Тридцать процентов будем списывать из твоей зарплаты. И отгулы. Договорились.

Испытывая чувство облегчения, технорук спешно вышел из кабинета. Разговор прошел и гаже, но и глаже, чем предполагал Дудко. «Завтра же иду к дешевому печеночному пыточному доктор».

Этим же вечером Дудко снял все деньги, что были в Сбербанке и утром следующего дня записался на прием к врачу-стоматологу с печеночными щеками.

Начался изнуряющий процесс лечения. Удаляли по два зуба «за сеанс». В районе тринадцатого зуба позвонила мать.

– Сын, забирай мои похоронные деньги, я пока умирать не собираюсь, – сказала она, – потом как-нибудь помру, позже. Так и ты, чай, не под забором меня кинешь, похоронишь по-человечьи.

Он шепеляво поблагодарил мать. Подумал: «Не надо будет продавать телевизор, аудиосистему и холодильник со стиральной машиной. Отлично!»

– Мамуля, я все верну.

– Ладно, мы же с тобой родственники, – вздохнула мать.

В субботу незвано приехал Петрович с Глафирой. Петрович привез окуней, Глафира, демонстра-тивно засучив рукава, стала хмуро готовить уху. Петрович охотно вел разговор за троих, Дудко на-дел маску, без зубов было неловко.

– Выкрутился? И хорошо, – твердил Петрович, – мы, русские, чем характерны? Выкручиваемся!

– Точно, – отозвалась из кухни чуткая Глафира, – мы как белье, крути нас куда хочешь, выжимай насухо, до капли.

«Какое счастье, – радовался Дудко, – что все ненужное имеет конец». Так и вышло, уха была сва-рена, пустые разговоры бесследно ушли в кухонную раковину. Дудко с облегчением закрыл дверь за «татарскими», но, по-своему добрыми гостями, отмечая попутно, что откупная кастрюля ухи призыв-но благоухала.

«Главное в жизни, научить убеждать себя, – думал Дудко, поедая вкусную уху, – остальное пустяки. Все люди делятся на тех, кому ничего не надо объяснять, и на тех, кому объяснять бесполезно».

В постели он привычно думал о девушке, превращая мимолетно увиденный на улице или в транс-порте случайный образ в ночные божественно-инфернальные пикантности. Взвешивая бытовое слово «голая», парадное «обнаженная» и нейтральное «раздетая», он выбирал «голая». Еще он думал над тем, что для юности нет слова «порнография». Напряженное бедро, занесенное над бортом ванной, напоенной океанскими ароматами; ускользящая мыльная грудь с твердым ориентиром соска и глав-ный золоторунный треугольный приз – засыпая, технорук отчетливо видел всё это.

Дудко мысленно касался девушку, разнообразил её чувственные позы, напряженно удивляясь но-вациям положений рук и ног. Эти грёзные упражнения с податливым телом девушки перебарывали выматывающие подробности реальности. Под утро ему приснилось откровенное, девичье: «У меня там треугольник, но я могу сделать полоску, ты что предпочитаешь?» Дудко хватил этого сонного

эпизода на весь его гнусный «зубной период».

В воскресенье он съездил к матери и забрал ее деньги. Было неловко, но он забрал.

– Ты не волнуйся, я верну.

– Я не волнуюсь.

Мать была сухой строгой «женщиной семидесяти лет», сумевшей сохранить к финалу жизни некоторое благородство. Слов «пожилая», «пенсионерка», «старуха» и даже «старушка», она не любила. После смерти отца она стала рассудительно спокойной и при этом энергичной, проверяя все свои решения здравым смыслом. Сына она учила одному: «Умей отвечать за себя». И добавляла: «Тогда и мне поможешь». Отвечая за себя, Дудко записался в секцию бокса, и научился держать удар и отвечать буквально, кулаками, – это пригодилось в армии. После армии он закончил техникум, затем машиностроительный институт, последние десять лет был техническим руководителем хладокомбината родного Кургана. «И при этом, – думал Дудко, – сейчас я занимаю деньги у пожилой матери. Как так получилось? Квартира...»

– В жизни всякое бывает, – оправдывая, мать читала его мысли, – твое самолюбие позволит тебе выпить со мной чай?

– Мать, ты настоящий друг!

– Матери придуманы еще и для того, чтобы иногда занимать деньги своим взрослым сыновьям.

Маета с вырыванием гнилых зубов, заживлением, слепками челюстей и изготовлением протезов длилась два месяца. Самыми мучительными были недели после удаления всех нездоровых зубов, когда болезненно заживали десны. Эти дни Дудко не выходил из дома без анальгина.

На работе все было по-прежнему, все знали о его проблемах, и не обращали внимания на маску, что не снимал Дудко. Он ел обезболивающие таблетки, тертые яблоки, кашу и бульоны. При этом технорук думал не о «частичном отмирании тела», но о новой жизни.

– Есть природные идиоты, – говорила мать, – а ты природный оптимист, оба эти состояния едины надеждой, а это плохо.

Дудко пожимал плечами, имея ввиду многие смыслы на выбор.

Когда наконец стали примерять протезы, он думал о том, как он скажет об этом своей будущей девушке? Протезы мешали, особенно нижний, начался занудный процесс подгонки. «Ничего, привыкну, я, к сожалению, не первый, но и, к счастью, не последний, – думал Дудко, – так как же? Она ползет языком мне в рот, а там все это? А как целоваться?»

Он не находил ответа. «Ладно, все решится как всегда, то есть – само собой». Вероятно, это и будет мое объяснение в любви. «Ты знаешь, у меня протезы. Выйдешь за меня?»

Дудко заплатил за зубы, вышло больше того, на что он рассчитывал. Он продал свою бытовую технику и вернул деньги матери. Остался большой долг перед хладокомбинатом, но эти деньги списывались из его зарплаты. Дудко подсчитал, он будет оплачивать свое лечение почти год. «Ничего, проживу, буду еще стройнее и еще красивее, много есть вредно».

После примерки протезов, он с холодным вниманием улыбнулся сам себе в зеркало. Его рот был заселен белыми ровными зубами, ощущения были сильными, из зеркала на него смотрела его обновленная жизнь. С новыми зубами Дудко выглядел лет на сорок. Это была хоть и относительная, и зловещая, но молодость. Зубы были как настоящие, и это было чистым и беспримесным счастьем. Дудко попробовал бутерброд – хлеб с колбасой. Впервые за долгие годы, он не отламывал кусок, а кусал бутерброд. Ощущение полноты бытия усилилось.

«Какое-то время надо жить особенно осторожно, чтобы беда не уравновесила новые зубы, а то, мало ли? Болезнь матери. Или самолет со мной упадет», – думал Дудко. Последний раз он летал на самолете лет двадцать назад.

Этим же вечером, отмечая блестящую новизну зубов, технорук решил «выйти в люди» и посетить кафе-бар Havana, что находился в старом особняке на улице Гоголя.

«Может быть, познакомлюсь с кем-нибудь?» Дудко знакомился с девушками просто, он всегда говорил правду. Покоренные его искренностью девушки, оставшиеся рядом с ним и были настоящими, так думал Дудко.

В баре, сидя за стойкой, он заказал салат с креветками и порцию daiquiri. Слушая негромкую Bossa Nova, вечную вещь Garota de Ipanema, он с удовольствием пил коктейль и закусывал креветками, осторожно пробуя возможности новеньких зубов. Казалось, протезы работали идеально. Под потолком реял дух Эрнеста Хемингуэя. Дудко хотелось все время улыбаться и в потолок, и без повода.

«Вещное, – думал Дудко, – вот когда я это разгадал, соединив «вечное» и «вещь»».

Скрывая улыбку, наслаждаясь, Дудко прикрыл глаза и тут же почувствовал, рядом с ним уместилась девушка. Всё было как должно было быть. Какое-то время они молчали.

– Здесь замечательный коктейль и салат с креветками, – спокойно сказал он, глядя перед собой, – хотите?

Пыльность «книжных» слов Дудко окропил свежей сдержанностью интонации. Он был готов и к победе, и к поражению. Дудко загадал, если будет красивая, все у нас будет хорошо.

– А давайте, – сказала девушка, отвечая ему его же спокойствием.

Он оценил эту заглавную «А», которую треугольно подпирали решимость, масштаб и готовность к практичным авантюрам. Дудко повернулся к своей соседке и раздвинул губы в улыбке – девушка была хорошенькой, со временем она обещала быть и красивой. Она улыбнулась в ответ. Этим зубам было двадцать четыре... может быть, двадцать пять лет. Ни улыбки, ни коктейли, ни салаты, не обязывали их ни к чему, они оба понимали это, хотя он тут же представил ее раздетой. Фактурная фигура фигуристки – получилось совсем неплохо. Но пока что на ней было черное, облегающее всё женственное платье, богатые черные волосы были скручены в тугий шиньон. От девушки исходил тонкий тепельный аромат сирени шестидесятых годов, и, при любых обстоятельствах, до второго с половиной утра она была «годная».

Дудко заказал для нее коктейль и салат. Через пять минут девушка и Дудко заняли освободившийся столик рядом с дверью, еще через пять минут, интуитивно расшифровав свое впечатление от нее, со сладким сожалением, подкрепленным вкусом лайма, он понял, – увы! – она не его. Или он не её? Этой Дарине – вот странное имя – он не смог бы сказать: «У меня протезы. Выйдешь за меня?»

Они говорили о каком-то режиссере – Гайверонском? – что предложил Дарине роль в спектакле местной труппы Курганской драмы. «Сложносочиненная фамилия, есть что-то итальянское, от Вероны, что-то венерическое и вронско-толстовское», – улыбнулся про себя Дудко. – «Вы актриса?» – «Я журналистка, но я, вероятно, очень понравилась режиссеру» – «И?» – «Конечно, я отказала!» – «Вы брали у него интервью?» – «Именно!» – «Что вас поразило в режиссере больше всего?» – «Его сандали! Совершенно плебейского вида!» – «И поэтому...» – «И поэтому я отказал ему, и, кстати, во всех смыслах!» – «Он домогался вас?» – «Чуть-чуть! Как все мужчины!»

Дудко взвесил, и все же решил высказаться: «Одна девушка однажды задала мне вопрос: «У меня там треугольник, но я могу сделать полоску, ты что предпочитаешь?» Это к вопросу о том, кто кого домогается»

Дарина преувеличенно смеялась, намекая на то, что «конечно, я не такая», но и «такая» – но «чуть-чуть» – тоже. Дудко широко улыбался в ответ, сейчас он мог себе это позволить. При этом он думал: «Даже под платьем бледная Дарина никому не нужна». Именно в это мгновение, на крохотной «а» в «не нужна», отчетливо понял, все пойдет не так, он ошибся.

– Что же это такое?! Тебя на минуту нельзя оставить!

Технорук услышал за спиной развязный голос с интонацией «приглашения на казнь драки», и, ощутив на плече тяжелую руку, встал на ноги, одновременно отодвигая свой стул за спину и поворачиваясь всем корпусом к потенциальному противнику. Дудко терпеть не мог прикосновения мужчин, доктора не были исключением. Краем глаза он увидел, как вскочила бледная девушка, он увидел, как

округлились ее глаза и беззвучно, и неприлично раскрылся её рот. Дудко казалось, что он все сделал быстро, но это было не так. Он пропустил удар в челюсть. Удар был сильный, а главное, точный. Технорук не успел увернуться, но удержался на ногах, помогла дверь. В голове мелькнуло ненужное: «Ты не технорук, ты безрук!» И еще: «Я стал часто ошибаться. Может быть, я и по поводу Дарины ошибся?»

Дудко ударился плечом о косяк двери. Технорук не ощутил боли, он почувствовал, что нижний протез его, царапая язык и распарывая десну, сместился и лопнул точно посередине. В левой руке мужчины Дудко увидел черную изящную сумочку, надо полагать, это была сумочка Дарины.

«Где-то я передразнил судьбу, нарушил баланс худого и хорошего, – подумал технорук, улыбаясь ртом, наполненным кровью и фрагментами изуродованного зубного протеза, – но где?»

Его противник, коренастый жилистый человек, изготовился к новому удару, но Дудко уже был мобилизован к решающему мгновению. И жилистый коренастый человек, под обрывающийся женский визг, разламывая соседний столик, обрушился как подкошенный от сокрушительного прямого удара правой точно в переносицу. В секции бокса, куда ходил Дудко, такой удар называли «пушкой». Подброшенная сумочка Дарины исчезла в сумерках потолка. «Зачем Хемингуэю женская сумочка?» – глуповато подумал технорук.

Дудко подставил ладонь и с трудом, с помощью распухшего онемевшего языка, вытолкал изо рта окровавленные останки протеза. Технорук медленно сжал пальцы, отбитая правая рука ничего не чувствовала. Дудко сел на ближайший стул, глубоко вздохнул, закрыл глаза и услышал шелестящие беспольные как у ангелов голоса.

– Не шевелится...

– Вызовите «скорую»...

– Кажется, ему сломали нос...

– ...и полицию!

– Кажется, ему сломали лицо...

«Ничего, – подумал Дудко, – если выживет, заплатит».

Осторожная суета вокруг ощущалась как подготовка перехода в другой мир.

«Новый протез, новая девушка, новые рационализаторские предложения, а это...» – почувствовав взгляд, технорук открыл глаза. Замерев, на Дудко восторженно смотрела Дарина. В руках Дарина держала черную изящную сумочку. Какие-то силуэты склонились над распростертым на полу жилистым человеком. Совсем рядом послышался звук полицейской сирены. Человек на полу не шевелился.

«Велосипед, коньки, бокс. Надо же, навыки сохранились!»

Дудко разлепил склеенные кровью губы:

– ...это жизнь. Новая жизнь.

Какая новая жизнь? Дудко с испариной на загривке осознал, – его оптимизм последних лет был такой же фальшивый, как и его новые искусственные зубы. Ты не понимаешь, как истает время, понимаешь только, когда твое время уже ушло. Ты еще поживешь, но на заброшенной обочине и не участником движения, а статичным зрителем. Так что же? Пока дают, живи в любом качестве.

«Будь я писателем, – подумал технорук чужое, хэмингуейевское, – придумал бы настоящее будущее».

(Москва – Курган, кафе-бар *Navapa*, май 2013 – июль 2020)

Александр Ралот

«Букет Императрицы» или история одного аромата»

Вечно занятая дочь, в конце концов, таки решила навести порядок в своих «савгиевых конюшнях». В мешок с девичьим хламом полетели поздравительные открытки позапрошлогодней давности, засохшие цветы и флакончик давным-давно почивших в бозе духов.

Оригинальная яркая, не выцветшая коробка и не менее оригинальный пузырёк — подарок любимой внученьке от бабушки. Добрый десяток лет назад, дочурка наряжала на бал многочисленных кукол, пыталась добыть из этого флакончика хоть капельку аромата и подражая взрослым особям женского пола елозила флакончиком у себя за ушком.

Я позвал из соседней комнаты сына-подростка, усадил его и дочку на краешек дивана, (всё остальное место на нём занимали многочисленные девичьи наряды) и начал очередной (традиционный) урок истории в нашем доме.

Российская империя конца девятнадцатого века считалась страной прогрессивной, ни в чём не уступающей западноевропейским соперницам. А посему следуя тогдашней моде, в столицах регулярно проводились промышленные, сельскохозяйственные и кустарные выставки. Одним из главных был вопрос о выборе места проведения выставки. Масштабы предстоящего смотра требовали свободного пространства в центре города. Московское отделение Совета торговли и мануфактур, выбрало для этой цели место на окраине города, на Ходынском поле. Лучшие архитекторы того времени разработали эскизный проект и подсчитали затраты на возведение выставочных зданий — 500 тысяч полновесных рублей.

Миллионщик и владелец парфюмерных заводов Брокар устроил на своей площадке

фонтан из «Цветочного» одеколona. Такая щедрость привела к тому, что полицейским, дежурившим на выставке, даже пришлось успокаивать толпы желающих бесплатно подушиться. Давайте будем справедливым к нашим не столь далёким предкам и отметим, что одеколон «Цветочный» и без того был чрезвычайно популярен в и у знати и у людей скромного достатка. Большим успехом в то время пользовались духи «Идеал», «Жасмин», «Тубероза», «Реймс». В Интернете, если хорошенько порыться, можно найти рекламный лист 1902 года, а в нём такие наименования, как «Модерн» и «Веяние садов Семирамиды». Что поделат, производители продукции были обязаны учитывать влияние общественных вкусов и модных тенденций. Дамские духи «Персидская сирень» частенько именовались «просто неподражаемыми». Ещё один продукт, приносящий солидную прибыль предприятию Брокара — зубной порошок. Его продавали исключительно в изысканных жестяных коробочках, украшенных красивыми хромолитографиями. (Хромолитография — это способ воспроизведения многоцветных изображений, при котором для каждой краски ручную изготавливается отдельная печатная форма). Об обрусевшем французе Брокаре ходили удивительные легенды.

Судачили, что ещё в начале своей стремительной карьеры француз-парфюмер присутствовал на вечеринке, куда был также приглашён молодой франтоватый певец. Никто из присутствующих не заметил подвоха, когда кто-то взял да и поставил на рояль корзину с фиалками. Цветы были удивительно свежи и распространяли изумительный аромат. Слушатели в полном составе пришли в восторг, а вот самоуверенный красавец певец — нет. Ни с того, ни с сего, он взял не ту ноту, и вызвал

у всех полнейшее разочарование и приступ жалости. Причину знал только Брокер. От запаха этих цветочков часто садятся голосовые связки.

В 1889 году талантливый предприниматель смог успешно реализовать ещё одну задумку. Раздобыл, казалось, давно утраченный рецепт и воссоздал одеколон наполеоновской армии. Назвал его просто и гениально — «Тройной». Это был первый российский одеколон для мужчин. А его духи «Персидская сирень», завоевали золотую медаль на престижной Парижской выставке.

Существовала в то время в России ещё одна фирма выпускающая аналогичную продукцию — «Альфонс Ралле и Ко». Понятно дело, что успехи конкурента сильно уязвили самолюбие владельца и компаньонов. Но, увы, как они не старались ничего даже отдалённо похожего у них не получалось. Но кто ищет, тот всегда найдёт. За большие деньги переманили к себе, на должность главного парфюмера самого Эрнста Бо. Через некоторое время он создал для работодателей знаменитые духи «Царский вереск» и «Фея роз», которые ни в чём не уступали известным французским ароматам. После этого убытки уже стали нести предприятия объединения «Генрих Брокер и Ко». Ничего не поделаешь, бизнес есть бизнес. Деваться некуда, миллионщику Брокеру срочно понадобился новый главный парфюмер. Вскоре эту должность занял молодой француз Август Мишель.

А теперь давайте вновь обратимся к всемирному разуму, то есть к вездесущему Интернету. И отыщем там записки матери нашего последнего императора — Марии Фёдоровны.

Если их очень внимательно читать, то можно отыскать строку, упоминающую о духах, подаренных ей «Товариществом Брокер и Ко» по случаю рождения наследника престола. Мелькнуло даже имя Августа Мишеля. Вдовствующей императрице так понравился новый аромат, что она предпочла его «Розе крем» от Франсуа Коти, которым пользовалась раньше.

С этого подарка началась история парфюмерного шедевра, названного «Любимый букет императрицы». Оригинальный флакон из чистого горного хрусталя украсили этикеткой

с портретом Екатерины второй. (Матушка Николая, несмотря на многочисленные просьбы миллионщика, не дала согласие на то, чтобы её портрет украшал флакон новых духов. Представителям фирмы «Товариществом Брокер и Ко» ничего не оставалось, как только поместить на этикетку портрет Екатерины. Если уж Мария Фёдоровна, в своё время, не разрешила, чтобы её портрет располагался на сторублёвой купюре, которую в народе позже стали именовать не иначе как «катеринкой», то здесь отказала в самой категоричной форме.)

Такая смесь протокольной лести и помпезной упаковки из алого шёлка были вполне в духе тех времён. Идея создания этих духов принадлежала всё тому же Брокеру. Но его главный парфюмер, помимо нескольких десятков цветочных компонентов, самостоятельно включил в состав духов альдегиды — только что изобретённые синтетические вещества, придававшие этому аромату ни с чем не сравнимый абстрактный запах.

Признаем же, что Фирма «Альфонс Ралле и Ко» эту дуэль запахов проиграла начисто. Однако будем справедливы и отметим, что её знаменитый парфюмер Эрнст Бо уже в эмиграции принял непосредственное участие в создании знаменитого аромата под названием «Шанель №5».

Духи Августа Мишеля «Любимый букет императрицы» создавались для благоухания исключительно царствующих особ. Несмотря на свою огромную популярность их выпускали весьма ограниченным тиражом. «Шанель №5», с входящим в их состав мускусом, изначально были предназначены для эмансипированных женщин. Поэтому, несмотря на некоторую схожесть, это, на мой взгляд, совершенно разные духи.

Родные и близкие Августа Мишеля уехали из Российской империи ещё до начала Первой мировой войны. А парфюмер взял да и остался. Что двигало им? Скорее всего мы об этом не узнаем никогда. Возможно, «величайший нос того времени» просто влюбился и не смог расстаться с ней, самым дорогим человеком. А жениться не мог, так как уже был женат и даже имел дочь. По другой версии, он не сумел уехать во Францию из-за того, что банально потерял паспорт. Хотя в это согласитесь, верится, с

трудом.

Чем занимался этот человек в бурные годы становления советской власти я так и не узнал. Что поделает, этот гений был человеком закрытым и крайне непубличным.

Духи и одеколон понадобились и новой власти. Хорошо пахнуть хотят все, и с этим ничего не поделаешь. Такова уж человеческая натура. Национализированная фабрика «Товарищества Брокер и Ко» под броским названием «Новая заря» быстро перешла к производству массовой парфюмерии, возрождая традиции «Цветочного одеколona».

Тот же самый главный парфюмер этой фабрики француз Август Мишель и его помощники приступили к разработке оригинальных советских ароматов. Первым из лаборатории вышли в свет духи «Манон». В них сочетались запах гвоздики (эвгенола) и запах ландыша. Но эти духи спроса не имели. Их запах был слишком нежными для партийных работников и «нэпманской» элиты тех лет. От парфюмера требовали сильного, революционного незабываемого аромата.

В Европе до настоящего времени вовсю гуляет анекдот: «На просьбу дамы помочь ей с выбором духов продавец уточняет: «Вам для нападения или для защиты?» В Советском Союзе практически все духи в те годы были универсальными — слегка привлекая вначале, они отталкивали потом. Особенно если смешивались с запахом пота в переполненном общественном транспорте.

Сам маэстро Мишель считал, что сейчас пробил его звёздный час. Вместе со старым сотрудником фабрики — художником предприятия, придумал новое название новому творению. Его привела в восторг упаковка — красно-золотистая коробочка. Казалось, что такое оформление точно выражает не только образ авторских духов, но и художественный авангард, ворвавшийся тогда в мир устоявшегося стиля в упаковке парфюмерной продукции.

В далёком 1924 году парфюмер представил новую версию знаменитых духов руководству фабрики и предложил новое авангардное название: «Красная Москва».

Меж тем, советская парфюмерия всё ещё оставалась мещанским пережитком. Бывшие

«духи императрицы» из роскошных ароматов для избранных превратились в доступную вещь. Цветочный букет с искорками мускуса стал единственной возможностью для многих поколений советских женщин ощутить потаённую радость, извечное пристрастие россиянок к пряным запахам Востока и свежему дыханию среднерусской природы. В 1939 году руководство страны Советов организовало грандиозную выставку «Пищевая индустрия». На ней выставлялись многочисленные картины и плакаты, рекламирующие продукцию советских фабрик и заводов. Среди этих полотен выделялась работа художника Алексея Вольтера «Продукция ТЭЖЭ», где на переднем плане красовалась подарочная коробка с набором духов, пудры и мыла «Красная Москва».

К сожалению, создателя этих ароматов на выставке не было. Его уже давно не было в живых. Оклеветали и уничтожили в ГУЛАГе. Такая же участь постигла и художника, несколькими годами позже. Их имена больше нигде не упоминались. Но великие ароматы нашего прошлого, ставшие предметом искусства, живут по законам, неподвластным жизни и смерти человеческой.

Притихшие дети молча крутили в руках пустой флакончик. Затем дочь подняла на меня чуть повлажневшие глаза и решительно поставила его на почётное место, рядом с всё ещё любимой куклой!

Александр Ралот

Победитель конкурсов «Золотое перо Руси-2018, 2019, Серебряное перо-2020», «На пути к гармонии», «Мирная война» «Центр Европы» (Белорусь), «Плавкая осень», «Венок Победы», «Патриот России-2020», «Ты цветы, моя милая Родина», лауреат Международных конкурсов: «Кавдория», «Белая акация», «Созвездие духовности», «Ключи от счастья», «Герои великой Победы», «Волошинский сентябрь», имени Сергеева-Ценского, «Славянская лира», «Русский стиль» (Болгария, Франция, Италия), памяти Али Герасимович.

Олег Шаст

Запах сирени

Каменные исполины в белых шапках и зеленых, хвойных штанах. Горы. Они внушают страх, пугая своей неприступностью, и одновременно вызывают уважение мощью и красотой. Титаны, ловцы облаков и первые, кто встречает свет нового дня, заслуживают восхищения, а еще они могут скрывать множество тайн. Таких как покрытые богатой растительностью долины, кристально чистые озера или базы снабжения мятежников.

Розетти наблюдала за проходом к их логову уже целый час. Острые карие глаза были слегка прищурены, длинные пальцы побелели от холода, удерживая подзорную трубу, а камень под животом отбирал остатки тепла через тонкий мех длиннополой куртки.

Наконец из пещеры появилась фигура охранника в толстой шубе. С ружьем на плече, в шапке и маске для защиты глаз, он обошел занесенную снегом площадку и вернулся обратно. Патрульный. И к счастью один.

Тонкие губы девушки изогнулись в легкой улыбке. Это придавало ее худому лицу с тонким носом вид хищницы, которая смотрит на свою добычу.

Розетти заправила короткие рыжие волосы под меховой капюшон и соскользнула с холодного камня.

— Чем порадуешь? — поинтересовался мужчина, ожидавший внизу.

Он был красив. Вороньи волосы, благородно-строгое лицо, жесткие брови, идеально подчеркивающие лисий взгляд зеленых глаз и тонкие, правильные губы.

Мужчина подал девушке руку, помогая спуститься и мягко улыбнулся.

Черная шляпа на его голове, пальто на меху и торчащий наружу, высокий воротник белой рубашки, придавали его облику уверенности.

Розетти отвела взгляд. Комиссар Сыска смущал ее, но держал дистанцию, не позволяя

их отношениям выйти за рамки рабочих. Все-таки девушка выросла в приюте, а он был дворянином.

— Там один охранник, Карид. Вооружен.

Мужчина провел пальцем по гладко выбритому подбородку и потянулся к карману, откуда вытащил полупустую пачку сигарет.

— Хорошо, значит, эта пещера действительно может привести, куда нам надо.

С этими словами Крид сунул сигарету в рот и запалил ее от указательного пальца.

Розетти отошла, морщась от дыма с неприятным запахом. Она отвернулась, чтобы не мешать комиссару и достала из кармана тряпчатый мешочек. Девушка осторожно развязала горловину и улыбнулась, когда в нос ударил чистый запах сирени. Приятный, несравнимый не с чем аромат дарил блаженство, и приносил легкую эйфорию.

Розетти бережно вытащила один маленький фиолетовый цветочек и убрала мешочек обратно. Она покрутила бутончик между длинных пальцев, рассматривая не вянущие лепестки, а потом положила его на язык и зажмурилась.

Сирень стала таять во рту, отдавая накопленную силу и заполняя крошечные резервы внутри девушки. Это было похоже на наполнение стакана, когда сверху выливаешь огромное ведро воды. Стакан быстро становится целым, а все остальные выливается, образуя большую лужу.

Карид закашлялся, подавившись мимолетным всплеском чистой силы, но ничего не сказал. Как искусственный маг, получивший дар огня от императора, он не мог подпитываться чистой силой от лепестков и вынужденно разбавлял их табаком.

Девушка виновато пожала плечами. Она тоже могла раскрошить цветы на пыль и брать по маленькой щепотке, но один живой бутончик

по хранимой энергии равнялся пяти сушеным. Простой расчёт, но только для тех, кто обладает магией с рождения и в этом была главная проблема Розетти.

Более полувека назад их бессменный император решил присвоить себе право награждать простых смертных даром магии. Все истинные были обязаны добровольно отдать свою способность государству или поступить на службу империи и попытаться получить дворянский титул с разрешением на владение силой.

Розетти решила пойти вторым путем и стала наемницей сыска. Так она хотя-бы могла жить с магией и отомстить мятежникам за смерть своей семьи. Девушка была еще маленькой, когда повстанцы учинили погром в их городе, и почти ничего не помнила, кроме залитого кровью отца, и прикосновения к голове шершавой ладони, от которой пахло сиренью.

В тот момент у нее попытались забрать магию. Однако вор совершил ошибку, и вычерпал силу не до конца. Розетти сохранила малую часть дара и с тех пор чувствовала странную тягу, которая теперь привела ее к базе мятежников.

Девушка выпустила слабенькую струйку силы, убирая напряжение с переполненного источника, и услышала недовольное сопение Кариды. Ее способность не могла ничего поджечь, заморозить или бросить, но зато лишала одаренных людей этой возможности, делая их простыми людьми. Идеальный инструмент для ликвидации магов.

Преследуя убийцу отца и похитителя силы, Розетти верно служила комиссарам, не давая не малейшего повода сомневаться в своей лояльности, и после сегодняшней операции ее ждало присвоение дворянского имени. Но девушка улыбалась по другому поводу. Ее цель была близко, как ни когда, и уже скоро у нее будет возможность отомстить.

— Готова? — поинтересовался Карид.

Он затушил остаток сигареты и бросил ее в снег.

Наемница ответила слабым кивком.

— Хорошо, тогда не будем тут засиживаться, — решил комиссар, и они покинули укрытие.

Толстая шуба мятежника не стала преградой для тонкого стилета Розетти. Охранник

захрипел, выпуская из рук винтовку, и рухнул в снег, окрашивая его красным.

— Грязно сработала, — заметил Карид.

Розетти пожала плечами и забрала нож, очистив лезвие об шубу мятежника.

Комиссар поднялся из сугроба и отряхнул плащ. В правой руке мужчина держал шестизарядный револьвер. Последняя модель обзавелась пружиной для самовзвода и за что быстро полюбилась имперским сыском.

Огнестрельное оружие вообще было весьма эффективным и хорошо служило как магам, так и простым людям, однако производило слишком много шума. Один выстрел мог переполющить целую округу, а девушка предпочитала действовать тихо.

— Постарайся не стрелять, пока не прижмет, — посоветовала Розетти.

Карид нахмурился.

— Это еще почему? У меня хорошая реакция.

— У повстанцев она не хуже. Нас всего двое, не забывай об этом.

Комиссар нехотя кивнул и посторонился, любезно пропуская девушку вперед.

— Тогда после вас.

Розетти молча прошла под каменный свод пещеры.

Не широкий тоннель уходил вперед, освещенный керосиновыми лампами. Стены и потолок оказались покрыты инеем от дыхания патрульных, но их самих пока не было.

Девушка отстегнула с лодыжки складной арбалет и зарядила короткий болт. Она двинулась вперед, прислушиваясь к тяжелым шагам комиссара, и всматривалась в полумрак пещеры, выскивая повстанцев.

Пламя керосиновых ламп давало мало света и мрачно плясало на холодных стенах пещеры. После первого же поворота тоннель, резко уходил вверх, а на полу появились высеченные в камне ступеньки.

Розетти выдохнула и двинулась дальше, стараясь идти быстро, но тихо.

Лестница закончилась плавным соединением тоннеля с объёмной пещерой, и девушка остановилась, услышав обрывки разговора мятежников. Она легла на живот, вытягиваясь вдоль ступенек, и заглянула в комнату.

Трое мужчин сидели за импровизированным столом из перевернутой бочки и играли в кости. Здесь горел очаг, с отдушиной для дыма, а свет от огня весело плясал на стволах винтовок, которые стояли рядом с мятежниками.

Карид вытянулся, пытаясь заглянуть в комнату и задел лежащий на ступеньке камушек. Он гулко звякнул, скатившись вниз.

Мятежники насторожились и двое из них потянулись к оружию.

— Вил? Это ты? — спросил третий и в этот момент болт пробил ему горло.

Розетти вскочила на ноги, бросая арбалет и вытаскивая стилеты. Она метнула лезвия в солдат, действуя на опережение, но поразить удалось только одного. Второй прикрывшись прикладом винтовки, и теперь ее ствол быстро опускался в сторону девушки.

Рука машинально выхватила еще один нож, когда прозвучал грохот выстрела.

Карид прошел мимо девушки, удерживая в руке револьвер.

Розетти рухнула на колени и зарычала от злости.

— Зачем?! — прошипела наемница.

Комиссар проверил трупы и бросил на нее удивленный взгляд.

— Это благодарность за спасение?

— Я бы успела выбросить еще один нож.

Карид нахмурился.

— Может, и нет. Не хотел рисковать. Лучше посмотри сюда.

Комиссар отогнул носком ботинка воротник одного из мятежников.

Розетти быстро поднялась на ноги и подошла к напарнику.

Под курткой оказалась военная форма со значком ворона.

— Солдат герцога Варна!? Один из предводителей восстания здесь?

— Удачно зашли, — заметил Карид. — Если уничтожим его, война может закончиться.

— Ты переполошил всю базу своим выстрелом! — прорычала девушка, спешно собирая стилеты.

— Его могли и не услышать, — отмахнулся комиссар.

Словно в насмешку в уши ударил противный звон тревоги. Послышался дряг тяжелой цепи, и в тоннеле, по которому они пришли, опустилась решетка.

— Обожги тебя пар! — выругалась Розетти.

Из комнаты вело еще два выхода, но из ближайшего уже доносился топот множества тяжелых сапог.

— Проклятье.

Розетти перезарядила арбалет и приготовилась обороняться, но Карид ухватил ее за локоть.

— Тебе нельзя тут оставаться.

— Что еще остается?

Топот мятежников был уже совсем близко.

Карид близко наклонился к девушке.

— Ты можешь пройти через второй проход, пока я отвлекаю мятежников. Здесь удобная позиция.

— Спят ли!? Солдаты и маги...

Карид выглядел серьезным.

— Ты отыскала базу, а теперь уходи. Я попытаюсь пробиться и уничтожить герцога.

— Это самоубийство. Без моей силы тебе не справиться с магами!

— Придётся рискнуть.

«Цепной пес» сыска не собирался упускать даже крошечного шанса, повстречаться с герцогом и девушка кивнула.

— Хорошо.

Карид улыбнулся, прежде чем повернулся к проходу и выпустил в тоннель струю пламени из ладони. Послышался крик сгорающих заживо людей, а в ответ прозвучало несколько выстрелов.

Розетти сорвалась с места, направляясь ко второму проходу. Он оказался перекрыт старой решёткой, но расстояние между прутьями было большим, и девушка легко смогла протиснуться.

Тоннель уходил в темноту, поэтому пришлось снять одну из керосиновых ламп на входе. Розетти приглушила огонь, и двинулась вперед, маневрируя между старыми ящиками и всяким строительным хламом. Судя по толстому слою пыли, ходили тут редко.

Сзади зазвучали выстрелы и крики усилились. Карид держался, но в бой еще не вступали

истинные маги мятежников.

Девушка двигалась вперед, стараясь не думать о судьбе напарника. Она ушла уже достаточно далеко, и оставила за спиной нескольких дверей, за которыми раздавались голоса мятежников, когда впереди забрезжило пятно яркого света и потянуло холодом.

Розетти ускорила, собираясь скорее выбраться из пещеры. Она прошла еще одну деревянную дверь, за которой громко трещал очаг, и высунулась наружу.

В лицо сразу ударило морозным ветром, и девушка опустила капюшон, защищая глаза от снега. Она прищурила глаза, всматриваясь в метель и охнула, когда рядом появился силуэт овального шара.

Несмотря на непогоду, с земли поднимался огромный дирижабль, а истинные маги на борту умело управляли потоками воздуха, не позволяя кораблю задеть склон.

Девушка опустила голову и от потрясения захлопала глазами. Внизу, в долине раскинулась целая верфь, и десятки воздушных кораблей принимали на борт сотни людей. По кругу долины, на склонах горы разместились казармы, каменный балкон занимал тренировочный полигон, а возле горячих источников на краю базы переливались стеклянные теплицы, откуда паровые повозки вывозили корзины с кустами сирени.

Пока комиссары гонялись за одиночными магами и накрывали маленькие группы повстанцев, здесь построили флот и натренировали целую армию.

Розетти невольно улыбнулась, представляя сколько Имперский Сыск заплатит за ее информацию. Оставалось только спуститься с горы и добраться до города у подножия.

Девушка свесилась вниз, отмечая пологость склона, и поняла, что больше не слышит выстрелов. Она обернулась, прислушиваясь к гулу ветра в тоннеле, но не уловила никаких звуков кроме завывания ветра. Притихли даже разговоры мятежников, за закрытыми дверями.

Тревожная мысль кольнула сознание и девушка застонала. Карид остался в пещере добровольно и прикрыл ее отход, но комиссары в это не поверят. Стражи закона не любили церемониться с простолюдинами и наемницу,

которая вернется без напарника, легко могла ждать казнь вместо почетной награды.

Розетти развернулась и двинулась обратно в тоннель. Возвращаться в комнату охраны, где сражался Карид, было опасно, но ей требовалось убедиться в его гибели и по возможности забрать комиссарский значок.

Она прошла до первой двери, за которой потрескивал очаг и остановилась. В груди появилось слабое покалывание, и рука сильнее сжала рукоять арбалета. Убийца ее отца и похититель силы был очень близко.

Девушка повернулась и, выставив перед собой оружие, толкнула дверь. Она легко открылась, пропуская наемницу в просторное помещение с пустыми кроватями. Двухъярусные лежанки стояли голыми, лишившись даже матрасов, а о недавнем присутствии людей напоминали только догорающие в очаге поленья.

Розетти выпустила слабую струйку силы, опасаясь столкнуться с магами, и двинулась через казарму к выходу на противоположной стороне.

Комната заканчивалась деревянным балконом над цилиндрической шахтой, в которой были протянуты висячие мостки. На потолке висело огромное кольцо, из которого вырывались сотни язычков пламени и, отражаясь от большого выпуклого диска, освещали многоярусное сердце базы. Только людей не было.

По мосткам не ходила охрана, техники не спешили принести на верфь нужный инструмент, а солдаты не торопились прийти на тренировку. Пусто. Однако на другой стороне шахты отчетливо ощущалась знакомая магия, и как минимум один мятежник все еще находился здесь.

Девушка осторожно спустилась на средний уровень, оглядываясь в поисках затаившихся стрелков, но так никого и не встретила. Впереди был подвесной мост, а за ним балкон и дверь в комнату, за которой ее ждал убийца.

Розетти шагнула на скрепленные канатом доски, и осторожно переставляя ноги, стала преодолевать пропасть шахты. Она была уже на середине перехода, когда сзади раздалась тяжелые шаги и щелкнул взводной механизм револьвера.

Наемница одновременно повернулась и села, вытягивая арбалет. Она едва не выстрелила и лишь в последний момент успела убрать палец от спускового рычага. На лестнице стоял сильно потрёпанный Карид.

— Какого?! – выдохнула девушка.

— Не рада видеть напарника?

Его пальто превратилось в лохмотья, одна рука висела безвольной плетью, лицо и воротник рубашки заляпаны кровью, но в глазах пылает азартный огонь, а на голове безупречно чистая шляпа. Розетти никогда не понимала, как сыщики умудряются ее беречь.

— Неважно выглядишь.

Карид слабо улыбнулся.

— Маги мятежников умеют сражаться. Однако когда я думал что все уже кончено – они просто ушли.

— Хм...

Комиссар подошел к девушке и провел рукой над шахтой.

— Повстанцы сбежали с базы. Ушли, напуганные всего двумя магами империи. Как думаешь, почему?

Розетти пожала плечами.

— Может, действуют по инструкции?

— Нет. Просто крысы не любят когда их находят, — самодовольно ответил Карид. — Они владеют даром, который принадлежит императору, и прекрасно понимают последствия встречи с комиссарами.

Он сунул в рот сигарету и с наслаждением затыкнулся, пополняя запасы магии.

— Почему ты не ушла, как было приказано?

— Чтобы Сыск отправил меня на виселицу?

— Значит, догадалась.

Девушка задохнулась от возмущения.

— Отправил на убой!?

Она не заметила, как рука крепче стиснула арбалет.

— Нет. Просто знал, что ты останешься и попытаешься найти герцога сама.

— Проклятие! Я его не ищу.

— Однако идешь прямо к логову Варна.

Комиссар выпустил дым носом и кивнул в сторону балкона, к которому направлялась

девушка.

Розетти повернулась и сразу заметила рисунок ворона над дверью.

— Проклятие.

Убийца по-прежнему ощущался внутри.

— Зачем вернулась?

— Искала твой труп. Хотела забрать значок для сыска.

Карид улыбнулся и выбросил остаток сигареты вниз.

— А мне показалось, что ты почувствовала убицу своего отца.

Розетти вздрогнула. Год назад она поделилась этим секретом по глупости, а комиссар запомнил.

— Да, — не стала увильживать девушка. — Этот мятежник близко.

— Хм, а герцог может быть причастен к похищению твоей силы?

Наемница покачала головой.

— База эвакуируется. Я видела дирижабли мятежников собственными глазами и если их предводитель не дурак, он уже улетел.

— Мне кажется, герцог ждет нас внутри, — предположил Карид.

— Но зачем?

— Сейчас узнаем.

Карид проверил револьвер и прошел мимо Розетти по мостику. Он остановился на балконе под символом ворона и бросил на девушку серьезный взгляд.

— Блокируй магию, — приказал комиссар, и выбил ногой дверь.

Они ворвались внутрь вместе, разбежались по сторонам, выбирая противников, но в итоге арбалет и револьвер остановились на одной цели.

В конце комнаты, у большого окна, за которым бушевала метель, в кресле сидел человек. Богатая одежда, лицо, наполовину сокрытое маской с перьями черной птицы, и отсутствие руки представляли его лучше любых слов. Герцог Варн не стал покидать базу.

Карид спустил курок без раздумий, разряжая первый патрон в злейшего врага империи. Барабан повернулся взводной пружиной и раздался следующий выстрел, и так шесть раз,

пока револьвер не опустел.

Герцог отреагировал на агрессию спокойно. Уголки его губ слегка приподнялись, когда пули врезались в невидимую преграду перед креслом, и упали на ковер.

— Что?! — опешил комиссар. — Ты блокируешь его, Роза?!

— Да... — потрясенно отозвалась девушка.

Наемница выпустила плотный поток силы, фокусируя его на аристократе, но он продолжал улыбаться.

Комиссар бросил бесполезное оружие на пол и вытянул вперед руку, пытаясь выпустить пламя. Но способность Розетти действовала, и из ладони вылетело лишь несколько искр, не способных запалить даже керосин.

— Прошу вас, успокойтесь. Давайте поговорим, — предложил аристократ.

Карид зарычал и, выхватив с пояса короткий кинжал, бросился на врага.

Герцог поднялся навстречу. Он легко перехватил руку сыщика, вывернул запястье, заставляя бросить нож, а потом комиссар захрипел. Его глаза резко расширились, а тело начало дергаться, как рыба на крючке.

Розетти видела, как из распахнутого рта напарника потянулось темное облако и герцог начал втягивать его через нос, словно обычный дым.

Девушка разрядила арбалет, не на что, не надеясь и удивилась, когда болт вошел в живот герцога.

Он пошатнулся, и отпустил комиссара, оставившись на деревянный стрежень заряда.

Карид рухнул на ковер. Имперца била крупная дрожь, и он извивался как раненая змея.

Розетти в три прыжка преодолела комнату, и ногой вогнала болт еще глубже в тело мятежника. Удар отбросил герцога обратно в кресло, и выбил из него болезненный стон.

Девушка склонилась над комиссаром, пытаясь удержать руками его голову. Изо рта напарника текла пена, глаза закатились, и он продолжал трепыхаться на ковре. Станный дым больше не шел, но мужчина был очень бледным, словно из него откачали пару литров крови.

— Ты ему не поможешь, — прохрипел герцог.

Он не пытался позвать на помощь или вытащить болт, и просто следил за действиями девушки, через прорези маски.

Розетти вскочила на ноги и нависла над мятежным аристократом.

— Что ты сделал?!

— Забрал магию.

Как бы в насмешку, он зажег на ладони огонь.

Девушка без раздумий выхватила один из стилетов и перебила мышцу на руке мятежника. Пламя погасло так же внезапно, как и появилось, а герцог сжал зубы, превозмогая боль.

Теперь Розетти смотрела на него с особой ненавистью. Внутри этого человека ясно стала ощущаться ее собственная магия, и поиски похитителя были наконец-то закончены.

— Отдай комиссару силу! — прорычала девушка. — А потом и мне.

— Ты слишком мало знаешь о магии. Ваши способности вернуться, — герцог улыбнулся. — После моей смерти.

Наемница ударила его по лицу, смятая часть перьев на маске.

— Думаешь, уйдешь так легко?! Знаешь, сколько я ждала возможности отомстить? Слишком долго! Ты ведь помнишь горящий город и маленькую девочку? Помнишь этот момент своей жалкой жизни?!

— Да, — прохрипел мятежник. — И жалею, что не мог тогда поступить иначе. Прости меня.

Розетти сама не заметила, как начала сжимать шею герцога. Но его слова прозвучали странно, и отрезвили девушку. Она ослабила хватку и осторожно сняла маску с лица мятежника.

Нет...

Наемница отступила на шаг, смятая пальцами черные перья.

На нее смотрел мужчина, которого она очень хорошо помнила. Острые черты лица, улыбка и добрые глаза, все было как раньше, разве что волосы окрасились редкой сединой, да появилось пара морщин.

Герцог слабо кивнул. Ему оставалось недолго.

— Моя дочь выросла красавицей.

Розетти почувствовала, как внутри что-то оборвалось и ноги стали ватными.

— Это невозможно...

— Однако так случилось.

— Почему ты меня бросил? — единственное, что смогла произнести девушка.

Варн вздохнул.

— Я был простым магом, когда император принял свой закон. На истинных началась охота, твою маму убили комиссары, и пришли за нами. Мне удалось отбиться ценой правой руки, и уйти из города вдвоем стало невозможно. Пришлось лишиться тебя большей части силы, чтобы защитить от комиссаров и подкинуть к сиротскому приюту.

Девушка приблизилась к отцу и посмотрела на рану. Без мага-целителя ее было не залечить.

— Но почему ты не вернулся?

— Жизнь мятежника изменчива и зависит от удачи. Империя воспитала и сберегла тебя.

— Комиссары сделали из меня убийцу. Ты этого хотел?

Герцог на мгновение прикрыл глаза.

— Нет. Только кто-то должен бросить императору вызов. И после моей смерти ты останешься последним магом, кому это может быть по плечу.

— Что? — поняла девушка.

— Когда я умру, твоя сила вернется. Она способна не только лишать людей магии, но и забирать ее для себя, как это сделал император. Возьми мою маску. Герцог Варн — символ мятежа, и будет лучше, если он перестанет быть калеккой. Мои офицеры уже получили инструкции и встретят тебя...

Сочувствие улетучилось из сердца Розетти. Она рассмеялась.

— Так просто? После всего, ты решил, что я с радостью возглавлю армию мятежников?

Девушка покачала головой.

— Сыск теперь моя семья, а по возвращению я стану комиссаром и продолжу охоту на повстанцев.

Герцог покачал головой.

— Выбор — это иллюзия. Империя никогда не примет таких как мы, а напарник с радостью выстрелит в спину.

— Не смей нас сравнивать! — зарычала девушка. — И Карид никогда не предаст меня!

Слышишь?

Ее отец не ответил.

Девушка схватила герцога за одежду, пытаясь привести в чувство, когда грудь обожгло жаром. Розетти упала на пол, хватаясь за край ковра, и елозя ногами. Ее источник возвращал потерянную силу и разрастался внутри, а магические каналы трансформировались, принося жуткую боль.

Наемница выгнулась дугой, в крике выпуская весь воздух из легких, и с облегчением провалилась в темноту.

* * *

Сильный мороз слегка покалывал щеки, а слабый ветер трепал спутанные волосы. Рядом трещал костер, давая слабое тепло, а запах тлеющих углей приятно щекотал в носу.

Девушка открыла глаза и резко села.

В глазах тут же поплыли черные кляксы, но тяжелая мужская рука и не позволила ей упасть.

— Выпей и полегчает, — прозвучал очень знакомый и почти родной голос.

Розетти открыла глаза и увидела перед собой Кариду. Мужчина улыбался и подносил к ее губам кружку с растопленным снегом.

Девушка позволила себя напоить, поблагодарив напарника кивком и осмотрелась. Они были где-то на середине спуска с горы и изрядно отделились от базы мятежников. До города внизу оставалось меньше дня пути.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался Карид.

Он успел привести себя в порядок и перевязал раненую руку.

— Вроде нормально. Только слабость и сильно есть хочется, — честно ответила девушка.

Она потянулась к карману куртки и вытащила мешочек с цветками сирени.

Комиссар кивнул. Пополнение резерва всегда приносило облегчение.

— Спасибо, что не бросил.

Карид улыбнулся.

— Верх глупости оставлять героев в стане врага. И это я должен тебя поблагодарить. Ты убила герцога и спасла мне жизнь, возвратив магию.

Он похлопал по холщевому мешку, который

торчал из снега.

— Голова герцога стоит куда больше простого дворянства, так что ты теперь можешь считать себя владелицей как минимум целого поместья. Может быть, даже получишь награду из рук императора!

Розетти ответила слабым кивком и легкой улыбкой. Сейчас она не хотела разделять радости комиссара и пыталась разобраться с комком эмоций, после встречи с отцом.

Карид не стал больше надоедать с вопросами и сосредоточился на подброске веточек в костер.

Девушка вздохнула, прежде чем положила цветочек сирени в рот.

Язык ощутил привычное пощипывание, а сила бутона хлынула в источник, намереваясь разлиться по округе. Но этого не произошло. Цветок не смог наполнить источник даже на четверть. Девушка выпустила слабую струйку силы, пытаясь понять, что произошло с магией, и подняла глаза на Кариду, чувствуя, как он напрягся.

Сыщик больше не улыбался.

— Значит, герцог говорил правду. Ты его дочь.

Рука мужчины потянулась за пазуху пальто.

— Карид?

— Я все слышал.

Розетти поняла, что он собирается сделать.

— Не надо. Я на стороне империи и отказалась от отца, мы же напарники...

— Прости. И спасибо за службу.

Показалась рукоять револьвера и девушка прыгнула, сбивая сыщика в снег. Нож сам лег в ее руку, а рефлексy помогли нанести точный удар и перекатиться с линии огня.

Комиссар разрядил револьвер в воздух. Он умирал без слов, и лишь раз посмотрел на девушку злыми глазами, прежде чем закрыл их в последний раз.

Розетти рухнула коленями в сугроб и опустила лицо в ладони. Она слышала, как сзади приблизились несколько человек, а потом ей на колени опустилась маска из перьев ворона.

Герцогиня Варн молча ее надела.

Олег Шаст

Начинающий писатель. С детства любил фантазировать и часто продумывал истории для вечерних посиделок с друзьями. После срочной службы в армии (2016-2017) с поддержкой любимой жены и хороших друзей начал воплощать свои идеи на бумаге.

Иван Алексин

Семь шагов в никуда

Старик, молча оглядевшись, не спеша вытащил нож из-за пояса и, сделав шаг вперёд, вскинул вверх левую руку. Всё вокруг замерло...

Поляна, за мгновение до этого, утопавшая в весёлой разноголосице голосов и напоминавшая собой, зажатый в тисках гигантского леса муравейник, застыла, не в силах отвести сотен встревоженных глаз с ладони старика.

Резко оборвался беспечный смех малышни, вмиг забывшей о своих играх, нахмурившись, обернулся пожилой старейшина, за мгновение до этого что-то энергично втолковывающий небольшой группке подростков, смолк, не допев, заезжий сказитель, уронив на землю жалобно тренькнувший инструмент. Даже неугомонные кхолты прекратили своё весёлое щебетание, словно почувствовав витающее в воздухе напряжение и, свесившись с веток, с любопытством смотрели на замершую толпу.

Старик не спешил. Обычай не одобрял спешки. Его взгляд медленно скользил по помрачневшим лицам соплеменников, замирал на мгновение, двигался дальше, вновь замирал, заставляя болезненно напрячься очередного обозреваемого и, наконец, окончательно остановился на Зоуне. Выбор был сделан...

Молодой роланин затрепетал, не в силах поверить в неизбежное. Этого просто не может быть!!! Я не готов!!!! Почему именно я!!! Он в смятении огляделся вокруг, безумно надеясь непонятно на что, но увидел лишь стыдливо опущенные головы друзей, старательно прятавших охватившее их облегчение. Выбор был сделан...

Кто-то негромко затянул «песнь прощания». Сородичи, образовав к этому моменту небольшой полукруг, центром которого являлись старик и Зоун, подхватили печальный мотив, слегка покачиваясь в такт песне. Сказитель, чуть помедлив, поднял дрожащими руками оброненный на землю кворан, и в нестройный хор голосов чуть слышно вплелась грустная мелодия древних. Ритуал начался...

Старик, крепко сжимая вспотевшими пальцами рукоять ножа, терпеливо ждал, не сводя тяжёлого взгляда с Зоуна и, еле заметно, шевеля губами: то ли тоже шепча слова незатейливой песни, то ли обращаясь к давно ушедшим предкам, прося принять к себе ещё одного сородича. Песнь, между тем, крепчала, набирая силу и, становясь всё громче и настойчивее, постепенно вовлекая в ритуал всех обитателей становища. Толпа уплотнилась, превратившись в монолитную стену, начавшую чуть заметно сжиматься, словно подталкивая Зоуна навстречу к старику. Отчаянным усилием воли молодой охотник подавил охватившее его смятение, устыдившись минутной слабости. Обычай не поощрял спешки, но и не допускал слишком долгого промедления.

— Я готов, — прохрипел сквозь сжатые губы Зоун и взглянул старику прямо в глаза.

В следующее мгновение, старик сделал семь шагов навстречу Зоуну. Ровно семь, как того и требовал ритуал. Пальцы, сжимавшие нож, разжались, позволяя ему нырнуть в густой коричневый мох. Следом, под горестный вздох окружающих, соскользнул расстёгнутый пояс. Молча наступив на него ногой, старик гордо выпрямился и поднял вверх уже обе руки, обнажая для удара грудь. Толпа простонала, оплакивая предстоящую утрату и тут же стихла в напряжённом ожидании. Сказитель, прижав кворан к груди, что-то беззвучно шептал, глотая набегающие слёзы. Напряжение достигло своего апогея.

Зоун нетвёрдой походкой подошёл к старику, покачнулся, удержался на ногах, что-то неразборчиво прохрипел и, судорожно выхватив нож, с силой ударил старика в грудь. Тот дёрнулся, обмяк и сломанной куклой рухнул на землю. Ритуал был завершён...

Ни на кого больше не глядя, Зоун повернулся и медленно побрёл в сторону видневшегося недалеко леса. Толпа, молча, пропустила его...

— Нужно на что-то решаться, капитан. — Костя отвернулся от огромного экрана, занимавшего собой добрую половину стены в кают-компани, и вопросительно посмотрел на капитана. — Мы уже почти три месяца тут болтаемся и до сих пор шагу на планету ступить боимся.

— Скорей всего и не ступим, — Андерсон поморщился как от зубной боли и со стуком опустил, на многострадальную панель управления, чашку дымящегося кофе.

— Почему Свен? — Костя вскочил с кресла и, нервно взъерошив волосы, прошёлся по каюте. — Мы столько мечтали о контакте, уже отчаялись и теперь, когда вот они — братья по разуму, трусливо бежать?

Андерсон тяжело вздохнул. Во многом он был согласен со вторым пилотом. С тех пор как человечество вырвалось за пределы солнечной системы и приступило к изучению галактических просторов, прошло более трёхсот лет. Были исследованы сотни звёздных систем, обследованы тысячи планет. Иногда исследователям везло, и они находили планету пригодную для дальнейшего исследования и создания базы, изредка очень везло, и на очередной планете, в той или иной форме, обнаруживалась жизнь или куча полезных и легкодоступных ископаемых, а чаще всего не везло вообще, и унылый экипаж, наскоро обследовав затерянный в космосе газовый гигант или ледяной шарик, ни с чем возвращался восвояси. Но ещё ни разу за весь период космической экспансии, не удалось обнаружить ни одной инопланетной цивилизации. Каждый космонавт, уходя к звездам, мечтал, что это открытие суждено именно ему, но проходили годы, десятилетия, столетия, а очередные первопроходцы возвращались на землю ни с чем. И постепенно человечество пришло к выводу об уникальности разумной жизни и почти смирилось со своим одиночеством. И вдруг... Вот она! Инопланетная цивилизация!!! Ну, почти цивилизация. Во всяком случае, наличие разума у этих, почти голышом бегающих по лесам гуманоидов, никто отрицать не будет.

— Не передёргивай, — нахмурился капитан. — И сядь спокойно. Что за привычка мелькать перед глазами? Всё-таки не мальчишка уже, а пилот косморазведки.

Костя демонстративно поднял глаза к потолку и вернулся в кресло.

— Ты пойми, — Свен заставил себя говорить спокойно. Этот спор в последнее время возобновлялся у них постоянно и откровенно ему надоел. — Мы с тобой разведчики. Наше дело найти подходящую планету, заснять, взять образцы и сообщить на Землю. Всё. На этом наша миссия исчерпана. Здесь нужны специалисты. У нас просто нет опыта контактов с другими цивилизациями.

— А у кого этот опыт есть? — иронично хмыкнул Костя. — Можно подумать, что мы то и дело с инопланетянами встречаемся. И они к нам в очередь на контакт записываются. Эта, между прочим, первая, — ткнул он пальцем в экран.

— Есть люди, которых этому учили, — проворчал не очень уверенно капитан.

— Чему учили? — Костя всей своей фигурой изобразил знак вопроса. — Не факт, что эти бумажные черви, что прилетят вместо нас, справятся с контактом лучше. Что они вообще знают о космосе? А как увидят местных аборигенов, ещё пару лет над планетой летать будут, — он презрительно скривился. — Духом собираться!

— Не ёрничай! — резко оборвал Андерсон. — Ты не первый год в космосе. Странно, что мне вообще приходится объяснять тебе про азбучные истины. А здесь нужно быть осторожными вдвойне. Любое первобытное общество заведомо будет агрессивно настроено к чужакам. Это вопрос элементарного выживания. А как они отреагируют на встречу с неизвестным видом, вообще предсказать невозможно! Не нравятся мне местные жители, — добавил капитан, бросив задумчивый взгляд на стоящий перед ним компьютер. — Ты только посмотри на этих монстров. Мускулатуре наши гориллы могут позавидовать. А челюсти? Любую кость, наверное, как бумагу перегрызть могут.

— Ты прекрасно знаешь, что это ничего не доказывает, — невозмутимо пожал плечами Костя. — Мы уже почти три месяца за ними наблюдаем. И что? Ни одного вооружённого конфликта между племенами. Мы даже ни одной элементарной драки не зафиксировали. — Он ехидно прищурился. — Понаблюдай пару суток за Землёй и сравни. Контраст ещё тот будет! Это им нас бояться нужно! Они по сравнению с нами почти пацифисты!

— Ага, — язвительно фыркнул Андерсон. — И безобидны, как рыбки в аквариуме. То, что мы ничего не обнаружили, ни о чём не говорит. Тут несколько сотен поселений по лесам разбросано. А у нас всего шесть спутников на орбите, — капитан тяжело вздохнул. — А каком эффективном наблюдении тут вообще можно говорить? А в эти их дремучие дебри никакие спутники заглянуть не в состоянии. Мы их и наблюдаем то, только когда они на полянки выходят. Может это у них мирные зоны: поторговать там, пообщаться, а чем они в своих лесах занимаются, ни черта мы не знаем! Может каннибализмом и пережевыванием всех, кто ниже ростом? Да и эти сабельки, что они с собой носят. Явно они ими не в зубах ковыряются!

— Да, — задумчиво потёр подбородок Костя, — красавцы они, конечно, писанные. Хорошо хоть гуманоиды. А не что-нибудь этакое, — второй пилот неопределённо поводит в воздухе рукой, словно желая показать насколько «этакое». — Но они, от нашей внешности, тоже вряд ли в восторге будут, — Костя отвернулся от компьютера и в упор посмотрел на капитана. — Послушай Свен. Чем мы рискуем? Дождёмся, пока какой-нибудь абориген подальше от остальных отойдёт, и я с ним пообщаюсь. А ты с катера подстрахуешь.

Андерсон, скривившись, посмотрел на остывший кофе и с отвращением отвернулся.

Зоун уходил. Печальная мелодия, которую вновь затянули его соплеменники, смолкла, постепенно растворившись в шелесте деревьев и птичьей трескотне. Молодой охотник шёл напролом, не замечая препятствий и не видя ничего вокруг себя. В голове пульсировала только одна мысль: Почему я?! Почему я?! Почему именно я? Этого не могло, случиться со мной!!!

Шанс стать участником «ритуала ухода» и вправду был ничтожно мал. Ушедшие предки не любили долго ждать, поэтому смерть была повсюду, лишь изобретательно меняя свой облик. Она могла притаиться в опавшей с деревьев листве, вынырнуть из дающего прохладу ручейка, упасть с тянувшихся к небесам крон деревьев. Смерть многолика и изобретательна. И не прощает ошибок. Относительно безопасно было лишь в посёлках. Лесные твари не любили открытых мест и палящего солнца, предпочитая укрытие и сумрак. Да и многочисленные ловушки и капканы научили их обходить стороной места обитания ролан. Но сидя в поселке, желудок не набьёшь, и шкуры, за которые меняют свой товар торговцы, сами из леса не выползут. Да и не дело опоясанному охотнику леса бояться. Лес дает жизнь, лес её и забирает.

Негромкий треск впереди заставил молодого охотника застыть и привычно выхватить нож. Из-за кучи валежника, вода по воздуху носом, высунулась голова пятнистого сорга и тут же с шумом втянулась обратно. Треск сломанных веток отметил путь бегства испуганного животного.

Зоун мысленно выругался. Смерть старика вывела его из равновесия, заставив забыть о привычной осторожности. Так можно и вслед за ним к ушедшим предкам отправится! Нет, когда-нибудь это должно случиться. Более того, только так и должен умирать охотник. Каждый молодой роланин, получая от старейшин пояс с боевым ножом, знал, что однажды не вернётся из леса. Но торопить смерть нельзя. Жизнь каждого охотника принадлежит роду и не должна оборваться без пользы. Если погибнешь по собственной глупости, ушедшие предки могут рассердиться и не принять к себе. Оставить твою тень вечно скитаться по ледяным пустошам.

Смахнув с лица прилипшую паутину, Зоун привычно огляделся, определяя, куда умудрился забрести в своём бегстве из становища. И облегчённо вздохнул. Даже не осознавая того, он всё время двигался в направлении к священной скале. И даже умудрился не нарваться по пути, ни на одного хищника! Видимо сами ушедшие предки охраняли его в это время!

Привычным движением, вернув нож на место, охотник вновь заскользил между деревьев к намеченной цели. Хорошо, что старик начал ритуал утром. Впереди был почти весь день, так что он

должен успеть добраться до скалы, до наступления темноты. Там можно будет спокойно переночевать. Ни один хищник не достанет. Ночью выжить в лесу нет шансов даже у самого опытного охотника. Да и тень старика, в поисках своего убийцы, не сможет туда забраться. К рассвету она устанет, уйдёт в «заповедные леса» к ушедшим предкам, и он сможет вернуться в родное стойбище. Первые лучи солнца очистят его от крови родича.

Зоун огорчённо поморщился. Их род стал меньше. Старик был великим охотником. Ловкий и быстрый, несмотря на прожитые годы, он редко возвращался с охоты без добычи, и многое сделал для рода. Но лес суров. Если он не забирает жизнь, то забирает всё остальное. Как старый охотник вышел живым из схватки с ворисом и как умудрился доползти до становища, не став чьим-то обедом, Зоун откровенно не понимал. Видно сами ушедшие предки были в этот день с ним. Вот только здоровья они ему вернуть не пожелали. Когда силы оставили тебя, и ты с трудом передвигаешь ноги, то много не поохотишься. А быть обузой роду и жить на подачки других старик не захотел. Он всё ещё считал себя охотником, а охотник не умирает в постели из мягких шкур. Ушедшие предки могут не принять такого неудачника в свои леса. Плохо если предки отрунули тебя... Для всех плохо... Тень такого изгоя будет долго бродить вокруг становища и пока не уйдёт, на север, в ледяные пустоши, род будут преследовать неудачи. Нельзя охотнику умирать своей смертью... Никак нельзя...

Зоун вздохнул. Он любил старика. Многому научился у него. Получил из его рук охотничий пояс, когда пришло время. Кто как не он должен был помочь ему достойно умереть? Показать его тени тропинку, ведущую в леса ушедших предков? Но как же это было тяжело. Зоун считал себя неплохим охотником. Он немало убивал и не раз сам заглядывал в глаза смерти. Но убить родича... Жизнь каждого роланина священна. Так завещали ушедшие предки. Поэтому ролане не убивают друг друга. Никогда... Почти никогда. Охотник умирает в лесу. Это было законом, не допускающим и доли сомнения. Кровь животных даёт силу при жизни, собственная кровь после смерти. Только покинув тело вместе с кровью, напивавшись её силой, душа способна преодолеть дорогу в леса ушедших предков. Иной возможности нет. В стародавние времена, по рассказам сказителей, когда род поразила болотная болезнь, смерть обрушилась внезапно, не дав умирающим даже доползти до леса. И тени несчастных так и не нашли дороги в леса предков, а род чуть не вымер полностью. В то время и возник ритуал ухода. Если охотник заболел или станет калекой, он может попросить помочь ему умереть. Жизнь охотника принадлежит роду. И только родичи могут оборвать её, если на то будет воля ушедших предков.

Чуть слышное шипение, разорвав поток мыслей, отозвалось в сознании роланина колокольным набатом, заставив вновь замереть в полушаге. Тревога, внезапно нахлынувшей волной, окатила холодом сердце. Воли! Зоун затравленно оглянулся по сторонам, пытаясь определить, откуда ожидать нападения. Рука обречённо потянулась к поясу.

— Да что со мной сегодня такое?! Не по становищу же гуляю!

Судорожно взглотнув и всё-таки выткнув из-за пояса нож, охотник начал медленно пятиться назад, отчаянно надеясь, что каким-то чудом чудовище не заметило его и даст унести ноги. В противном случае исход схватки был предельно ясен обоим противникам. Жуткая тварь, напоминающая собой гибрид крота, змеи и осьминога, была настоящим кошмаром для всей местной фауны. И Ролане не были тут исключением. Мощное тело, покрытое панцирем, на котором самые острые ножи оставляли только царапины, руки-щупальцы, способные одновременно выстреливать на добрый десяток шагов в разные стороны и острые клыки, перемалывающие в труху всё, что попадало в пасть хищника, уже делали вориса очень опасным противником. А если добавить к этому огромную силу и молниеносную реакцию, то шансов справиться с чудовищем, практически не было. Насчёт себя, во всяком случае, Зоун точно не обольщался. Почти не дыша, он уже успел сделать несколько осторожных шагов, когда буквально затылком почувствовал на себе холодный внимательный взгляд.

Застыв на месте, охотник попытался обернуться, но в следующее мгновение, взметнув вверх мешанину из земли, мха и опавших листьев, с лёгким шелестом, к нему метнулась бурая лента, мгновенно захлестнув руку с ножом. Последовавший за этим рывок был настолько силен, что Зоун пропахав своим телом глубокую борозду в несколько метров, не выдержав, взвыл, почувствовав

жуткую боль в вывихнутом предплечье. Нож, выпав из сразу онемевшей руки, зарылся куда-то в глубокий мох. Затем всё замерло. Волис не спешил. Обладая каким-то жутким, не понятным для ролан разумом, хищник понимал, что добыча куда-то уже не денется и не желал рисковать. Методика охоты на вкусных двуногих была доведена до автоматизма. Превозмогая боль, Зоун приподнялся, отплевываясь от набившихся в рот листьев и комьев земли и, в отчаянии, огляделся в поисках ножа. Во вздыбленной каше из вспаханной почвы и сломанных кустов взгляд зацепился только за оборванный пояс, бесполезным лоскутком зацепившийся за чудом не сломанную ветку. Ножа видно не было. Застонав от бессилия, Зоун затравленно огляделся по сторонам, отчаянно надеясь найти хоть что-нибудь, что могло послужить оружием. Но ворис не собирался давать своей добыче и шанса. Другое щупальце, захлестнув вторую руку и, резким рывком вырвав из-под охотника опору, вновь заставило Зоуна обреченно уткнуться лицом в жёсткий мох. Добившись своей цели, обезопасить себя от возможного сопротивления жертвы, чудовище не спеша начало подтягивать добычу к себе. Молодой охотник, взыв, в бессильной злобе, попытался дотянуться зубами до щупальца. И лишь скользнул, с противным скрипом, по упругой коже. В ответ, третье, последнее щупальце, с резким свистом устремилось на голову обречённой жертве. Ворис был гурманом и не любил, когда блюдо во время трапезы трепыхается. Зоун дёрнулся, каким-то шестым чувством предугадав этот удар, но полностью уклонится уже не смог. Голову буквально разорвало от дикой боли, рот моментально наполнился кровью, в виски с нарастающей силой ударил противный гул. Вот и всё! Зоун поднял залитые кровью глаза на хищника. Охотнику не подобает умирать как визжащему кронгу! И замер, поражённый увиденным. Ворис, словно забыв о своей, почти затравленной жертве, заморожено уставился куда-то вверх, в направлении всё усиливающегося гула. Мощное тело чудовища, более чем на половину, высунувшееся из земли, застыло в каком-то странном оцепенении, лишь высоко запрокинутая голова, обнажив гладкую, бледно-коричневую шею, медленно поворачиваясь, следя за чем-то, что уже заполнило всё пространство оглушительным воем. Шея!!! Единственное беззащитное место, которое ворис никогда не открывает противнику! Отчаянным рывком Зоун бросил своё тело вперёд. Ворис дёрнулся, что-то почувствовав в последнее мгновение, но на долю секунды опоздал, и стальные клыки с силой сомкнулись на его горле.

Свен, до боли в суставах, сжав парализатор, насторожённо огляделся по сторонам. Он утупал почти по колено в центре невероятно зелёного ковра, отдалённо напоминающего собой земную траву. Примерно в полусотне метров перед ним сплошной стеной стоял гигантский лес, кронами могучих деревьев упирающийся в голубое, практически безоблачное небо. Высоко над головой, загоня беспомощную тень к самой границе леса, ослепительно сияло местное Солнце, заливая поляну потоками яркого света. Повсюду кипела жизнь. Швед буквально потонул в какофонии звуков, охвативших его с первых секунд высадки на планете.

— Он сейчас появится, — взволнованный голос Кости привёл Андерсона в чувство, — и, судя по сенсеру, сюда движется ещё куча аборигенов. У тебя минут десять до их появления.

— Успее, — Свен до рези в глазах всматривался в лес. — Не нервничай ты так, а то ещё пальнёшь по будущему партнёру в освоении космоса.

Абориген появился внезапно. Его огромное мохнатое тело с какой-то непостижимой грацией просочилось сквозь тиски гигантских стволов и, мгновенно преодолев большую часть открытого пространства между Андерсоном и лесом, замерло, словно давая возможность шведу хорошенько себя рассмотреть. Телосложением гуманоид напоминал огромную обезьяну, ростом за два метра: мускулистые ноги, мощный покрытый серым мехом торс, огромные руки-рычаги с перекачивающимися буграми мышц. Но первый же взгляд на голову опровергал это сходство. Непропорционально большая по отношению к, и так не маленькому телу, почти безволосая, с мощной челюстью, выступающими клыками и маленькими налитыми кровью глазками, злобно сверкающими из-под густых бровей, она придавала внешности гуманоида облик настоящего чудовища.

Андерсон много раз видевший туземцев на экранах монитора, всё же оказался не готов к встрече с аборигеном вблизи. Судорожно сплотив, швед непроизвольно направил в его сторону парализатор. Вероятно, его движение не осталось незамеченным и не очень понравилось. Во всяком случае, гуманоид принял угрожающую позу, и что-то грозно прорычал. С оскаленных клыков закапала ещё

свежая, буро-красная кровь.

— Осторожней Свен! — испуганный крик Кости, как ни странно, немного успокоил Андерсона.

Сделав над собой усилие, он опустил оружие и, прохрипев: — Мы пришли с миром, — сделал шаг навстречу чудовищу, подняв вверх левую руку в знак приветствия.

Зоун выскочил на небольшую полянку, затерявшуюся среди огромного леса и замер, тяжело дыша. Похоже, он не ошибся в направлении, хотя лишь краем глаза успел заметить тень той небесной птицы, чей спуск так вовремя отвлек вориса. Но сейчас, эта птица, чуть слышно урча, парившая над поляной на небольшой высоте, почти не привлекла его внимания. Она уже была не так важна. И охотник ошеломлённо рассматривал небольшую фигуру, стоявшую почти посреди поляны. Зрелище, мягко говоря, было отвратительное...

Уродливый белый карлик, лишь отдалённо напоминал собой мыслящее существо. Пожалуй, лишь наличием пары ног и рук и подобием головы, это сходство и заканчивалось. Гладкая, до омерзения кожа, без какого-либо намёка, на присутствие шерстяного покрова, уродливое угловатое туловище с какими-то непонятными отростками и выступами, выходящими из него, такие же коротенькие, уродливые, гладенькие ручки и ножки. Но хуже всего голова!!! Круглая и гладкая как яйцо ххолта, без каких-либо признаков наличия глаз, носа, рта, она была к тому спереди прозрачна, словно водная гладь небольшого ручейка, давая возможность заглянуть внутрь. И там... внутри... как будто зародыш в яйце, своей жизнью жила вторая голова. Там все атрибуты нормального лица присутствовали, но были так уродливы, что лучше бы их и вообще не было! Зоуна передёрнуло от отвращения. В душе зашевелилось сомнение. Неужели сказители пели об этих уродах? Он вздохнул. Долг гостеприимства требовал радушно встретить странника, не зависимо от того, нравится он ему или нет. Кто знает, может он и сам не рад, что таким уродом родился?

— Приветствую тебя, небесный странник. Мы ждали вас, как и было записано в предсказании, — торжественно произнёс Зоун. Затем роланин заставил себя улыбнуться и хотел подойти чуть ближе, как того требовала традиция, но замер на полушаге, словно наткнувшись на невидимую стену. Уродец, что-то визгливо пропищав, успел шагнуть первым и поднял вверх левую руку.

Андерсон заметил, как дёрнулся, было, ему на встречу абориген и тоже замер, дрожа от нервного напряжения.

— По-моему он агрессивно настроен, кэп, — в голосе Кости была отчетливо слышна паника. — Давай я его вырублю, и уматываем отсюда!

— Не вздумай! — рявкнул Свен. — Хорошее мы впечатление о себе тогда оставим! Весь контакт псу под хвост!

Андерсон и сам уже жалел, что поддался на уговоры второго пилота и ввязался в эту авантюру. Но и отступить уже было поздно. Пока Костя спустится, чудовища успеет сотню раз хоровод вокруг него сплясать, а не только просто напасть. Очень уж быстро! И ещё вопрос, как на него парализатор подействует: может просто пощекочет, а ещё хуже, если взбесит. С другой стороны, инопланетянин не напал, хоть и рычал что-то сердито, сверля Свена своими глазами. Возможно, ещё удастся наладить диалог.

Швед, в замешательстве ещё раз посмотрел на стоящего перед ним аборигена и вдруг понял, что тот серьёзно ранен. Инопланетянин стоял, слегка пошатываясь и как-то скособочившись на один бок, правая рука висела безвольной плетью, с разорванного уха к вывернутому плечу проложила дорожку тоненькая струйка крови. Да и в глазах аборигена капитану виделась уже не звериная злоба, а вполне осмысленная боль.

— Я подойду чуть ближе, — Свен постарался, чтобы его голос звучал твёрдо. — Держи его на прицеле, но стреляй только в крайнем случае.

— Понял. Я чуть ниже спустился.

— По-моему это моё оружие его нервирует, — Свен облизал пересохшие губы и сделал ещё несколько шагов навстречу чудовищу. — Мы не враги вам, — прохрипел он. — Мы не несём зла! — и,

выронив из онемевших пальцев парализатор, поднял обе руки вверх.

Время остановилось для Зоуна. Словно в каком-то оцепенении он смотрел на продолжавшего что-то пиццать странника, не в силах отвести взгляда от поднятой руки. Мозг в ужасе отказывался воспринимать ту истину, что странник болен. И... И просит помочь ему умереть!!! Теперь роланин понимал, отчего у странника такая безобразная гладкая кожа. Он болен уже давно! В легендах упоминалось, что у предков заразившейся болотной болезнью, незадолго до смерти, выпадала вся шерсть. Небесный странник болен и видимо невыносимо страдает. Сородичи далеко, родная планета затерялась среди звёзд, а боль раскалённой лавой пульсирует в крови.

Зоуну вдруг стало очень жалко бедного уродца, которого отчаяние заставило просить помощи у чуждого ему народа. Один, больной и нет поблизости ни одного друга, чтобы помочь достойно умереть и указать его тени дорогу к ушедшим предкам.

— Я помогу тебе, — тихо прошептал Зоун и хрипло затаил «песнь прощания». Небесный странник чуть помедлил, очевидно, вслушиваясь в печальный мотив, а затем, сделав семь шагов навстречу Зоуну, бросил своё странное оружие в истоптанный мох и вскинул вверх обе руки. Сделав всё так, как и требовал ритуал.

— Прощай! — Зоун тяжело вздохнул и положил руку на найденный, после схватки с ворисом, нож.

Костя, почти уткнувшись лбом в экран монитора, не сводил глаз с вышедшего на поляну чудовища. Пальцы, помимо сознания, нервно поглаживали небольшую кнопку доступа, дающую разрешение искину космокатера воспользоваться бортовым парализатором. Решение Андерсона, до этого казавшееся таким логичным, теперь вызывало сильное сомнение.

Действительно, поди, угадай, как поведёт себя абориген во время контакта. А любое его сомнительное движение может быть воспринято железякой, как враждебное. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Нашпигует, например, доброжелательного собрата по разуму парализующими патронами по самую макушку, а потом объясняй, как хочешь, когда тот очухается, что это маленькое недоразумение вышло. Лучше уж по старинке. Человеку, то есть Косте, довериться. Тем более вернуть управление искину — дело одного мгновения. Вот только Костя теперь сильно сомневался в том, что это мгновение у него будет. Уж больно быстро гуманоид преодолел несколько десятков метров от леса до кэпа. Костя и моргнуть не успел. Шустрый гад!

— По-моему это моё оружие его нервнует, — голос капитана прозвучал неестественно спокойно и Костя увидел, как Андерсон, сделав несколько шагов навстречу аборигену, бросил оружие и поднял вверх вторую руку. — Мы не враги вам. Мы не несём зла.

Несколько мгновений абориген стоял неподвижно, словно анализируя услышанные слова, а затем, смазанным пятном, преодолев оставшееся до кэпа расстояние, выхватил нож и нанёс удар в грудь.

Громко выматерившись, Костя резко вдавил кнопку в пульт, а затем, кусая губы от нетерпения, бросил катер вниз, на поляну. Посадка вышла жёсткой. Ещё раз матюгнувшись, Костя, схватив автомат, бросился к внешнему люку и буквально вывалился на землю рядом со Свенем. Капитан был мёртв. Странный нож аборигена, пробил скафандр как бумагу, войдя в грудь по самую рукоятку. Рядом валялся, опрокинутый на спину пулями с катера абориген. С оскаленной морды продолжала сочиться кровь. Выкрикнув проклятье, Костя, со злостью пнул ногой местное чудовище и, схватив Свена под мышки поволол к люку, совершенно не замечая навалившейся на него тяжести. Он уже почти затащил капитана в катер, когда громкий рёв заставил поднять голову. На самой границе поляны и леса, угрожающе рыча, стояло ещё несколько мохнатых фигур. Зло ощерившись, Костя вскинул автомат.

Зоун очнулся от резкой боли во всем теле и, тихо застонав, с трудом разлепил глаза.

— Потерпи, — целитель, сосредоточенно массирующий ему грудь, сочувственно покачал головой. — Твой организм просто напичкан какой-то гадостью. Нужно время, чтобы нейтрализовать её.

Толпившиеся рядом соплеменники согласно закивали головами.

— Небесный странник, — слова давались Зоуну с огромным трудом, протискиваясь сквозь непослушные губы. — Он напал на меня.

— Почему? — задал кто-то из толпы мучающий всех вопрос. — Зачем он это сделал?

— Не знаю, — в голосе Зоуна сквозило недоумение и обида. — Небесная птица спустила на землю небесного странника. Он был болен. Умирал. И попросил меня... Помочь... Мне пришлось выполнить последний обряд... Я не хотел, но он очень просил меня об этом. А потом небесная птица напала...

Ответом была тишина. Ролане переглядываясь между собой пытались осмыслить услышанное.

— Остальных тоже убила небесная птица? — целитель, оставив на время осмотр повреждённого плеча, мрачно взирал на молодого роланина.

— Убила?!!! — потрясённо переспросил Зоун и с трудом приподнялся с земли. Боль немного отпустила, но тело, скованное странным оцепенением, ещё плохо слушалось.

— Четверо, — мотнул головой целитель в сторону леса. — Много крови. Мертвы.

— Я не видел. Но думаю, что это сделала небесная птица, — Зоун огляделся по сторонам. — И забрала небесного странника с собой.

— Но почему они убивают? — в смятении спросил кто-то из толпы. — Ты помог небесному страннику, а в ответ... Это бессмысленно! Даже дикие звери не убивают просто так!

— Видимо они как ворисы, — с трудом прохрипел Зоун. — Так же бессмысленно кровожадны.

— Они могут, вернуться, — задумчиво заявил целитель, осматривая руку охотника. — Зверь, вкусивший крови, уже не может остановиться. Нужно оповестить всех, чтобы были готовыми.

— Мы будем готовы! — Зоун с ненавистью взглянул на небо и, оттолкнув целителя, медленно заковылял в сторону леса.

Ярослав Антакольский

Запах Советского Союза

Я помню запахи Советского Союза. Именно так пахло мое детство. Интересно, а другие помнят? Например, я помню, как пахло такси: салон 21-й Волги, когда мама открывала дверь и называла адрес. Запах казенного кожзаменителя сидений, и запах бензина, нет не выхлопных газов, а именно бензина, причем холодный запах если зима, а летом теплый, тлетворненький. А разве никто не помнит, как пахли автоматы по продаже газировки, или квасные ларьки? Странно, я помню даже запах денег, монетка в 3 копейки пахла сладким сиропом из этого автомата, как пахла свежестью вода, что мыла стаканы в этих автоматах. «Пятнашка», монета достоинством, заметьте достоинством, в 15 копеек пахла стаканчиком кофейного мороженого, а пятачок имел запах прохладной подземки – метро. Боже, овощной магазин источал запахи именно овощей и фруктов, свежей земли, – сейчас магазины вообще ничем не пахнут. Булочная – понятное дело душистыми батонами и булками, теперь весь хлеб надежно упакован в пластик – так правильно, инфекция и микробы – а тогда запахи пекарни. Аптека – о, боги олимпа, фармацевтикой пахла аптека, густые фикусы на массивных деревянных тумбах как в цирке, чистота и стерильность убивали своим запахом любую инфекцию, попавшую в аптеку с улицы. Теперь аптеки вообще без запаха, как во сне, словно обман, обман потребителя. Как ой запах имел квас на разлив? Нечто потустороннее, особенно летом, и продавался он только летом, теперь круглогодично, а не хочется. Быдлярство общества заключалось в отношении к человеку, но некоторые побеждали и это. Мама говорила мне, купишь три литра кваса, только попроси дядю, или тетю, чтоб наливали из кранчика прямо в бидон, а не кружкой 0,5, пусть и помытой (все же не очень стерильно как-то). Разливщик для удобства

мог делать это кружкой, если сомневался в вместимости бидона.

Вокзалы пахли вокзалами, не могу уловить этот запах сейчас, что-то сигаретное с примесью суэты и угольного нагара от поездов дальнего следования, и конечно туалеты – их можно было найти по запаху. Грязные и вонючие, как честное подтверждение человеческого бытия изнутри. Теперь туалеты на вокзалах чистые как в Ашане или офисах, почти не пахнут. И сами вокзалы потеряли запах, в 90е они сильно пахли бомжами – теперь и этого нет. Вообще никаких запахов.

Грязные купе вагоны, и омерзительные плацкартные вагоны, чудовищные туалеты – имели запах дороги, аромат пути следования. Теперь еду в Питер на фирменном плацкарте – велюр чистота, и биотуалеты, не надо ждать 2 часа санитарной зоны, но только в юности можно созреть философски, ожидая поворота тяжелого ключа проводника в заветную комнату одиночества, созреть как личность, повзрослеть в ожидании проникновения в спасительный отсек, о оценить всю степень покинутого домашнего комфорта, и там сидя над отверстием в летящие шпалы, в попытке удержаться и не слететь с грязного постамента, проходя курс молодого морпеха – понять жизнь и принять вонючий запах, как спасение от позора естественного процесса бытия.

Теперь и тут запаха нет – нигде его нет, только титан, топится углем, еще как-то напоминает о прошлом.

Я помню, как пахло кино, да, кинозал, прохладой и занавесом, жестким кожзамом, жесткий как лакированный, старых кресел, холодок чего-то официального и ритуального-экран как алтарь. Буфет кинотеатра или театра, – отдельный запах колечек с орешками по 20 копеек, эклеров и соков, бутеров с красной

рыбой и тоненькой колбаской. Как пах цирк – запомню навсегда. Холодком и светом арены, животными и атмосферой фантастики.

А библиотеки пахли книгами и теплом стеллажей, и желтым светом. Теперь едва, но можно уловить в библиотеке книжный запах старых страниц, но в целом он куда-то улетучился. Даже книжные магазины почему-то пахнут не книгами, скорее пластиком упаковок, новыми обложками с пластиковым покрытием, но как-то не книгами. Книжный магазин в Советском Союзе имел запах плотных книжных листов, свежесть и скрип переплета, ни с чем не сравнимый запах гляцевых страниц плакатов и календарей, манящий запах раскрасок, а главное — запах информации, плотно впечатанной в страницы.

Газеты – о Боже, ничего подобного в природе нет, свежесть утренних газет, печатные слова и фотографии пахли чистотой и новостью дня, аппараты в переходах у метро гордо продавали прессу, а газетные киоски еще и гляцевыми журналами. Теперь, взяв из окна машины газету «МЕТРО», я вдыхаю цветной густой запах, он есть, но отстранив лицо от газеты, его словно и не было, и мучительно пытаешься его вспомнить. Пол секунды и все, как во сне.

Почта. Это оазис чего-то инопланетного – сургуч. Запах неповторимый и особенно самобытный, независимый, твердо плавкий и проникающий в мозг, запах путешествия и посылок. Сургуч горячий плавил только на почтах. Теперь и почта стерильна как операционная, сургуч выкинули и заменили скотчем, трусливо скрипучим и тонким, дистрофически тонким и желтым, как болезнь Боткина.

Поликлиники пахли лекарствами и бинтами, теперь и они утратили запахи, как картинка – и никакого запаха.

Мебельный магазин – отдельная сказка. В нем хотелось спрятаться перед закрытием и переночевать ночь на всех диванах, сосредоточие такого количества шкафов и кроватей туманило разум – мебель пахла свежестью чисто изготовленного материала.

Умершие ныне ателье – они пахли свежерезанной плотью всех видов тканей и ниток, легким ароматом швейных машинок и едва уловимым тонюсеньким ароматом сухого

обмылка закройщицы, что чертит на ткани линию разреза.

А канувший в лету магазин «Свет»? Забыли, я готов подтвердить на Библии, я – знаю, как пахнет электричество, я знаю аромат, который имеет – свет. Именно в том магазине воспламенялся запах освещения и всего электрического, казалось пахнет стекло плафонов и форма абажуров, ножки торшеров, металлические щеки утюгов и бомбы пылесосов.

Винный отдел. Кто помнит, вино и водка продавались в отдельном помещении, с отдельным входом – почему теперь не так? В Америке — это именно так! Я помню угрюмые, припухлые и просто дурацкие лица мутантов, стоящих в очереди за вином, там пахло стеклом, чем-то отработанным и винным, возможно остатками надежд и мечтаний, и дыханием покупателей – пахнувшим уже сгоревшим вином вчерашней заливки. Часто антураж подкрепляла лужица кокнутой бутылки вина, как разбившиеся надежды, окаймленная зеленым архипелагом осколков, похожая на кровь, разбавленную спиртом. И тогда в тесном винном отделе пахло осуждением и состраданием покупателей.

Наверное, уже позабыли, как пахли пивнушки, пивняки, гадюшники? От них веяло разбавленным пивом, подкислым, несвежим, и, конечно, окружал эти очаги культуры ореол стойкого запаха мочи, все свободные стены магазинов и домов в непосредственной близости разлива пахли прочным отработанным мочевым отливом.

Я даже помню запах окошка, где видны только руки и центр тела в грязном синем халате, пальцы проворно проверяют горлышки бутылок на наличие сколов. Пункт приема стеклотары. В недрах холодного мрака пахло пыльным, грязным стеклом и серой старой древесиной косых ящиков.

И, боже ж ты мой – мастерская по ремонту обуви. Тепло, и приятный запах красного клея, не описать, особый, суверенный запах клея для обуви, новенькими подошвами, резиной, чисто срезанной под каблочки, набойками и станками для обработки готовой продукции. Сгинуло в вечность.

А еще пахли диафильмы, пленка с картинками нагревалась в диапроекторе –

источала аромат искусства, так же пахли и свежие пластинки в культтоварах, они пахли пластинками. Кинопроектор, папа заряжал смотреть «Ну, погоди» или семейную хронику с Красной Поляны или Ялты – и пленка отдавала вечностью, так пахнет только нагретая в световой оптике аппарата «Русь» кинопленка, что высвечивает и переносит на белый экран – твое прошлое, тебя маленького, даже белый клеенчатый экран имел свой запах чистоты и мягкого пластика, что сохранял свой запах долго, ибо хранился свернутым и в чехле.

А магазин игрушек, это были особые магазины, Детский Мир – мечта всего живого – запах новизны и покупки, куклы и танки в коробках что пахли реализованной мечтой, автоматы и пистолеты пахли шагом в будущее, а пистоны, запах стреляющего револьвера с пистонами – предел мечты любого мальчишки, запах взорвавшейся серы, его кажется нет даже в современных спичка. Медведь пахнувший искусственной шерстью – мечта любой девчонки. Игрушки пахли умиротворяющей пластмассой. Я и сейчас помню запах советского мячика с двумя полосками. Резина, откровенная новая резина. И ничто теперь не имеет такого запаха.

Коробки для обуви пахли экологически чистым картоном и бичевкой, и неповторимо пахла новая обувь – кожа и резкий запах новизны изделия. Упаковка из прочной желтой бумаги имела отчетливый запах чистого и нового.

Кто –то вспомнит запах «дымовушки», это пинг-понговый шарик поломан и особым способом умят в обрывок газетки и подожжён, а дым валит и пахнет – хулиганством и экстримом.

Школа, пахла особо! Новенькими тетрадками 1 сентября, новенькими ранцами и портфелями, пеналами и карандашами, цветами, которые пахнут, и гладиолусами, которые вовсе не пахнут, но всем своим видом заявляют о наличии победного аромата. А вы помните, что шариковые ручки тоже имели свой самобытный запах, чернила их имели запах, аромат долго витал в классе над тетрадками. Уроки пахли, урок труда пах свежими досками и железками металл пахнет при обработке напильником, при сверлении, жаль тех, кто не вкушал сих запахов детского труда. У девочек уроки труда пахли

свежими отрезами тканей и поварёшками, юными пробными приготовлениями пищи. Мы впервые чувствовали половую разделенку и особую принадлежность каждый своему полу. Помните, как пахла переменка? Свежестью улицы, солнечного света в рекреациях от нагретого линолеума, свежесть помытых полов каменной плитки на первом этаже, а столовая супом и картошкой пюре. А учительская пахла взрослым миром больших людей, а кабинет директора школы – имел редкий запах святого и запретного, в котором и дышать было можно только по разрешению, от того запах почти не проникал в ноздри пионера- нарушителя порядка.

Актный зал вообще отдельный запах, чего-то монументального, древесно-выдержанного тканево тяжелого, может из-за бордового занавеса и грубой красной материи обивочной на креслах.

А еще были будки таксофонов – в них висели, подумать только – телефоны, монетка в 2 копейки или 1+1 две по одной мелкой копеечке – давали право советскому человеку позвонить по городу куда угодно, так вот будки тоже имели свой неповторимый запах, зимой холодный запах алюминия и резины пола, цинка самого аппарата, ну а летом, от солнечного нагрева – массивная трубка черного пластика или какого-то иного техносплава источала именно телефонный аромат, он знаком всем, кто имел сердце и затаив дыхание звонил любимой, у кого-то это запах тревоги, кто-то звонил бесплатно в милицию 02 или скорую – 03. Алюминиевый шкаф будки таксофона держал нагретой атмосферу в своем стеклянном чреве, там можно было переждать дождь и ... целоваться с девушкой, ругаться по телефону, и просто стоять, глядя на проливной дождь мечтать, о будущем, что когда-то можно будет снять тяжелую трубку – и позвонить в любой город, да что там, в Америку, а внизу под железным диском с цифрами – окошко в которое можно увидеть абонента на другом конце страны. Фантастические грезы обрывал появившийся автобус, и советский мечтатель бежал на остановку окунуться в иной запах салона автобуса, где пахло свежими билетами, что вручную выкручивали сами пассажиры.

Скоро Новый Год, он каждый год – новый. Я помню запах Нового Года в детстве, конечно

живая ёлка, аромат леса и сказки в квартире на окраине Москвы, огоньки, напоминающие приглушенный, но глубокий свет лампад в храме, даже снег имел запах, точнее не имел запаха рвотного реагента, только снег и холод. Конечно запах мандаринов, финского сервелата, шпротов, красной икры, оливье и Советского шампанского, и торта Прага и Наполеон.

А еще запах ожидания всего этого, магазин Культтовары — запах новеньких колечек серпантинов, пакетиков конфетти, и масок, кар навальные маски пахли изнутри плотно прессованной экологически чистой желтой бумагой — теперь хлипкий ломкий пластик ничем не пахнет и держится на лице плохо. А помните запах дождика, золото и серебро, что вешали на ёлку и в проёмах дверей, запах хлопушек, примитивных, но все-таки родных. Теперь есть салюты и фейерверки едва не дотягивающие до военного арсенала — и запах дешевых китайских петард, что доступны плебсу в розницу — и дворы погружаются в запахи, напоминающие войну нищевродов.

И запал Нового Года, чистых рубашек и новых галстуков, новеньких платьев, запах гостей и запах подарков под ёлкой. А утром открытие холодильника Минск дарило ароматы подсохшей красной икры, подвяленной колбасы, подсохших сырных треугольников, и Бизе и шоколада на срезах торта, селедкой под шубой и остатками двух шпротин. Запах детства и Нового Года, новой жизни.

Были такие запахи в стране, которой теперь нет. Исчезла страна и вместе с ней улетучились запахи. И, кто знает, может так и было задумано.

Михаил Небрицкий

Прощение

Глава 1

Как же тяжело просыпаться по вечерам. Как бы мне не было противно ходить на эту проклятую работу, однако вставать всё-таки нужно. Ведь на новую жизнь нужны средства, а заработать их, кроме как на должности официантки в круглосуточном кафе пока не предоставлялось возможности.

Я Катя и мне 21. Ещё год назад я находилась в плену, где надо мной постоянно издевались. Сцены тех дней мне до сих пор снятся по ночам, от чего я вздрагиваю и просыпаюсь. Примечательно, что за всё время, когда я спала днём перед ночными сменами, подобное мне не снилось ни разу. Однако в ночное время суток кошмары приходят регулярно. При том, такие реалистичные, словно наяву.

Нет. Меня не похитил и не держал в плену маньяк. Он меня родил. Ибо моим палачом была родная мать.

Всё началось с раннего детства. Родила она меня поздно – почти в 40 лет. Отца своего я никогда не видела, и по её словам – мне повезло. Ведь, как она сказала – он её изнасиловал. Как и при каких обстоятельствах это произошло – этого она не поведала. Помню только, что каждый раз в порыве гнева она упрекала меня в том, что я похожа на своего папашу.

А в гневе её я наблюдала часто, следовательно, так же часто мне от неё доставалось. Её методы воспитания были, мягко говоря, не педагогичны, и самое страшное, что до определённого возраста я этого не понимала и воспринимала как норму.

Лишь классе в шестом я узнала, что не всех родители закрывали в подвале и морили голодом за плохое поведение. Но мать приказала никому об этом не говорить, ибо дома мне сделается от этого ещё хуже.

Кстати, за учёбу и плохие оценки мама меня вовсе не ругала. Она говорила, что все эти

науки – ерунда и в жизни мне не пригодятся. Главное, чтоб я умела читать Библию, поэтому алфавит я выучила довольно рано – ещё до первого класса. Плюс ко всему, в школе меня считали чокнутой, потому друзей у меня фактически не было – лишь моя лучшая подруга Алёна, с которой мы общаемся по сей день.

Наибольшую глупость я сотворила, когда мне было 15. Мне понравился парень из параллельного класса – Толик, но я никак не решалась сказать ему об этом. И вот однажды, на День святого Валентина я написала для него записку. У них тогда как раз была физкультура, и я не придумала ничего лучше, чем зайти в раздевалку и положить листок в его портфель.

Вот только в этот момент зашёл одноклассник Толика и увидел, как я открываю рюкзак. Он тут же стал кричать, что я лажу по чужим сумкам и что-то ворую. На крик сбежались дети и, конечно, пришёл учитель. Это было самое дурацкое положение в моей жизни. Выставить себя глупо или показаться воровкой? Мне пришлось при всех признаться, зачем я полезла в чужой портфель. Далее были самые ужасные минуты в моей жизни. С тех пор я ненавижу детский смех. Как только я слышу, что где-то смеются дети – меня аж передёргивает.

Насмешки длились ещё долго. Каждый считал своим долгом подстегнуть меня и припомнить тот случай. И самое обидное, что после этого Толик ко мне так и не подошёл. Интересно, над ним также смеялись, как и надо мной? Возможно, ему было просто стыдно со мной заговорить. Я не знаю.

В любом случае, каждый раз в коридоре, когда он шёл навстречу – я отводила взгляд. Слава Богу, что тогда об этом не узнала мама. Мне бы так влетело. Ведь она всегда говорила, что нужно держаться подальше от мужчин. Что им от меня нужно только одно. И что вот из-за одного такого на свет появилась я. При том, произносила она это с таким упрёком, словно

обвиняя в этом меня. Может, поэтому она ко мне так всю оставшуюся жизнь относилась?

Но теперь её нет. Хорошо это или плохо – я не знаю. Но рак не спрашивает у своего хозяина, когда к нему можно прийти. С одной стороны, я долго не могла привыкнуть, что я теперь свободна. Ведь даже находясь в последние месяцы в прикованном к постели состоянии, она всё равно держала меня в ежовых рукавицах. На минуту задержалась, не так посмотрела, не той температуры чай – лавина гнева обрушивалась на меня и накрывала с головой. И пусть у неё уже не было сил наносить мне физические страдания, но психологически она давила меня как букашку.

И может быть это не правильно, и Бог накажет меня за такие слова, но когда она испустила дух – я на минуту испытала облегчение. Ведь в тот момент окончились и её, и мои страдания.

После школы я так никуда и не поступила, поскольку ни в чём особо не разбиралась. Долгое время работала уборщицей в магазине тканей, однако в прошлом месяце он закрылся. Относились ко мне там хорошо. Не то, что в этой беде. Но, деньги как-то зарабатывать нужно, поэтому и пришлось устроиться официанткой в круглосуточном кафе. Контингент там разный: от приветливых влюблённых пар до пьяной швали, распускающей руки. И Арсен – хозяин заведения, требует, чтоб я одевалась как проститутка. Мол, так будет больше чаевых, которые он, к слову, кладёт в общую кассу, дабы потом распределить среди сотрудников. Сколько из них он берёт себе – тайна покрытая мраком. Ненавижу это заведение. Хотя и работаю там всего неделю.

Надеюсь, что скоро я найду что-нибудь получше и мне не придётся терпеть на себе сальные взгляды алкашни бальзаковского возраста, которые то и дело норовят «случайно» задеть меня ниже спины.

Вот ещё один такой – дядя Вова. Сосед, чей участок примыкает к нашему, который знает меня с детства. Он часто заходил к маме на чай.

Только на чай! Ведь, как я уже говорила, мать стремилась и меня учила держаться от противоположного пола на расстоянии. При нём она строила из себя примерную мамашу – никогда не кричала и не била меня. Дядя Вова

несколько раз оставался со мной наедине, когда мать уходила на работу. Он играл со мной в куклы. Сажал к себе на колени и листал книги, показывая красочные картинки. В детстве я не видела в этом ничего такого. Может быть, в этом и правда ничего плохого не было. Ведь он всегда говорил, что любит детей, потому как своих завести так и не удалось.

Правда, я не помню, чтоб у Владимира Николаевича когда-нибудь была жена. Кажется, он жил лишь со своей мамой, которая умерла, когда мне было 10. Но теперь, стоит мне выйти со двора – он тут как тут. Постоянно обнимает и говорит, как я выросла. Всю жизнь он помогал нам – то стекло вставить, то сантехнику починить. И когда мама умерла – с похоронами также помог дядя Вова.

А теперь он стремится при встрече обнять меня за талию и поцеловать в щеку. И ему это пару раз даже удавалось. А ещё несколько раз его рука так же «случайно» соскальзывала ещё ниже, от чего я тут же вздрагивала и поворачивалась к нему лицом. Он на это лишь озабоченно улыбался. Как же мне иногда хочется заехать по его серебряным зубам. Но он мне не то, чтоб в отцы – почти в дедушки годится. И если раньше он подбивал клинья к моей матери, которая не решалась послать его куда подальше, поскольку мужчины в доме не было, а помощь умелых рук могла понадобиться в любой момент, то это не значит, что я не могу послать его глубоко и надолго. Просто ещё недостаточно допёк.

-На работу, Катюша?

-Да, дядя Вова. – я старалась лишний раз его не провоцировать, потому была вежлива с ним.

-Так тяжело тебе сейчас одной.

«Даже и не думай мне сочувствовать» – пронеслось у меня в голове, поэтому я старалась ускорить шаг.

-Ну, ты заходи, если что, на чай. Не забывай старика. А то ведь, у нас обоих теперь никого нет.

-Хорошо, дядя Вова. – я вежливо улыбнулась, умело увернувшись от его руки, тянущейся к моему плечу.

Он что? Никогда не бывает дома? Каждый раз как я выхожу – он постоянно что-то делает в своём дворе. Как правило – подметает

бетонированную дорожку. И «чудеснейшее совпадение», что в тот момент, когда я выхожу из дому – он метёт у самой калитки, чтоб при встрече оказаться ко мне как можно ближе. Он и правда считает меня такой тупой? Ладно. Пора бежать на работу. Не хватало ещё опоздать.

Глава 2

Это были самые тяжёлые три часа в моей жизни. А впереди ещё вся ночь, и если повезёт, то с 2:00 до 3:00 может выпасть минутка, чтоб вздремнуть. Разумеется, после того, как я вытру все столы и помою пол. Потом часам к четырём начинают подтягиваться один за другим таксисты, потом базарные торгаши и часов в 6 утра здесь уже полно народу. Кафешка у автовокзала обслуживает круглые сутки. Здесь часто находят пристанище ожидающие автобуса гости города. Представительницы древнейшей профессии с Разумовского заходят сюда на чай и обсудить «дела», ну или просто в туалет. Также не обходит вниманием и местный криминалитет, с которым у Арсена весьма тёплые отношения. Некоторые из них даже успели мне намекнуть, мол: будут проблемы – обращайся. Неплохая такая крыша. Может, когда-нибудь и пригодится. Особенно, если дядя Вова всё-таки допечёт.

Сперва девушка накричала, что я принесла не её заказ, хотя у меня в блокноте чётко записано, что она заказала суп с фрикадельками и сухариками, а не вареники. Затем какие-то парни, явно навеселе, пытались выпросить у меня номер телефона и пригласить с ними в сауну. Арсен, любящий делать свои проблемы чужими, сказал, чтоб я перенесла пару «нетяжёлых» ящиков с вином. Словом, вечер выдался на славу.

Когда зал наполовину опустел, у меня, наконец, выдалась минутка отлучиться в... «припудрить носик».

Ещё и голова разболелась. Защёлкнув задвижку на двери кабинки, я и не заметила, как в уборную зашёл кто-то ещё. Шаги проследовали в мою сторону и притихли. Сделав свои дела и нажав на кнопку бачка, я собралась помыть руки и вернуться к работе, но неожиданно за дверцей на меня навалилось какое-то тучное тело и повалило на холодный кафельный пол, об который я больно ударилась

подбородком.

-Молчи, малая! Будешь хорошо себя вести – в долгу не останусь.

Ещё не совсем поняв, что происходит, я ощутила под юбкой чьи-то потные руки. Заметив, что я собираюсь кричать, он резко поднёс одну из них к моему лицу, закрыв, таким образом, мне рот.

-Тихо, я сказал! Ты что думаешь? Я вот так терпеть буду? Как ты мимо меня ходишь – попой крутишь.

Я не видела лица напавшего. Я лишь ощущала, что он примерно в два раза больше меня и от него воняет смесью пота и водки.

Внезапно меня едва не стошнило. Он ещё ничего не успел сделать, как мне уже хотелось умереть прямо на том месте. Жирное тело обволакивало меня, всё сильнее прижимая к полу. Он стягивал одной рукой с меня трусики, а другой ещё крепче зажимал рот, чтоб я не смогла закричать. Я попыталась поцарапать ту часть его тела, до которой дотягивалась, однако это разозлило его ещё больше и, отпустив мою нижнее бельё, он ударил меня по голове.

-Ты смотри на неё! Царапаться будешь?

Приподнявшись, он крепко взял меня за волосы и потащил за собой. В итоге, я оказалась перед ним стоя на коленях. То, что я увидела в следующую секунду, вызвало у меня непреодолимое желание вырвать, а после этого тут же умереть.

-Ты что делаешь? – раздался за его спиной грозный вопрос с кавказским акцентом.

Насильник на это лишь молча застыл. В следующую минуту он сам лежал на полу, кашляя кровью, пока Арсен пинал его ногами по рёбрам.

-Ты что, свинья, себе позволяешь? Тварь!

-Хватит! – захлёбываясь просил тот.

На это владелец заведения ещё сильнее наносил удары по его желеобразному телу. Я видела это в зеркале умывальника, возле которого обильно умывала лицо. Минут пять Арсен месил этого урода, а я лишь плакала и умывалась. Меня всю трясло. Меня тошнило, но наружу ничего не шло. Мне ничего не хотелось.

И хотя он и не успел надо мной надругаться, я всё равно чувствовала себя грязной. И грязь эту

смыть было невозможно.

-Катюша, как ты?

Он попытался взять меня за предплечье, но я тут же отдернула руку.

-Что он с тобой сделал?

-Ничего! – сдавленно сквозь слёзы ответила я.

-Ну, всё-всё. Идём, я тебе водички налью. Тебе нужно присесть.

Возвращаться в зал, где на меня будут смотреть люди, мне вовсе не хотелось. Мне вообще никуда не хотелось идти кроме как домой.

-Вот урод. Ничего, сейчас Ашот с ребятами приедет – они с ним разберутся. – Арсен принёс мне стакан воды, который я еле взяла дрожащими пальцами.

-Можно я пойду домой? – спросила я, ни на что не надеясь.

-Конечно. А как же. Может тебя отвезти в больницу? Или, может, ты хочешь, чтоб я вызвал полицию? Тогда позвоню Ашоту, чтоб не ехали. Только скажи ментам, пожалуйста, что он и на меня напал, а то, сама знаешь.

-Нет. Я просто хочу домой.

-Давай я тебя подвезу! – низкого роста крепко сбитый армянин был весьма учтив и потцовски добр ко мне в тот вечер.

-Не нужно. Я возьму такси.

-Зачем такси? Давай лучше я тебя...

-Нет. Пожалуйста. Здесь и так останется мало людей. Я просто хочу домой и лечь спать.

-Хорошо, Катюша, как скажешь. – немного обиженно произнёс хозяин кафе.

Более отвратительного вечера в моей жизни ещё не было. Разумеется, никакое такси я не брала. Ведь мне идти к дому, от силы, минут 15. Хотя, час поздний и мало ли что может случиться, но я всё-таки надеялась, что молния не попадет в одну воронку два раза. В конце концов, пусть лучше меня убьют, чем всё же овладеют моим всё ещё девственным телом.

На улице было довольно светло благодаря фонарям, но всё же безлюдно. Августовский ветер был уже не таким тёплым и в воздухе чувствовался запах приближающейся осени. Ещё одно лето коту под хвост. Ни отдыха, ни моря. Единственное, что я делала эти два с

половиной месяца – разгребала мамин хлам, вынося его в сарай, а в дальнейшем, если руки дойдут – то и на свалку. Работа-дом, дом-работа. Эта взрослая жизнь утомляет и выматывает. С другой стороны, учитывая то, что у меня не было полноценного детства – может хотя бы сейчас что-то поменяется в лучшую сторону.

Неожиданно, остановившись напротив дома Владимира Николаевича, я заметила, что у него всё ещё горит свет. Это показалось мне довольно странным, поскольку я знаю, что в это время он должен уже давно спать. Внезапно, из входной двери дома явилась тёмная фигура, которая сразу повернулась в мою сторону. Я тут же присела, спрятавшись за штакетником, продолжая смотреть на него сквозь щели между досок.

Оглянувшись по сторонам, человек в чёрном балахоне с наброшенным на голову капюшоном резко переместился к боковой стороне двора, мгновенно сиганув через забор. Поскольку дом дяди Вовы угловой в квартале, то незнакомец, таким образом, попал на соседнюю улицу. Куда он пошёл дальше – я не видела, потому как для этого нужно было перебежать к перекрёстку, чего я сделать побоялась.

Кто это? И что он делал в доме моего соседа? Сердце чуяло неладное. Вдруг там ещё остался кто-нибудь? А может, это просто его знакомый, который, в отличие от меня, всё же зашёл к нему на чай? Тогда, почему он не вышел через калитку, а удалился в столь неординарный способ?

В общем, как бы мне этого не хотелось, но я должна была проверить, как там поживает пожилой человек. Тем более, он сам меня не раз звал в гости, и даже если с ним всё хорошо – он не обидится, что я побеспокоила его в столь поздний час.

Дверь оказалась открытой. В комнате горел свет и шумел телевизор.

-Дядь Вова! – крикнула я на пороге с опаской, что сейчас на меня кто-нибудь набросится из-за угла.

В ответ тишина. Может спит? И всё же, тот парень в капюшоне может вернуться в любой момент и застать меня врасплох. Что если это его собутыльник и в такой способ решил сократить путь, бегая за «второй»?

-Дядь Вова! – повторила я громче, но ответа так и не услышала.

Робко пройдя внутрь, я сперва узрела в дверном проёме лежащие на полу комнаты ноги. В голове за секунду пронеслось несколько вариантов: пьяный, стало плохо, поскользнулся или что-нибудь ещё. Но чем больше я приближалась к телу, тем лучше понимала, что на мой зов он больше никогда не отзовётся. Лужа загустевшей крови вокруг его головы явно вылилась из нескольких продольных отверстий в шее. Владимир Николаевич был мёртв. А если точнее – убит.

Меньше, чем через полчаса полиция прибыла на место. Я, как и сказал диспетчер, ничего не трогала в доме и вышла на улицу, дождавшись приезда следственно-оперативной группы. И сейчас я беседовала на кухне дяди Вовы с двумя полицейскими, пока их коллеги что-то делали в той комнате, где лежало тело.

Капитан Михайлова Кира Валентиновна, как она мне представилась – следователь Шевченковского РУ МВД, а этот мужчина помоложе, как я поняла, её помощник – старший лейтенант Михаил Лисовой.

Я рассказала им о том, кого видела, прежде чем вошла в дом и обнаружила труп соседа.

- Вы можете его описать? – спросила следовательница, водя любопытным взглядом по кухне.

-Кого? Убийцу? – не сразу поняла вопроса.

-Того, кого вы видели выходящим из дома. – уточнил её помощник.

-Да, я его толком не рассмотрела. Говорю же, он был в тёмной толстовке на подобии балахона, а на голове капюшон.

-А брюки? Джинсы или спортивные? В чём он был обут?

-Ой, я точно не помню. Кажется, он был в светлых джинсах.

-Какого он был роста. – внезапно светлочерные глаза полицейской вопрошающей остановились на мне.

-Ну, где-то вот такого. – я образно показала рукой высоту примерно с мой рост.

-Как вы?

-Где-то так.

-Он вас видел? – снова вмешался Лисовой.

-Я не знаю. Я сразу спряталась за забор. – ответила я и перевела взгляд на окно, выходящее как раз на калитку.

-Вот за тем? – Кира Валентиновна уловила, куда я смотрю.

-Да.

Только сейчас я поняла, что за столь редким штакетником я была как на ладони.

-Скорее всего видел. – пришла к логическому умозаключению я. – Потому, наверное, он и перелез через боковую ограду, испугавшись, что если приблизится ко мне, то я подниму крик.

-Логично. – согласился старший лейтенант.

-Вы можете указать, в каком именно месте он перелез через забор?

-Думаю, да. – ответила я, вставая из-за стола и направляясь к выходу.

-А где вы живёте? – спросил по дороге офицер.

-По соседству. Вон там. – выйдя во двор я указала пальцем на свой дом. – А туда побежал преступник.

Развернувшись, я продемонстрировала небольшой участок такого же редкого штакетника, находящийся в противоположной стороне.

-И куда он пошёл дальше вы, конечно же, не видели. – понимающе покачала головой Михайлова, не надеясь на достойный ответ.

Ну, в таком случае, я её хотя бы не разочаровала.

-Значит, вы утверждаете, что в тот момент возвращались с работы. А где вы работаете, если не секрет?

-В кафе «У камина». Возле автовокзала.

-И во сколько заканчивается ваша смена? – интригуяще вопрошал помощник следовательницы.

-Вы меня в чём-то подозреваете? – возмутилась я.

-Успокойтесь. Никто вас ни в чём не подозревает. – снизила напряжение Михайлова. – Это стандартная процедура для восстановления общей картины, которую нам нужно описать в рапорте. И если вам нечего скрывать, то бояться не стоит.

-Да нечего мне скрывать. – всё ещё

возмущённо ответила я, оправдываясь, скорее, не перед ними, а перед собой.

-Так во сколько вы освободились?

-Ну, вообще-то у нас круглосуточное кафе и смена у меня до 6:00, но мне сегодня было нехорошо и я отпросилась домой. – мне не хотелось рассказывать всех событий этой ночи, особенно тех, что произошли в туалете.

-Это смогут подтвердить ваши коллеги?

-Да. Арсен докажет, что отпустил меня пораньше. Хотите, я ему позвоню? – мне бы очень не хотелось, чтоб у него из-за меня были проблемы, и потому хотелось бы рассказать ему всё раньше, чем с ним свяжутся менты.

-И во сколько это было?

-Примерно в начале первого.

-Вы, когда нашли труп, сразу позвонили в полицию? Верно?

-Ну, где-то так.

-Где-то так? – Лисовой пытался из меня информацию, словно на допросе.

-Да. Сразу позвонила вам. Я зашла, увидела тело и набрала 102, потому что боялась, что этот мужик сейчас вернётся. Поэтому да. Я поспешила вас набрать.

-Хорошо. Звонок на 102 был в 00:23. Как вы добирались сюда? На такси?

-Пешком.

-И сколько обычно занимает дорога?

-Минут пятнадцать. Плюс-минус пять минут.

-Понятно. – Кира Михайлова задумчиво отвела взгляд себе под ноги.

-Так что? Мне позвонить Арсену? Спросите его? – я хотела как можно быстрее с этим разобраться.

-Не стоит. Мы сами заедем в «У камина» завтра. Вы ж ведь нам всё рассказали?

-Да, вроде бы, всё.

В этот момент к копам подошёл невзрачный старичок в круглых очках и с чемоданчиком в руке. Он любезно снял передо мной шляпу и повернулся к капитану.

-Что у вас, Моисей Семёнович? Нашли что-нибудь интересное?

-Как сказать. Убитый пролежал пару часов. Сколько именно пока сказать не могу. Убит

несколькими ударами ножом в шею.

-Орудие убийства обнаружили?

-Нет, Кирочка, пока ничего. На всякий случай мы изыщем все столовые приборы и исследуем их. Кстати, девушка, вы там ничего не трогали? – с последними словами он повернулся ко мне.

-Да нет же. Только позвонила вам и сразу вышла.

-Вы уверены?

-Конечно. – терпеть не могу, когда меня допрашивают.

-Скажите, а когда вы в последний раз были у него дома?

-Никогда. До сегодняшнего вечера я к нему не заходила. – мне это всё напоминало мамины расспросы, когда она в очередной раз искала повод меня наказать.

-Вы, конечно, извините, но мне придётся всё-таки взять у вас отпечатки пальцев. Сугубо, чтоб исключить их из перечня тех, что мы найдём в доме. Ведь если убийца был там – он наверняка оставил следы. – настоял старик.

-Да, Моисей Семёнович, ещё Екатерина утверждает, что неизвестный перелез через забор вот в этом участке. Потому, придётся поискать «пальцы» здесь. – девушка указала на ограду в боковой части двора.

-Как скажете, Кирочка. – дедуля по-отцовски улынулся капитану.

У меня сняли отпечатки, затем задали ещё несколько вопросов, мол, как давно я знала дядю Вову, на что я ответила, что мы знакомы с детства. Не было ли у него врагов. Как близко мы были с ним знакомы. Кто мог желать ему смерти и т.д.

Слава Богу, с Владимиром Николаевичем близко мы знакомы не были, и ответить что-то внятное я так и не смогла. Затем я подписала несколько бумаг и примерно в половине второго ночи, наконец, переступила порог собственного дома.

Какой же изнурительный выдался вечер. Мне хотелось поскорее уснуть, чтоб забыть всё произошедшее со мной в последние шесть часов. Однако, поскольку днём я выпалась, то сейчас чувствовала себя весьма бодро.

Я включила ноутбук и поставила на плиту

чайник. Голова снова разболелась. Возможно, чашка ромашкового чая помогла бы успокоиться. Может, у меня ещё осталось немного мяты? Но увы. Открыв крышку жестяной банки, в которой ещё мама хранила успокоительные травы, я с досадой обнаружила, что на дне пусто. Ладно, будем перебиваться тем, что есть.

Бывают же такие дни, когда всё идёт наперекосяк. Этот, похоже, был одним из них. А точнее ночь.

Внезапно в соседней комнате раздался телефонный звонок. Кто бы это мог быть?

Пройдя из кухни к письменному столу, я не глядя взяла трубку.

-Алло.

-Что ты им рассказала? – низкий мужской голос напоминал медвежий рык.

-Кто это?

-Тот, кто придёт за тобой, если не будешь держать язык за зубами. Ты меня поняла?

От этих слов, услышанных в телефоне посреди ночи, меня бросило в холодный пот и начало трясти. Первое, что пришло мне на ум – мне звонит тот, кого я видела покинувшим дом Владимира Николаевича и, судя по всему, я была права.

-Я им ничего не сказала. Я вас даже не видела. – слова еле выдавливались из груди.

-Ты дураком меня считаешь? Я тебя спрашиваю, что ты сказала ментам? – голос был тяжёлый и суровый.

Будучи одной дома мне стало необычайно страшно. Такой беспомощной я не чувствовала себя даже тогда, когда мама выставляла меня без одежды в душевую и поливала холодной водой в наказание за непослушание.

-Я сказала, что видела, как вы вышли, после чего перепрыгнули через забор. Вот и всё. – я боялась разозлить собеседника на том конце провода, потому говорила правду.

-Если скажешь кому-то об этом разговоре – отправишься вслед за дядей Вовой. Ты поняла меня?

-Да, я вас поняла. – робко ответила я, едва не выронив телефон из дрожащих пальцев.

После этого связь прервалась и я судорожно бросила телефон на стол. Я не знала, что мне делать дальше, но желание спать теперь исчезло

окончательно.

Что ему нужно, и где он нашёл мой номер? Мысль о том, что мне только что звонил человек, пару часов назад убивший моего соседа, вызывала у меня тошноту. Неужели этот кошмар никогда не закончится?

Глава 3

Я проснулась примерно в полдень. Этим вечером мне снова заступать на смену, но проспав весь день у меня не было желания. Я не сразу вспомнила, что вчера было. Но стоило мне прокрутить в памяти того уroda в туалете, труп соседа с продырявленной шеей и звонок маньяка, после которого у меня разболелась голова и я сразу же вырубилась, как комок снова подступил к горлу. Надеюсь, того, что я ему сказала, для него будет достаточно. И всё же, кто этот психопат, решивший после всего мне позвонить?

Мне просто хотелось от всего этого отмыться. Я даже не буду рассказывать об этом звонке полиции. Пусть только все оставят меня в покое. Но не успела я зайти в душ, как в дверь постучали.

-Привет! – на пороге озарённо сияла Алёна.

Она всегда выглядела привлекательно. Одета с иголочки. Её медно-рыжие волосы блестели, словно напитанные солнцем. Ещё в школе она была красивой девочкой, и потому легко находила общий язык с мальчиками. Как, собственно, и сейчас.

Алёна – полная противоположность меня. Она не перебирает мужским вниманием, и после каждой встречи делится со мной впечатлениями об очередном кавалере. Честно, я не считаю данное поведение достойным девушки, но это её дело и не мне судить. Хотя, признаться честно, иногда я ей завидовала, как легко она может завести себе нового парня, лишь поманив пальчиком. И также легко от него избавиться. Об интимных подробностях её личной жизни, которыми она откровенно делится со мной, я предпочту промолчать.

Её визит немного поднял мне настроение, заставив позабыть о вчерашнем.

-Не разбудила?

-Нет, проходи. Тебе повезло, что я вчера ушла с работы пораньше, иначе сейчас я спала

бы и вряд ли открыла тебе.

-А ты разве не сегодня должна идти в ночь?

-И сегодня тоже. – у Алёны не самая лучшая память, потому она легко может позабыть о том, что ей говорила ещё час назад.

Подруга бросила сумочку на диван и плюхнулась рядом с ней.

-Что нового? – с ноткой наивности спросила она.

-Хорошего ничего, а у тебя?

-Да, тоже. Никакой свободы. Ни на море не съездила, ни куда-либо ещё. Вся в делах.

-И это мне ты будешь рассказывать? – я возмутилась её простодушием.

Вид у неё и в самом деле был утомлённый. Поэтому, я решила предложить ей чаю. Не ромашкового. Обычного чёрного.

Пока закипал чайник мы болтали о том да о сём. Я старалась делать вид, будто ничего особенного не произошло. Просто, зная любопытство Алёны, она не отстанет, пока не вытащит из меня все подробности. Однако, подробности некоторых событий мне бы хотелось поскорее забыть, не говоря уже об отсутствии желания произносить о них вслух.

Как только я поставила чашки с чаем на журнальный столик, в дверь снова постучали. От этого звука мне стало не по себе, но я, всё же, подошла. В конце концов, на этот раз я не одна.

-Добрый день. – на пороге я увидела менее лучезарного полицейского, с которым виделась этой ночью.

-Добрый день. Лейтенант Лесной, если не ошибаюсь. Правильно? – мне меньше всего хотелось сейчас давать Алёне повод для расспросов, а появление в моём доме полицейского этот план могло бы нарушить.

-Лисовой. Старший лейтенант. – он сделал особый акцент на слове «старший».

-Чем могу помочь?

-Я хотел бы с вами поговорить. Скажите, я могу войти?

Я глядела на него, ничего не отвечая. Впускать его в дом мне не особо хотелось по понятным причинам.

-Простите, я сейчас занята. Вы не могли бы

зайти немного попозже?

-Уверю вас, я не займу много времени. – в тот момент я почувствовала спиной, что сзади подошла моя любопытная подруга, и конспирироваться уже не было смысла.

-Хорошо, проходите. – я нехотя отступила в сторону, впустив его внутрь.

-Благодарю вас.

Крепкого телосложения офицер с широкими плечами и по-детски добрым лицом разулся и прошёл в гостиную. Я не могла не уловить хищный игривый взгляд подруги, приметившей молодого полицейского.

-Если вы кого-то ждёте – я обещаю, что не задержу вас надолго.

Мы с Алёной прошли в комнату вслед за ним.

-И чем же могу вам помочь на сей раз? – без особого энтузиазма спросила я.

-Как вы уже поняли, я здесь по поводу вашего соседа. Опрашиваю всех жильцов, кто может что-либо знать об убитом.

-Убитом? – вмешалась в разговор Алёна.

-Ну, да. О Владимире Николаевиче Хлебникове. – ответил помощник следователя.

Подруга вопрошающе перевела взгляд на меня.

-Я же вам вчера рассказала всё, что знала. – попыталась как можно скорее завершить данный разговор.

-Понимаю. Но, может быть, за ночь вы вспомнили что-нибудь ещё. Может, видели как к нему в последнее время заходил кто-то странный. Знаете, как бывает? Кажется, что вроде бы рассказал всё, а потом в памяти что-то, да и всплывёт.

-Вряд ли. Я только проснулась, потому в моей голове если б что-то и хотело – всё равно не всплыло б. – иронично ответила я.

-Скажите, а когда вы видели его в последний раз?

-Дядю Вову?

-Да.

-Так вчера и видела. Когда шла на работу.

-Вот как? Вы об этом не говорили. – старлей достал из кармана блокнот и стал что-то записывать.

-А что тут говорить? Я шла на работу, а он

подметал двор.

-И что он вам говорил?

-Да, ничего. Поздоровались и я пошла дальше. – мне не хотелось бы рассказывать о его нездоровом влечении к молодым сиротам, поскольку это повлекло бы за собой ряд малоприятных вопросов.

-Он не показался вам каким-то необычным?

-В каком плане? – настороженно переспросила я.

-Ну, знаете, может его что-нибудь беспокоило?

Я бы сказала, что его беспокоило. Хотя, казалось бы, в его возрасте о таком думать уже не принято.

-Да, нет. Он был обычным. Улыбнулся, поздоровался, и я пошла дальше.

-А в котором часу это было?

-Примерно в половине девятого. Может, немного позже. Мне на смену на 21:00.

-Значит, в половине девятого вечера он был ещё жив-здоров. Так?

-Насколько я видела, то да.

-Хорошо.

Я вопрошающе посмотрела на него.

-Значит, если верить вам, то его убили где-то между 20:30 и тем временем, когда нашли его вы.

-Наверное – машинально произнесла я.

-Скажите, а когда вы выходили из дому – на улице уже было темно?

-Да, вроде бы, солнце уже зашло, но не то, чтоб прямо темно. – мне было не совсем понятно, к чему этот вопрос.

-То есть уже смеркалось. Так?

-Ну, в принципе, да. А что?

-Да, нет. Ничего. – не нравилась мне эта его придирчивость к подробностям.

Я, конечно, понимаю, что работа у него такая – быть внимательным к мелочам. Но, мне было страшно, как бы он чего дурного не подумал, что это я убила соседа. Ну, или просто не повесил на меня это преступление. Ведь, я знаю, как работает наша полиция. Им главное закрыть дело, а не найти преступника. И важно не попасть к ним в участок. Иначе там будут

пытать так, что сознаешься в том, о чем и думать не могла.

-Что-нибудь ещё? – немного раздражённо спросила я.

Полицейский, заметив моё настроение, на секунду остановился, заострив на мне свой жгучий взгляд.

-Да, нет. Больше ничего. – удивлённо констатировал он.

-Простите, но я только проснулась и нам с подружкой нужно сделать много дел, перед работой.

-Вы сегодня вечером снова работаете? – он развернулся, выходя из гостиной.

-Да. На этот раз всю ночь и завтра буду весь день спать. – я намекнула, чтоб в ближайшие сутки он меня не тревожил.

-Понятно. Скажите, а могу я поговорить с этой вашей подружкой? Может быть, она что-нибудь видела? Она часто здесь бывает?

-Она здесь бывает крайне редко. – поторопилась резюмировать я, пока Алёне не взбрело в голову открыть рот.

Этим самым я намекала, что менту пора возвращаться восвояси.

Какой же нетактичный попался тип. Видит же, что у меня гости, и, тем не менее, ему нужно припереться и задавать свои полицейские вопросы. Сдох себе извращенец, да и чёрт с ним. Меньше будет руки распускать.

От подобной мысли мне стало стыдно перед собой. Не по-христиански это – так думать о покойных.

-Хорошо. И всё-таки, если вдруг что-нибудь вспомните, позвоните пожалуйста. – он всё же написал на листке свой номер телефона и, вырвав его из блокнота, положил на трюмо у входа.

Я вежливо поблагодарила гостя и практически закрыла за ним дверь, как моей подружке всё же потребовалось открыть свой рот.

-Скажите, офицер, а вы женаты?

На этот вопрос он резко развернулся и с всё той же детской улыбкой ответил:

-К счастью, да.

Я поспешила защёлкнуть замок. Убедившись через глазок, что он ушёл, я гневно устремила

взор на Алёну. Та, разумеется, поняла в чём дело, и, натянув улыбку, начала оправдываться.

-А что? Он симпатичный. И что значило это его «к счастью»? Он не знает, что теряет.

-Правда? Вот догони его и поговори с ним.

-Ну, нет уж. Теперь я хочу поговорить с тобой. Что здесь у вас произошло?

-Ничего особенного. – завершила её я, взяв свою чашку чая и усевшись на диван.

-Ничего особенного? То есть, убийство, по твоему, это в норме вещей? Не знала, что у вас тут такой криминальный район.

-Успокойся. Знала бы ты, кого убили.

-А кого?

-Дядю Вову – моего соседа. – я показала пальцем в сторону соседнего дома.

-А-а-а. Тот пожилой извращенец, что лапал тебя за попу?

-Ой, не напоминай.

-Нет, ну, конечно, был у меня однажды один партнёр, примерно его возраста. Но он меня так...

-Алёна! – перебила её я, не желая слушать интимные подробности её вкусовых предпочтений.

-Да уж. Ну, найди его убийцу и поставь ему магарыч.

От этих слов я подавилась горячим напитком. Мне снова вспомнился тот человек в чёрном капюшоне и его звонок с угрозами. Я едва не проронила чашку, поскольку пальцы мои снова налились свинцом.

Вечером я пришла на работу. Арсен из вежливости спросил, всё ли у меня хорошо, и я ответила, что ему не о чем беспокоиться. Однако, сегодня я оделась более скромно, чтоб лишний раз не провоцировать местную пьянь. Возможно, вчерашний тип спутал меня с одной из ночных бабочек, которые заходят сюда на кофе? И если б я подождала ещё немного, то заработала б денег.

Не очень смешная шутка. Тем не менее, Арсен ничего не сказал о том, что я пришла в длинной юбке. В четверг народу было мало, и я почти не напрягалась. По крайней мере, по сравнению с выходными. Но завтра пятница и, чувствую, мне придётся несладко.

-Конфеточка, подойди ко мне! – и всё-таки какая-то красная рожа пялилась на меня из-за столика, пуская слюни.

-Слушаю вас. – взяв на предплечье поднос, я подошла к клиенту, каким бы он ни был.

-Слушай-слушай, моя маленькая. – мне безумно хотелось зарядить подносом по его свиному рылу, особенно за этот озабоченный взгляд, которым он буквально лапал мою грудь.

-Что будете заказывать? – как бы я не старалась, улыбку изобразить мне не удавалось.

-Я хочу заказать тебя, моя сладенькая. – его пузо упиралось в стол, наклоняя его вперёд.

Его потное красное шарообразное лицо без чётких границ переходило в туловище, а далее в живот. Мерзкая жидкая щетина, особенно эти усики. Ненавижу свою работу и ненавижу это заведение в целом.

-Простите, за этим на соседнюю улицу. Здесь только алкоголь и закуска.

-Да, брось. – и его «колбаса» с пятью сосисками потянулась к моей пятой точке.

-Руки убери! – скомандовала я.

-Ты как разговариваешь? – всё таким же извращенским тоном продолжил он. – Я твой клиент! А клиент всегда прав!

-Вы заплатили лишь за вино и шашлык. – я не подумала, чего эта фраза может мне стоить.

-Так ты денег хочешь? Я заплачу! Иди ко мне! – он схватил меня за руку и потащил к себе на колени, от чего я стала громко кричать и требовать меня отпустить.

Разумеется, на мой зов прибежал Арсен, примерно с таким же грозным видом, как и вчера.

-Слушай, мужик, тебе проблемы нужны? – темпераментный армянин стал размахивать перед ним руками.

-Да ты знаешь, кто я такой?

-Шакал ты! Вот ты кто! Зачем девушку трогаешь?

-Чё?...

Далее был длинный разговор с измерением длины носов и хвастаньем связями. Однако, закончилось всё тем, что толстяк бросил на стол мятые купюры и ушёл шаткой походкой вон из кафе. После этого был ещё примерно час

относительной тишины. Я сделала себе чай и о чём-то задумалась, глядя в окно, как со стороны автовокзала на мост въезжают автобусы.

-Девушка, простите, можно вас? – услышала я в полупустом зале.

Ноги уже были ватные и жутко отекли. Но всё же, я подошла на зов так быстро, как только могла.

-Здравствуйте, что будете заказывать? – глаза в полумраке болели, но я всё равно перелистнула страницу блокнота и приготовилась записывать.

-Добрый вечер, Екатерина. – неожиданно послышался мягкий бархатный голос, на который я тут же перевела взгляд.

Передо мной сидел молодой парень, примерно моего возраста и довольно симпатичный.

-Ты, наверное, не помнишь меня. Я Анатолий. Мы учились в параллельных классах.

«Не может быть!» – пронеслось у меня в голове. Толик? Тот самый, в которого я была влюблена в средних классах? Вот так встреча. И как его занесло в эту бедегу, да ещё и одного? Может быть ждёт кого-то? Возможно, девушку. Я не стала выплёскивать все эмоции, которые роились сейчас во мне, а постаралась отреагировать как можно более сдержанно.

-Ах, да. Анатолий. Что-то такое припоминаю.

-Мы не общались, но мне запомнилось что ты пыталась положить мне записку в рюкзак на Рождество.

-Это был День святого Валентина. – зачем-то лягнула я, чем себя однозначно скомпрометировала.

-Да. Точно. Всё хотел спросить, а что было написано в той записке?

-Ой, я уже не помню. Так давно это было. – да, я знаю, что из меня плохая врунья, потому как я помню каждую строчку своего признания в подростковой любви.

-Жаль. Я потом долго ломал голову, но стеснялся подойти и спросить.

Его слова вгоняли меня в краску, заставляя краснеть как помидор и нелепо улыбаться.

-Как у тебя дела? – поинтересовался Толик.

-Да, потихоньку, вот. Пытаюсь начать новую жизнь, но пока не совсем удачно, как видишь.

-Новую жизнь? А что же произошло со старой?

-Рухнула. Осыпалась, как осенние листья с дерева, и я, наконец, почувствовала себя свободной. Свободной и беззащитной перед этим жестоким и беспощадным миром. – я не заметила, как начала нести бред, поэтому тут же собралась, ибо не хотелось спугнуть предмет моих юношеских обожаний во второй раз.

-Что ж. Понимаю. Сам недавно начал новую жизнь.

-Правда?

-Да. Вернулся с Испании.

-Испания? Всю жизнь мечтаю там побывать. Моя детская фантазия.

-Серьёзно?

-Да. Мне всегда нравилось рассматривать фотографии Барселоны. Особенно Храм Святого Семейства.

-Да. Видел живую. Жутковатое произведение архитектуры.

-Готика же. – с видом знатока отметила я.

Мне нравилось в детстве интересоваться Испанией. Даже одно время пыталась учить язык, однако всё, что помню на сегодняшний день – это «куанто ле дебо», и то, потому что услышала недавно, как это спрашивал какой-то посетитель, кажется, родом из Аргентины.

-Катя! Что ты там стоишь? Нужно вытереть столы после тех посетителей! – за спиной раздался по-отцовски суровый голос Арсена.

-Иду! – ответила владельцу я. – Ты будешь что-нибудь заказывать? А то, сам понимаешь, работа.

-Ах. Да нет, я уже собирался уходить. Зашёл потому что увидел в окно знакомое лицо.

Боже, как это приятно. Парень, случайно увидев девушку, с которой учился в одной школе, но никогда не разговаривал, вдруг решил зайти и заговорить с ней. И пусть бросит в меня камень тот, кто скажет, что это ничего не значит.

-Ох. Понимаю. Ну, в таком случае, спасибо, что зашёл. – я стояла перед ним, словно застенчивая школьница, не готовая к уроку, но не желающая получить двойку.

-Может, мы как-нибудь встретимся? Я бы рассказал тебе об Испании.

-Правда? – меня разрывало, нет, меня «распирало» от счастья. – Можно.

-Когда ты хочешь?

-Давай завтра. – и мне было всё равно, что я буду уставшая после ночной смены.

-Хорошо. Оставь мне свой номер.

-Сейчас.

Я быстренько накалякала на листке бумаги свой телефон и, вырвав из блокнота, шлёпнула перед ним на стол.

-Хорошо. Тогда хорошей смены. Увидимся завтра.

-Сегодня. – подметила я.

-В смысле?

-Уже 00:01. Так что увидимся сегодня. – я показала глазами на часы, висящие у входа.

-Точно. – он рассмеялся.

Его улыбка – то, за что я полюбила его в школе. Он почти не изменился. Его чёрные волосы и голубые глаза. И всё-таки, счастье существует. Я постоянно проклинала судьбу, спрашивая, за что мне все эти мучения, однако теперь поняла, что всё это было не напрасно, ибо каждому воздастся по заслугам. Попрощавшись с Толиком, я едва ли не вприпрыжку пошагала к стойке, чтоб взять тряпку.

Выверев столы, на которые указал Арсен, я зашла в комнатку, где стоял диван. Обычно мы здесь переодеваемся, либо спим, когда выдаётся свободная минутка. Но спать мне сейчас вовсе не хотелось, ибо меня переполняла бодрость от мысли, что у меня этим вечером будет свидание. Настоящее свидание. Да ещё и не с кем-нибудь, а с парнем, который мне нравится с детства.

Мама запрещала мне ходить на свидания, в то время как мои сверстницы ходили с мальчиками в кино или просто ели пиццу. Но теперь мне ничего не помешает быть счастливой.

И в этот момент у меня неожиданно раздался звонок. Неужели Толя решил мне так быстро перезвонить?

-Алло! – не сводя улыбки с лица, ответила я.

-Привет! – в трубке послышался уже знакомый мне низкий жёсткий голос.

От радости не осталось и следа.

-Что вам нужно? – настороженно произнесла я, ведь, казалось бы, мы уже всё выяснили.

-Ну-ну, зачем же так грубо? – похоже, что он играл со мной. – Или думаешь, что если завела себе кавалера, то можно вести себя с незнакомцами по-хамски?

Сказать, что меня пробрал холод – это ничего не сказать. Этот липкий страх обволакивал меня, словно зыбучий песок тонущего в нём путника.

-Зачем вы следите за мной? Я же сказала, что никому ничего не скажу.

-Что хотел тот мент, который заходил к тебе днём?

-Вот возьмите, и спросите у него! – не выдержав, крикнула я.

-Ты, девочка, похоже, ещё не поняла, с кем ты разговариваешь.

-Вы скажете, что вам нужно, или нет? – у меня началась паника от разговора с человеком, который, мало того, что убил моего соседа, так ещё теперь и следит за мной.

-Тебе от меня не сбежать и не спрятаться. Ты будешь моей, и я тебя никому не отдам. Слышишь?

Я не видела резона продолжать этот бессмысленный разговор, но, похоже, он это каким-то образом почувствовал.

-Не вздумай вешать трубку!

-А то что будет? Убьёшь меня, как того старого извращенца?

-Старого извращенца? – голос залился не менее жутким пронизывающим смехом.

-Я ещё раз вам говорю. Я ничего не скажу ни о вас, ни о ваших звонках. Просто оставьте меня в покое, и я о вас никогда не вспомню.

-Загляни в сумочку. – неожиданно произнёс он.

-Что?

-В свою сумочку – загляни!

Я, глядя по сторонам, поднялась с дивана и подошла к вешалке, где висела моя сумка.

-Что в ней? – продолжала разговор с ним.

-Загляни и увидишь.

Мне было страшно от неизвестности, что мог подбросить туда этот маньяк. Однако, единственное, что я там нашла – это какое-то отбитое горлышко бутылки. Обычной бутылки из-под вина или шампанского. Из тёмного

стекла.

-Что это? – спросила я у собеседника в телефоне.

-А теперь выйди на улицу. Через задний вход.

-Зачем?

-Выйди, говорю. Не бойся. Меня там нет. – он снова будто бы читал опасения в моей голове.

Послушав его, я очутилась в переулке, где тускло светил жёлтый фонарь.

-Подойди к мусорному баку.

Меня трясло от этого приключения. Что нужно было этому психопату и в какие игры он со мной играет? Но на всякий случай я выполняла всё, что он говорил. Ведь если б он хотел меня убить, то уже б давно это сделал и без всяких представлений.

-Что дальше? – спросила я, приблизившись к эльфатору.-Открывай!

На этот раз я не задавала никаких вопросов, а просто отодвинула крышку. От того, что я там увидела, меня едва не стошнило на месте.

-Что это? – спросила я у него.

-Не что, а кто. Ну, хотя, может ты и права. Приглядишься-ка.

Под кровавыми потёками в свете тусклого фонаря я узнала это круглое и всё ещё красное лицо с жидкой щетиной.

-Это ж ведь он приставал сегодня к тебе? Пытался усадить к себе на колени и облапать.

-Что ты с ним сделал?

-Когда он вышел из кафе и направился в закоулок, встав там помочиться, ибо повадки у него явно не аристократические, то получил удар бутылкой по голове, от чего упал на землю. Благо бутылки от шампанского крепкие и их хватает ещё на несколько контрольных ударов, пока жертва не крикнет. И знаешь, что самое интересное?

-Горлышко от этой бутылки оказалось в моей сумке. – произнесла неутешительное умозаключение.

-Умничка. И ты уже хорошо потрогала осколок, оставив там свои отпечатки.

-Но я его сейчас выброшу, и дело с концами. – самоуверенно произнесла я.

-Может и так, однако, позволь рассказать тебе кое-что интересное. Как тебе, наверное,

уже известно, орудие, которым завалили твоего соседа, всё ещё не найдено. А теперь представь, где оно может «случайно» оказаться, при том, в весьма неподходящий момент. Улавливаешь?

-Ты урод! – мне не хватало эмоций, чтоб подобрать нужные слова.

-Ну-ну-ну, спокойнее. Поэтому я спрашиваю, что говорил тот мент? Ведь однажды зайдя, он может обнаружить нож в твоём доме на видном месте. И даже, возможно, со следами крови.

-Чего ты хочешь?

-Хочу, чтоб ты была хорошей девочкой и не расстраивала меня. А то когда я расстраиваюсь – это может о-о-очень плохо закончиться.

Глава 4

Громкий стук в дверь прервал мой сон примерно в час дня. В принципе, я почти не спала, ибо после того, что было ночью, сомкнуть глаза было трудно, и если б не усталость, то я б так и не вырубилась. На пороге нарисовались оба моих новых знакомых.

-Добрый день, Екатерина. – с серьёзным видом поприветствовала меня капитан Михайлова.

-Здравствуйте. Принесли какие-то новости по поводу дяди Вовы?

-Не совсем.

А я будто не знаю, почему они здесь. Ведь я оставила труп лежать в мусорном баке возле кафе, искренне надеясь, что его никто не обнаружит. По крайней мере, пока я не закончу смену. Сообщи я об этом в полицию – тот маньяк мне бы непременно отомстил, поэтому мне пришлось сыграть по его правилам. Однако, всю оставшуюся ночь, после того, как смирилась с положением дел, я рассуждала, как мне поступать дальше. Я ожидала, что труп рано или поздно найдут, и я в таком случае ничего не видела и ничего не знаю. Пришёл, нажрался, поругался, ушёл. Да, приставал, да был конфликт, куда дальше пошёл – не знаю. Он мудак и мало ли от кого мог получить по голове.

Хотя, стоп! Откуда я могу знать, что ударили его именно по голове? Я вообще ничего о нём не знаю, и если меня спросят – я должна изобразить гримасу на подобии: «Какой ужас!»

Это я, собственно говоря, и сделала, когда получила от них ожидаемую информацию.

-Какой труп? – я как могла изображала удивление.

-Вот этот. Не узнаете его?

На это я делала вид, будто внимательно вглядываюсь в фото на экране смартфона старшего лейтенанта. Конечно, я узнала этого хряка, но виду подавать было нельзя.

-Нет. Не узнаю.

-Посмотрите повнимательнее. Он до этого был в вашем кафе.

-В нашем кафе много кто бывает. Не могу ж я всех запомнить.

-Вы уверены? Дело в том, что у вас с ним, как говорят свидетели, был конфликт. – Лисовой всё ещё держал смартфон передо мной.

-Ааа, да. Теперь припоминаю. Да, был у нас этот кадр. – после этих слов полицейский наконец спрятал гаджет в карман.

-Как это произошло?

-Простите. Просто за смену иногда столько таких как он попадается, что всех и не упомнишь. Да как произошло? Никак. Как обычно. Нажрался и стал приставать, пока Арсен не прибежал. А кто это его так? Где вы его нашли?

Я искренне надеюсь, что играю убедительно. Пока что, вроде бы, никак себя не скомпрометировала, но кто знает, что покажется подозрительным этим ищэйкам.

-В эльфаторе возле вашего кафе. Поэтому, собственно, мы и пришли к вам. Плюс я вспомнил, как вы планировали заступать на смену в эту ночь, ну, а дальше, сами знаете.

-Возле кафе? Кошмар. Только вот я вам ничем помочь не смогу. Я всю ночь не выходила на улицу, потому, ничего не видела.

-Расскажите, что вы делали после его ухода?

-Я? – снова актриса изображала удивление. – Да ничего особенного, вроде бы. Работала. Протирала столы, приносила заказы. Что ещё может делать официантка в баре?

-Скажите, а к вам не заходил никто подозрительный? Может, заметили кого.

-Нет. Может и заходил, но я не заметила. К нам разный народ заходит. Если так

вглядываться в каждого, то кого там только не встретишь. А в целом, они все мне на одно лицо. Даже этого, как видите, я не сразу узнала.

После этого его вопроса, честно признаться, я задумалась. А ведь заходил же Толик. Он, конечно, не похож на уголовника. Даже наоборот, довольно симпатичный. Но, как-то странно он зашёл. Сколько лет не появлялся, а тут случайно заметил меня в окне и решил навестить. Но о нём я им рассказывать не буду. Сама проверю и попытаюсь вывести на чистую воду.

-Интересно получается, Екатерина. Уже вторая смерть вокруг вас. – как бы невзначай промолвила Кира Валентиновна.

-Это вы к чему? – настороженно спросила я. – Что вы хотите этим сказать?

-Я ничего не хочу сказать. Просто констатирую факт.

На последнем слове она снова обожгла меня своими янтарными глазами.

-Я никого не убивала! – мне надумалось изобразить абсолютную наивность.

-Никто сейчас и не сказал, что вы кого-то убивали. – оправдался помощник следовательницы.

На этой ноте я решила, что мне лучше замолчать, чтоб не взболтнуть чего-нибудь лишнего. Голова снова разболелась. Плюс, в ней стали проноситься неприятные воспоминания из прошлого.

-Что с вами? – из вежливости спросил Лисовой, заметив, как я взялась рукой за лоб.

-Голова. – пожаловалась я, присев на диван.

По вискам словно били молотом. Плюс, затылок немел.

-У вас есть обезболивающее? – поинтересовалась следовательница.

-Нет. Нужно сходить в аптеку.

-Вот. Возьмите. – она протянула мне блистер с ибупрофеном. – У самой частые головные боли. Берите.

Я взяла таблетку на ладонь и проследовала на кухню, дабы набрать в стакан воды. Правоохранители остались ждать в гостиной. Ах, как же раскалывалась башка. Эти боли мучают меня с детства. Но, поскольку, моей маме было всегда на меня наплевать, то к врачу

мы никогда не обращались. Мать сама меня лечила. Но не медикаментозно. По-народному. Она говорила, что все эти лекарства – отравы и химия, поэтому во время головной боли прикладывала к моему лбу мокрую тряпочку. Помогало через раз. Если быть точнее, через раз так пятый, а то и десятый. В старших классах я уже покупала втайне от неё парацетамол, чтоб бороться с этими болями. Она тогда ещё говорила: «Видишь! А ты спорила, что мои примочки не помогают.» Я на это лишь кивала. Господи, какое же никчёмное у меня было детство.

Когда я вернулась, Лисовой сидел на диване и рассматривал какую-то старую газету, которую, судя по всему, взял с журнального столика, потому как, в моём присутствии он сложил её и бросил туда.

-Лучше? – спросила Михайлова.

-Так себе.- в висках всё ещё ощущалась пульсация.

-По поводу вашего соседа – скажите, вы точно ничего там не трогали?

-Не знаю. – засомневалась я. – Я уже ничего не знаю.

-Понимаю, что просить вас сейчас вспомнить что-либо бессмысленно, но всё же, постарайтесь подумать и перезвонить нам. Это очень важно. – офицеры поднялись с дивана и направились к выходу.

-Простите. А вы так и не нашли, чем его убили? – моё любопытство всё-таки вырвалось наружу.

Кира Валентиновна настороженно обернулась.

-Кого?

-Дядю Вову.

-Нет, пока не нашли. А что? – похоже, я всё-таки привлекла её внимание.

-Да, нет. Ничего. Просто тогда этот ваш эксперт сказал, что орудие убийства не обнаружили. И мне почему-то пришло в голову спросить.

-Послушайте. Если вы владеете какой-то информацией, которая может помочь следствию – не молчите.

Я лишь взволнованно вздохнула.

-Нет. Мне нечего добавить. Правда. Если

я что-нибудь вспомню, или замечу – я вас обязательно наберу. – заверила их я, но спинным мозгом чуяла, что была ничерта не убедительна.

-Хорошо, Екатерина. Если что-то вспомните о Владимире, или о трупе в мусорном баке – дайте нам знать.

Полицейские вышли. Я ждала, что после их визита снова позвонит этот ненормальный и спросит, что я им сказала. Я более, чем уверена, что он следит за мной, потому подошла к занавеске и стала рассматривать улицу сквозь щель. Но там никого не было.

Может, стоило им всё-таки рассказать об этих звонках? Они пробили б его по номеру и задержали. Ведь в самом деле. Если б он был такой всемогущий, как он говорит, то не просил бы меня никому о нём не рассказывать. Значит, он явно боится, и поэтому запугивает меня.

Внезапно телефон всё-таки зазвонил. Я уже морально подготовилась к неприятному разговору, поэтому, не спеша взяла трубку, не считая нужным с ним церемониться.

-Что ты хочешь?

-Алло, Катя? – я услышала приятный молодой голос.

-Кто это?

-Это Толя. Ты оставила мне свой номер вчера.

-А, Толя, привет! – в груди моей запорхали бабочки.

-Так понимаю, я не вовремя?

-Нет нет. Не бери в голову. Это я так. Надоели, просто, со своими предложениями кредитов.

-А-а-а. Понимаю. Скажи, ты не будешь сегодня занята часов в 6 вечера?

-Нет. Я всё твоя. Ну, в смысле, в твоём распоряжении. Ой. Ну, ты понял. – я просто не умела вести себя кроме как по-дурацки, за что мне было очень стыдно.

-Хорошо. Я хотел бы пригласить тебя в пиццерию на Хмельницкого.

-О, с удовольствием. Давно не ходила в приличные заведения.

-Но ты ж в нём работаешь.

На это я лишь саркастично рассмеялась. Знал бы он, какие кадры туда заходят – так не говорил бы.

Мы договорились о встрече, и теперь передо мной стояла самая сложная задача в мире. Что одеть? Благодаря маме, я никогда не ходила на свидания и не знала, как на нём нужно выглядеть. Однако, что-то мне подсказывало, что тот наряд, в котором я раньше ходила на работу – не самый лучший вариант. Только сейчас я заметила, что у меня фактически нет нормальных вещей. Ведь я никуда не хожу. Не посещаю праздники и просто публичные места.

Краситься? Или лучше не надо? Потому как с этим я тоже особо не дружу. Ох, как же всё сложно. Жила себе обычной затворнической жизнью, а тут на тебе. Надо появиться этому Толику. Правда, сходить с ним однозначно стоит, хотя бы для того, чтоб попытаться проверить, не он ли убил моего соседа и того мужика, и теперь звонит мне с угрозами. К сожалению, в подобное счастье, просто так свалившееся мне на голову, я не верю.

В 18:00 как штык я была у пиццерии. Где же он ходит? Может, уже внутри? Открыв дверь, я тут же почувствовала аппетитный запах выпечки. Пройдя несколько столов, я тут же заметила его, махающего мне рукой.

-Присаживайся. – он по-джентельменски подвинул мне стул и я уместилась.

Он был ещё симпатичнее, чем вчера. Его улыбка озаряла всё вокруг, а взгляд... Я просто таяла, когда он на меня смотрел. Ну, нет. Не может человек с такой улыбкой быть убийцей. Я в это просто не верю. А даже если и так, и мне суждено погибнуть от лезвия ножа, то пусть лучше его всадит такой симпатичный маньяк как Толик.

-Что будете заказывать? – спросила тут же подбежавшая официантка.

Я вопрошающе перевела взгляд на него.

-Выбирай ты. – предложил он.

Ну, какой порядочный мужчина свалит столь сложное решение на плечи девушки?

-Ой, я даже и не знаю. А что вы посоветуете?

-Смотря, что вы любите. Есть с грибами. Есть вегетарианская, четыре мяса. Есть Маргарита.

От выбора разбегались глаза. Честно, я никогда не пробовала пиццу, а только слышала о том, как её ели одноклассники.

-Давайте ту, где побольше мяса.

-Вот эту? – она указала пальцем на какую-то из них.

-Да, давайте её. Так? – спросила я у Толи и он одобрительно кивнул.

-Хорошо. Кстати, у нас действует акция, с 18:00 по 21:00 вторая пицца в подарок.

-Правда? Вот здорово. Так вот, почему ты пригласил меня на 6 часов?

-Что, простите? – переспросила официантка.

-Это я не вам. Несите! – и девушка удалилась.

Я была довольна как слон. Попробовать пиццу в компании Анатолия. Что может быть лучше? Анатолий начал рассказывать, как ел пиццу в Испании, а я внимательно слушала. Он посетовал, что там это блюдо намного вкуснее, чем здесь. Ведь всё-таки, это же её родина. Мы уплетали кусок за куском, разговаривая и смеясь. Мне нравилось проводить с ним время. Впервые я чувствовала себя настоящей женщиной.

-Простите, девушка. – внезапно наш разговор прервал подошедший к столику мужчина с бейджем.

-Что? – отвлеклась я.

-Пожалуйста, покиньте наше заведение.

-В смысле?

Моему удивлению не было предела. Кто это и что ему надо?

-Почему это мы должны уходить?

-Прошу вас. Давайте без скандала. Просто покиньте и всё. – незнакомец настаивал на своём.

-Вам не нравится, что мы с парнем громко разговариваем? Извините, мы будем вести себя тише.

-Пожалуйста. Не нужно. Просто выйдите.

Переглянувшись с Толиком мы встали из-за стола. Нам обоим было непонятно, почему сотрудник пиццерии просит нас выйти. Однако, мы уже привлекли взгляды других посетителей, смотрящий на нас, как на прокаженных. Может, их смутил мой наряд? Или здесь собрались какие-то снобы? Я была, мягко говоря, в шоке от этого всего. Но, тем не менее, расплатившись, мы вышли на улицу.

-Что это было? – спросила я у него.

-Понятия не имею. Первый раз такое вижу. –

также возмутился Толя.

-Что за бедега?

Вечер был, по меньшей мере, испорчен. Они тут со всеми пришедшими впервые так обходятся? Может, я чего-то не знаю?

Неожиданно в кармане джинсов зазвонил телефон.

-Алло.

-Что, конфеточка, не удалось поворковать с хахалем? – низкий противный голос злорадно ехидничал.

-Так это твоих рук дело? – не понимая, что происходит, спросила я.

-А хочешь, я его у тебя отниму? Хоть сегодня.

-Что тебе нужно? – я кричала так, что, казалось, слышала вся улица.

-Я тебе сказал, что ты будешь только моей. И если не хочешь, чтоб с твоим Толиком что-то случилось, то отшей его прямо сейчас! Скажи, что ты его не любишь, и что у вас с ним ничего не будет. Поняла?

-Да, как ты смеешь мне указывать, что мне делать? Я звоню в полицию!

-Только попробуй! И они сами приедут к тебе и увезут на пару лет. Как ты думаешь, где я сейчас нахожусь?

Я застыла на месте. Рот словно налился раскалённым железом. Меня с ног до головы пронизывали иголки и пробирал холодный пот.

-Ты урод!

-Со смерти твоей мамы мало что здесь изменилось. Та же мебель. Та же кровать, на которой спала когда-то маленькая девочка. Теперь она уже взрослая женщина и думает, что может безнаказанно гулять по забегаловкам со взрослыми мужчинами.

-Оставь меня в покое! – вопила я сквозь слёзы. – Что тебе нужно?

-Я тебе сказал. Сейчас ты прощаешься со своим ухажёром и больше никогда не видишься. Иначе я приду и убью его! Всё ясно?

Он сбросил вызов. Некогда симпатичное лицо Анатолия через призму слёз выглядело расплывчато. Я не могла ему ничего сказать. Он попытался протянуть ко мне руки, чтоб утешить, но я сделала шаг назад. Я не могла позволить, чтоб это животное сделало что-то с человеком,

который мне не безразличен.

-Прости, мне нужно идти! – опустив глаза, я попыталась обойти его.

-Постой. Что случилось? Давай я тебя проведу!

-Нет! Не нужно. Пожалуйста. Я дойду сама.

-Но, Катя! – он в недоумении глядел на меня, пытаясь всячески выяснить, что происходит.

-Я должна идти. Прости. Спасибо тебе за вечер. Не звони мне больше. – в груди моей всё сжималось, и я быстрыми шагами потопала прочь, оставив его за спиной.

-Это из-за пиццерии? Катя! Куда ты?

Если честно, идти быстро было тяжело из-за полного желудка. Не смотря на то, что, казалось бы, я съела всего пару кусочков. Что за неделя? Что ни день – то нервы и слёзы. Домой идти я не спешила, учитывая, что могу там наткнуться на этого извращенца. Но с любимым я тоже оставаться не могла, дабы не мучить его и себя. Прости меня, Толя. Я этого не хотела. Просто так получилось...

Глава 5

У порога калитки я чудесным образом встретила с Алёной. Та будто чувствовала, что дома мне будет страшно находиться одной, и пришла ко мне поболтать, захватив бутылку вина. А может это она мне названивает и угрожает? Может она сама положила глаз на Толика и хочет отбить его у меня в такой способ? Но вот одна загвоздка. Алёну я знаю дано и она мне как сестра, которой у меня никогда не было. А ещё она имеет привычку появляться в моей жизни в нужный момент: когда мне одиноко, когда мне нужно выговориться. В школьные годы я могла ей свободно пожаловаться на очередной скандал с мамой и показать ссадины от побоев, а самое главное – я не боялась, что она побежит и всем расскажет об этом, спровоцировав тем самым кучу советов и волокиты.

-Я взяла Дойбанское, как ты любишь.

-Подожди здесь. – сказала ей я, отворяя дверь.

Странно. Замок был заперт. Неужели у него есть свой ключ? Или, может, он блефовал, когда намекал, что находится у меня дома. Окна тоже закрыты. Алёна всё это время, пока я

обходила дом, стояла в недоумении на пороге и наблюдала, как я хожу из комнаты в комнату. Мне было страшно, что сейчас из-за очередного угла на меня выскочит этот ненормальный и зарежет меня.

-Заходи! – пригласила её, убедившись, что в доме безопасно.

-Что случилось? Где ты была? – её широко раскрытые глаза смотрели не меня с удивлением.

-На свидании. – саркастично бросила я, присев на диван в гостиной и взялась ладонью за начавшую болеть голову.

-Серьёзно? На свидании? Или ты шутишь?

-Нет, Алёна, не шучу. На самом первом в своей жизни и самом отвратительном свидании.

-Что произошло? Кто он? Он стал приставать к тебе?

-Нет. Не в том дело.

-А в чём? Расскажи! – и тут я поняла, какую ошибку совершила.

Зная брод любопытства Алёны, я случайно сунулась в воду, и теперь попала по самые уши. Теперь она так просто от меня не отстанет, пока не услышит то, что хочет.

Я, игнорируя её вопросы, прошла на кухню за бокалами и штопором. Может, от глотка полусладкого мне станет легче.

Я думала, что там где я работаю – вонючая забегаловка, а оказалось, в нашем городе есть и похуже. – постепенно начала утолять информационный аппетит подруги.

-И он пригласил тебя туда? Кто он?

-Для него это было таким же шоком, как и для меня.

-Он красивый? Богатый? – Алёна целенаправленно пыталась узнать, кто же мой возлюбленный.

-Какая разница? Мы всё равно с ним больше никогда не увидимся.

-Но почему? Что с ним не так?

-Дело не в нём. – к горлу подступал камень, когда я думала об этом.

-А в чём?

-Не важно. – мне не хотелось впутывать её в это.

-Катя! Ты моя подруга, или кто?

Я поняла, что мне не отвертеться. Плюс, мне было б спокойно, чтоб ещё кто-то об этом знал, и тогда, если со мной что-либо случится – чтоб было кому рассказать всё полиции. Поэтому, я поведала ей всё. И про дядю Вову, про полицию, про труп того извращенца в мусорном баке, и разумеется, про звонки того маньяка, и почему я больше не могу видиться с Толиком.

-Серьёзно? Толик? Ты ж обожала его с пятого класса. – похоже, это единственное, что беспокоило Алёну во всей этой истории.

-Ты серьёзно? Я тебе рассказала только что про два убийства и про звонки с угрозами, а тебя беспокоит, с кем я ходила на свидание?

Ну, да, логично. Кто о чём, а вшивый о бане. Её-то не каждый день преследуют убийцы, а вот хахалей она меняет, пожалуй, чаще, чем я носки.

Неожиданно я услышала звонок лежащего на столике телефона. Мне стало не по себе, и на спине выступил холодный противный пот. Хотя бы это был Толя.

-Похоже, кто-то не умеет держать рот на замке. Что ж. В таком случае, он должен за это заплатить. – низкий, почти хриплый голос был явно рассержен.

-Кто это? – спросила сидящая рядом Алёна.

-Это он.

-Маньяк? – как это она не подумала про Толю, аж удивительно.

-Да.

-Не бойся. Я же с тобой.

Неожиданно на кухне раздался звон разбитого стекла и послышались шаги. Я громко закричала, но не знала, что делать в этот момент, потому взяла в руку бутылку за горлышко. В проёме через несколько секунд появился силуэт всё в том же чёрном балахоне с наброшенным на голову капюшоном. Лица в полумраке видно не было, но он тут же направился к нам.

Неожиданно на него набросилась моя лучшая подруга. Она попыталась ударить его, но он лишь перехватил её руку и завёл за спину. Далее творился какой-то кошмар.

Нападавший достал нож и вонзил его в шею Алёны. Она, кажется, не успела ничего сообразить. Её глаза вмиг остекленели и девушка, жадно пытаясь глотать воздух,

упала на пол. Я наблюдала за этим, словно за фильмом ужасов. Секунды казались вечностью. Не придумав ничего лучше, я метнула в него бутылку, однако сосуд лишь пролетел мимо, разбившись о стену позади.

Тогда я решила схватить телефон, чтоб вызвать полицию, но убийца, кажется, прочёл мои мысли и бросился за ним первым. Он схватил смартфон и гневно бросил об пол, наступив на него ногой. При том, сделал это несколько раз, пока из гаджета не получилось стеклянно-пластиковое месиво.

Забившись в угол, я не могла произнести ни слова. И снова это сковывающее ощущение беспомощности. Примерно то же я чувствовала, когда мама расходилась не на шутку и брала в руки какой-то предмет, чтоб избить им меня. Это могло быть что угодно: стальная кочерга, швабра, ремень, половник. И тогда я ощущала лишь одно – сейчас будет больно. Боль можно было ощутить где попало: лоб, рёбра, пальцы. Он била меня не глядя. Просто старалась уничтожить. Физически и морально. Я до сих пор искренне не понимаю двух вещей. Во-первых: за что она меня так ненавидела? А во-вторых: как она меня таким образом не убила?

Вот и сейчас я просто не знала, что ожидать, потому готовилась к самому худшему. Дождавшись, пока он растопчет мобильный, я попрощалась с жизнью, но внезапно, он просто посмотрел на меня и ушёл. Лица его я так и не видела. Он даже ничего не сказал на прощание.

Подождав минуты две, я встала с дивана, на котором пережидала бурю. На полу лежало бездыханное тело Алёны, а рядом с ней блестяли осколки разбившейся бутылки. Не долго думая, я выбежала на улицу в поисках телефона, дабы вызвать наконец помощь.

-Простите, можете дать мне свой телефон? Мне нужно вызвать полицию! – спросила я у гуляющей с ребёнком молодой пары.

Набрав 102 я назвала адрес, сообщив об убийстве, а также попросила, чтоб на место приехала капитан Михайлова.

Глава 6

У двери в колонну выстроились бойцы ТОРа, которую замыкал старший лейтенант Лисовой. Открыв дверь, полицейские ввалились

в дом, зачищая каждую комнату. Мы с Кирой Валентиновной наблюдали за этим с улицы.

-Так, куда, говорите, он вошёл?

-Через окно кухни. Это с той стороны дома. – я повела полицейскую за собой.

Остановившись у рамы с выбитым стеклом, следовательница внимательно осмотрела место проникновения, после этого перевела взгляд под ноги, рассматривая разбросанные осколки.

-Всё чисто! – дал знать Михаил, выглядывая через отверстие в окне.

-Расскажите ещё раз, что у вас произошло? – её карие глаза снова сверлили меня.

-Он проник в окно и напал на нас. Алёна пыталась нас защитить, и он её убил. А когда я хотела взять телефон, чтоб вызвать помощь – он его разбил.

-Кто он?

-Маньяк! Который убил дядю Вову и того мужика возле «У камина».

Я была на эмоциях и плохо соображала, что говорю, потому не могла правильно выстроить предложение.

-Ещё раз и по порядку. Кто кого убил и кто такая Алёна? – встрял в разговор помощник следовательницы.

-Моя подруга, чей труп сейчас лежит в гостиной. – ответила я.

-Здесь нет никакого трупа. – мне на секунду показалось, что он издевается.

-В смысле?

-Взгляните сами! – он отошёл от окна вглубь дома, судя по всему, направляясь к выходу.

Я поспешила зайти и осмотреть место преступления. Осколки бутылки, разбитый телефон на полу, но тело моей подруги и вправду куда-то исчезло. Неужели он забрал его с собой. Но зачем?

-Вы сказали, что нападавший убил вашего соседа, а также того мужчину, найденного в мусорном баке. Так? – Кира Валентиновна пыталась обрисовать общую картину, и я понимала, что настало время всё ей рассказать.

Молчать уже не было смысла, и потому я поведала ей всю историю с самого начала. Рассказала обо всём: о попытке изнасилования, о звонках, о том, что он следит за мной. О том,

что угрожал, будто если я расскажу о нём, то он подбросит мне нож, которым убил дядю Вову. О том, как положил мне в сумку горлышко бутылки, которым убил того жирдяя. Что горлышко то я по глупости выбросила в урну по дороге домой. Рассказала о случайной встрече с Толиком. Что к нему подозрения отпали, поскольку он находился рядом, когда преступник звонил и угрожал мне, что убьёт его. Что в этот момент он, возможно, шастал у меня дома. Попросила их проведать Толю, так как боюсь, чтоб с ним ничего не случилось. Также о том, что перед этим всем рассказала всю правду Алёне, и сразу после этого появился он и убил её, а тело куда-то, судя по всему, забрал.

-Кто такой Анатолий? Как его фамилия?

-Киценко. Анатолий Киценко. Мы учились в параллельных классах. А Алёна – моя одноклассница. Она знала, что он мне нравился.

-Хорошо, мы проведем его. По поводу звонившего, номер его вы, конечно же, нигде не записали?

-Нет.

-Понятно. Вряд ли наши техники смогут что-то извлечь из этой каши, что осталась от вашего телефона. Хорошо, тогда запросим у оператора список всех номеров, кто вам звонил и там уже попробуем что-нибудь пробить.

Михайлова перевела взгляд на винный бокал, стоявший на журнальном столике.

-Значит, он убил вашу подругу, а к вам не прикасался? И ничего не сказав, просто взял и ушёл? – уточнила следовательница эту историю, в которую я бы на её месте также не поверила.

-Меня это тоже удивило. – согласилась с её подозрением я.

-А как фамилия Алёны? И где она жила?

-Самойлова. А где жила? Уххх. Сейчас.

И тут мне пришло в голову, что за все годы нашей дружбы я даже не узнала адрес проживания своей лучшей подруги. Я не помню, чтоб приходила к ней в гости. Я даже ни разу не видела её родителей.

Но это и не удивительно, ибо к себе я её тоже не приглашала и не рассказывала о ней маме. Может быть, поэтому мы так мало друг о друге знаем.

-Подождите, вы сказали, Самойлова?

-Да.

-Понятно. Поэтому вы были лучшими подругами? – спросил Лисовой, однако я не поняла, что он имеет в виду.

Глава 7

В тот день прошла примерно неделя с момента нашей последней встречи с Михайловой. И вот однажды во вторник за мной приехала полицейская машина. Сотрудники попросили проехать с ними. Я списала это на то, что новый телефон я так и не купила, и потому следовательница решила связаться со мной в такой вот способ.

По прибытии в Шевченковское РУВД меня провели в кабинет, в котором на тот момент находилось трое: капитан Михайлова, Лисовой и ещё какой-то мужчина, которого я видела впервые.

-Добрый день, Екатерина, присаживайтесь! – пригласила меня за стол Кира Валентиновна.

-Есть какие-то новости?

-Разумеется. Поэтому вы, собственно говоря, и здесь.

Мне становилось не по себе от тона, с которым полицейская со мной разговаривала.

Она достала с ящика полиэтиленовый пакет, в котором лежал нож с засохшими следами крови. Без объяснений я поняла, что это тот самый, которым убили дядю Вову.

-Нашли? Ну, слава Богу.

Полицейские лишь переглянулись, после чего устремили взор на сидевшего рядом мужика.

-Я хочу вас, Екатерина, познакомить с Петром Новиковым. Это лечащий врач вашей покойной матери.

-В каком смысле? – удивилась я. – Рак у мамы лечил совсем другой доктор. И это была женщина.

-Мы сейчас говорим не о раке. – перебила меня Михайлова.

-А о чём?

Копы замолчали, и разговор начал Пётр.

-Ваша мать страдала от диссоциативного расстройства идентичности – нечастое, но всё же случаемое психическое заболевание, и

потому наблюдалась в нашей психиатрической больнице.

Ну, то, что мама была больной на голову, я знала, но то, что лечилась в дурке – для меня это было новостью.

-А при чём здесь это? – я не совсем поняла, к чему здесь моя мать. – И что значит это ваше дистиллированное, или как его там, расстройство?

-Видите ли, вашу мать к нам направил в своё время ваш отец. Он жаловался, что у неё случаются приступы агрессии, однако при диагностике мы не обнаруживали никаких склонностей к внезапным вспышкам ненависти. К тому же, она утверждала, что к вам приходил какой-то мужчина и бил её мужа. Однако в один день всё стало на свои места. Вашу мать буквально подменили. Она начала бросаться на врачей, при том, наносила удары с такой жестокостью, словно желала смерти оппоненту. Но потом она не помнила, как делала это. За то говорила, что это была не она, а этот человек. По её словам, он пытался защитить её от нас.

-Понятно. Очередная сказка про раздвоение личности.

-Она ведь била вас в детстве? Правда? – он снял очки с носа-картошки и вопрошающе взглянул на меня.

-К чему вы ведёте? Вы считаете, что я тоже шизик, как моя мама и это я убила всех этих людей? По-вашему, у меня раздвоение личности? – я была в панике. Что это за клоун и где они его откопали? Это они таким образом хотят закрыть дело, повесив всё на меня?

-Я пошла!

-Сидите! – скомандовала Михайлова, и внезапно у двери нарисовался широкоплечий полицейский в форме.

-Я не сказал, что у вас раздвоение личности. Дослушайте, пожалуйста, до конца. – продолжил доктор.

Я повернулась и уселась на неудобный табурет, скрестив на груди руки.

-У вас выдалось несладкое детство. Мать постоянно била вас, хотела она того или нет, и от этого вы росли замкнутым и одиноким ребёнком. Потому и придумали себе воображаемых друзей, таких как Алёна.

-Что? В каком смысле воображаемых?

-Мы поговорили с директором школы, в которой вы учились. – вмешался Михаил. – В вашем классе не было никакой Алёны, а единственная Самойлова, которая была у вас – это вы, Екатерина Станиславовна Самойлова. Потому я и удивился, когда вы сказали, что у подруги такая же фамилия как и у вас.

-Но! Но вы же видели её?

-Когда? – спросил он.

-Когда заходили ко мне на следующий день после убийства.

-Я никого не видел. – возразил офицер. – Когда я вошёл, то заметил на журнальном столике две чашки с чаем, потому решил, что вы кого-то ждёте. Однако в доме вы были абсолютно одна.

В голове у меня всё перемешалось. Я не понимала, что здесь вообще происходит и правда ли всё это.

-Она же ещё спросила у вас, женаты ли вы?

-Это были вы, Катя! Вспомните! – я отказывалась что-либо понимать.

-Алёна – это воплощение ваших тайных желаний, которые таились в вас. Директор вашей школы сказал, что вы были довольно тихим ребёнком, однако временами сами знакомились с мальчиками из старших классов и вас часто видели целующейся с ними за школой.

-Это не правда! – кричала я и из глаз стали проступать слёзы. – Я никогда ни с кем не встречалась и не целовалась!

-Вы – нет, а вот ваше альтер-эго Алёна – постоянно. – утверждал Новиков.

-Да, и взгляните на это. – перебил Лисовой. – Когда мы навещались в «У камина», то взяли у вашего работодателя записи с камер наблюдения, где заметили много чего интересного. В тот вечер, когда произошло убийство вашего соседа, вы сказали, что на вас напал в туалете посетитель и пытался изнасиловать. Так?

-Да! – я не знала, чего теперь ожидать от этих полицейских.

-Посмотрите, пожалуйста, внимательно на эту запись. – он развернул ко мне экран ноутбука.

На видео виднелся зал кафе, в котором я работаю.

-Это он пытался вас изнасиловать? – Лисовой показал пальцем на полного мужчину, сидящего за столиком и пьющего пиво.

-Я не помню. Кажется да. – я продолжала смотреть запись, не понимая, что они хотят мне показать.

-А вот и вы.

На экране я подошла к этому толстяку и неожиданно присела к нему за столик. Очень странно, я не помню, чтоб так делала. То, что я видела дальше, удивляло меня всё больше. Я взяла его за руку и обняла, лаская пальцами его затылок. Он смотрел на меня, как волк на овцу, однако меня это вовсе не смущало. Неожиданно моя рука опустилась под стол, и на его лице появилось характерное выражение. Но что это? Я совсем не помню этого всего.

Затем я встала, и этот урод шлёпнул меня по попе. А я, вместо того, чтоб дать ему по морде в ответ, лишь поманила пальчиком за собой и направилась к туалету.

-А вот здесь господин Хачатрян бежит к вам на помощь. – Арсен спешит туда, куда зашла я, а следом за мной и тот мужик.

-Я не помню, чтоб я себя так вела! – сказать, что я удивлена – это ничего не сказать.

-Позже ваш шеф сознался, что сделал с тем посетителем. Ведь он явно не знал, что вы сами спровоцировали его на это.

-Подождите. Если Алёна – это я, то кого ж тогда убил тот маньяк?

-Никакого маньяка не было. – возразила Кира Михайлова.

-Как это?

-Пока спецназ штурмовал дом, я обратила внимание, как много осколков лежит на улице. Хотя, если кто-то проник бы в дом – все они были бы внутри. Следовательно, тот, кто выбил окно, находился в это время в доме, а не снаружи.

-Вы хотите сказать, что это я сама выбила стекло? И телефон тоже разбила я?

-Именно так, Екатерина Станиславовна. Поскольку, проверив распечатку звонков на ваш номер мы обнаружили, что вам никто не звонил. При том уже давно. Лишь пару звонков от Арсена Геворговича.

-Вы врётё! – разозлилась я. – Вы просто хотите повесить на меня все убийства.

-Улики говорят сами за себя.

-Какие улики? Давайте, скажите, что отпечатки на этом ноже мои!

-Зачем нам говорить то, что вы и так знаете?

-Ну, конечно. Ох, ё-маё. Улики, говорите? А вы опросили Толю? Он ведь был в тот момент, когда тот ненормальный звонил мне. Мы как раз вышли из пиццерии.

-По поводу Анатолия Киценко – здесь всё просто. Да, действительно этот парень нравился вам в школе, однако вы никогда с ним не общались. Вообще никогда.

-В каком смысле?

-Вы и не могли общаться, поскольку он погиб на Востоке около года назад. И вы, скорее всего, знали об этом.

Его слова мне казались бредом. Кто погиб? Толик? Что за глупости? Мы с ним недавно общались так же, как сейчас с этими легавыми.

-Что вы такое несёте? С чего вы взяли, что он погиб?

-Возможно, из той газеты, что лежит на вашем журнальном столике, которую я случайно взял почитать, пока вы ходили за водой, чтоб запить таблетку. Там как раз была статья годичной давности о гибели в вооружённом конфликте нашего соотечественника. Я не уверен, но по моему, его фамилия была Киценко. В любом случае, в Центре комплектования и социальной защиты нам эту информацию подтвердили.

-Анатолий – это отображение того доброго, что есть в вас. – снова встрял со своими нравоучениями психиатр. – Потому вы и нарисовали его образ, отрицая для себя его смерть. Если быть точнее – он стал частью вас. Лучшей частью.

-Правда? В таком случае, посмотрите на записи 22-го числа примерно в полночь. Он был в кафе, где мы встретились впервые за долгое время. У вас же есть видео?

-Когда вы говорите? 22-го? Сейчас. – Лисовой снова повернул к себе ноутбук и стал проматывать ролик.

Затем полицейский всмотрелся в экран, подперев рукой подбородок. Судя по всему, он явно увидел там что-то любопытное.

-Ну, что?

Он сперва повернул дисплей к Михайловой

с Новиковым, а спустя несколько секунд ко мне. Там снова была я, но почему-то стоявшая у столика, за которым никто не сидел, и что-то рассказывала, размахивая руками.

-Это точно тот день?

-В углу видео дата и время.

Действительно. Но с кем я разговаривала? Я просто стояла на месте. А вот Арсен позвал меня вытирать столы, но я всё ещё продолжаю стоять у столика. Затем я что-то написала в блокноте. Точно! Я тогда записала для Толи свой телефон. Вырвала листок и положила на столик. Вот, на видео так и произошло. А теперь я ткнула пальцем на часы у входа. Во сколько это было? 00:01. Но, где Толя?

Я уже не знала, чему верить, а чему нет. У меня начинала болеть голова.

-А в пиццерии? Мы ведь ходили с ним в пиццерию. – спросила я, уже не ожидая какого-то удовлетворяющего меня ответа.

-Мы проверили и это заведение. К сожалению, камер там нет, но администратор узнал вас по фото. Он утверждает, что вы пришли к ним, заказали две пиццы и весь вечер сами с собой разговаривали и громко смеялись. Это смущало посетителей, потому сотрудник попросил вас уйти.

Похоже, это либо дурной сон, либо не менее дурная шутка. Кто-то хочет свести меня с ума? Что ж, это ему почти удалось. Голова начинала болеть ещё сильнее и в висках ощущалась пульсация.

Но самое главное, что в сознании стали мелькать какие-то обрывки. Всплыло лицо дяди Вовы и слышится его голос.

-На работу, Катюша?

-Да, дядя Вова.

-Так тяжело тебе сейчас одной. Ну, ты заходи, если что, на чай. Не забывай старика. А то ведь, у нас обоих теперь никого нет.

-Хорошо. Вы правы. Кто о нас позаботится, если не мы сами. Вот вы бы, дядя Вова, обо мне позаботились?

-Ну, конечно позаботился бы, Катюша. Не вопрос.

-Вы знаете, дядя Вова, мне так бывает одиноко. Так не хватает тепла. Никто меня не понимает.

-Ох, Катюша, ну, иди сюда.

Дедуля оставил метлу и, выйдя за калитку, обнял меня.

-Вы такой добрый, дядя Вова.

-Ну, что ты постоянно меня дядей зовёшь? Для тебя я просто Вова.

-Вы не угостите меня чашкой чая?

Эти воспоминания выглядели для меня, как фильм, который я сняла, но никогда не смотрела. В сознании всё переменялось. Я вспомнила, как мы зашли с ним в дом. Как он уселся на стул, а я устроилась на его колени, почувствовав под бедром что-то твёрдое. Он смотрел на меня всё теми же влюблёнными глазами. Я чувствовала, что он в моей власти и сделает всё, что я скажу. Его морщинистое лицо. Его губы потянулись ко мне. Но в тот же миг выражение его лица изменилось, а я почувствовала на руке что-то тёплое.

Ещё один удар в шею, и ещё один. Я колола его как поросёнка, а рука с ножом заливалась тёплой кровью.

Я всё вспомнила...

-Откуда у вас этот нож? – задала я вопрос, уставившись на орудие убийства.

Михаил лишь молча стал водить мышью и что-то щелкать. Через несколько секунд в колонках зазвучал мой голос:

-Поліція. Що у вас трапилось?

-Нож, которым убили Владимира Хлебникова лежит в его кладовке в банке из-под краски.

-Кто это?

-Он сам виноват.

Связь оборвалась. По словам Лисового, звонили из кафе «У камина» в ночь, когда была моя смена. Само собой, как я делала это – я не помню.

Доктор Новиков объяснил всё это тем, что во мне олицетворились три моих различных качества. Поскольку на меня всю жизнь оказывалось давление, мне приходилось прятать и подавлять как своих демонов, так и ангелов. В итоге, чтоб оградиться от них, я выделила их в различных образах. Свою похоть и интерес к противоположному полу, который во мне всячески подавляла мама, я выделила в образе Алёны. Свою жестокость и ненависть, что я испытывала к тем, кто надо мной

издевался, я обособила в образе безликого маньяка в чёрном капюшоне, который наконец проявился во мне спустя столько лет. Однако, где есть чёрное, там появится и белое, потому для баланса я создала себе Толика – давний предмет своих обожаний, который наделила чувственностью и добротой.

В итоге, моя ненависть и жестокость, проявившись во мне однажды, стала постепенно пожирать меня, вытесняя все остальные чувства. Она вынудила меня оградиться от того доброго, что было во мне, запретив видаться с Толей.

По дороге с пиццерии я купила бутылку вина и желала напиток, а после поддаться разврату. Я понимала, что после убийства двоих человек, доброта и чувственность – это не про меня и потому от этих качеств нужно избавиться. Дома я напилась в одно лицо. Потому Кира Валентиновна и заметила лишь один бокал. Под действием спиртного ненависть заполонила меня настолько, что я возненавидела себя за то, какая я есть. Злость даже убила во мне похоть, как чувство мне больше не нужное. В ярости я разбила в кухне окно. Затем пустую бутылку об стену. Меня переполняло чувство злости. Чистой неприкрытой злости. Я растоптала свой телефон. А затем, взяв в руку осколок, я собралась покончить с собой.

Но так и не смогла. Тогда-то маньяк в капюшоне и ушёл, так меня и не тронув. Моя психика не смогла стерпеть того, какая я жалкая и никчёмная, потому и нарисовала эту яркую историю.

Злая моя часть постоянно боялась, что я могу себя выдать, потому и требовала никому не говорить о том, что я натворила. Однако, похоже, добро во мне всё-таки взяло верх, и в итоге я позвонила в полицию, сказав, где хранится оружие преступления, способное вывести копов на меня. Примечательно, что, похоже, добро было во мне всегда, и именно оно не позволило избавиться от ножа, а лишь спрятать его на случай, если я захочу раскаяться.

-Что с вами? – испуганно вопрошал Лисовой, стоя надо мной. Как я оказалась на полу, я не помню. Но всё ещё чувствовала адскую боль в голове. Кто-то кричал в коридоре, что нужно скорее вызвать врача, а мой мозг тем временем продолжали атаковать отрывки воспоминаний. Короткие. Секундные. Вот я вижу, как беру со стола пустую бутылку из-под

шампанского. Следующее воспоминание – я наношу удар по затылку толстяку в переулке. Ещё воспоминание, как разбиваю её об уже и без того окровавленную голову. А затем, как задвигаю крышку эльфафора.

Далее был суд. Но в тюрьму меня не отправили. Судья назначил мне принудительное лечение в психоневрологическом диспансере, где я теперь и нахожусь. Сажу в кабинетике у врача – толстого дядьки в круглых очках и с рыжей пиратской бородой.

-Добрый день, Екатерина. Я Натан Зиновьевич Атанасов — ваш лечащий врач...

Михаил Небрицкий

Михаил Небрицкий (наст. - Осипов Николай Александрович) - уроженец г. Раздельная, Одесской области.

Автор цикла детективных романов: «Михайлова», цикла: «Легенды мрачного города», а также ряда повествований и сборников.

Призёр конкурса на лучшую остросюжетную повесть от Victor Voloshchuk Publishing House (2020) - роман: «Мать порядка».

Серебряный призёр конкурса детективных рассказов: «Скрипка Шерлока или усы Пуаро?» от МСП им. Св.св. Кирилла и Мефодия (2021) - роман: «Стервятник».

Тимофей Ю

5.0

Ведущий на экране надрывался в риторическом экстазе: прыгал, пучил глаза и разевал рот как щелкунчик. Медианполе квартиры-студии оккупировал Первый Надгосударственный канал, созданный специально для постоянного информирования граждан. Теперь Марина точно знала, что Пятая волна гені-вируса — не шутки, правда сама все еще боялась вакцинироваться.

Да, беспечные люди отрицали серьезность пандемии, нелепо искажали официальную статистику и приводили какие-то цифры, в которых и черт бы ногу сломил. «И что? Это еще ничего не значит, — девушка всегда вступала в заочную полемику с неверующими, — Что, если через пятьдесят лет из-за вируса все переболевшие вдруг умрут или превратятся в мутантов?».

Беспечность — это не про Марину. Она еще во время Второй волны вступила в Женскую Организацию Пандемического Патрулирования, которая боролась за «ответственные подходы к устранению и предупреждению генивируса». Тогда общество сильно раскрутилось благодаря рекламе, где группа девушек показывала большой палец и декламировала: «Мы уже в ЖОПП, давай к нам!».

С утра у девушки как раз проходил коннект с кураторшей из организации. Та (страшно подумать!) была не одна и (Марина чуть не умерла, когда включила экран) ходила дома без защитных средств. В голове носилась мысль о преступной халатности, и приходилось стыдливо отводить взгляд.

Вообще-то коннект не был праздным — сегодня Марине предстояло выйти в город. Она морально готовилась к этому почти месяц, но больше тянуть было нельзя, иначе отправителю вернется очень-очень важная посылка.

Девушка остановилась перед зеркалом в прихожей: в отражении на нее смотрел

персонаж типичного фильма про постапокалипсис: перетянутый спецкостюмом, с противогазом, плотно прилегающими очками, в перчатках и прорезиненной обуви. Правда, видела Марина не очень хорошо — очки все время запотевали. Перед дверью она еще раз мысленно все проверила: пропуск, согласование маршрута, регистрация выхода в ЖОПП, «чек» у участкового.

«Вроде, нормально». Марина на всякий случай перекрестилась и хлопнула дверью.

Добиралась девушка не без происшествий. Таксист комфорт-плюса (да, Марина неплохо зарабатывала!) был в маске, но без перчаток. Водитель даже не удосужился проверить ни один из разрешительных документов. На вежливый вопрос «Что здесь происходит?» мужчина отмахнулся, мол, за это уже не шмонают, а потому главное — иметь при себе «масочку». «Такая красивая, и такая серьезная — ай-ай-ай», — выразил свое удивление таксист.

В отделении доставки оказалось темно, неуютно и сыро. Зато — ни ожидающих, ни очередей. Марина пошла на свет единственного открытого окошка. Там, в окружении экранов ноутбука и мобильного обедал толстый мужчина. Майонезный бутерброд, из которого вываливалась ветчина, находился в заточении пухлых рук с флером грязевого налета. Работник («Без маски!!!») не заметил Марину — бутерброд был слишком соблазнителен.

— Уважаемый, почему вы не соблюдаете карантинные меры?! — девушка выступила решительно, — Ни маски, ни перчаток? Для вас генивирус — пустой звук?

Мужчина лениво, рыбьим глазом, покосился на Марину.

— Не надо этих взглядов! Я пришла посылку получить, и не хочу потом умереть в мучениях из-за вашей безответственности. А обед, вообще-то, с двух!

Толстяк с видимой жалостью плюхнул бутерброд прямо на стол и нагнулся вниз. Из таинственных закровов он достал пыльную надпись: «Соблюдай дистанцию, посетитель!», поставил ее перед собой и устало уставился на Марину. Судя по всему, на этом карантинные меры себя исчерпали. Девушка все поняла и решила поступить умнее. Она уже представила, как напишет разгромную жалобу в службу поддержки. Поступок, достойный Ответственной Членки Женской Организации Пандемического Патрулирования.

После церемонии передачи номера отправления и копошения на складе заветная посылка, наконец, оказалась прямо в Марининых руках.

— Вы подождите, я сейчас при вас вскрою и все проверю, — пригрозила она сотруднику. Тот остался безучастным и, кажется, смотрел только на бутерброд.

Шуршащая грубая бумага долго не поддавалась скользким перчаткам. На упаковке были оттеснены коды проверок, которые прошла небольшая картонная коробка: биологическая, химическая, телепатическая.

Внутри Марину ждало разочарование. Чехол на смартфон цвета фуксии.

Она заказывала сиреневый. С колоссальной внутренней болью девушка сверлила изделие взглядом, пока мозг пытался справиться с потрясением.

— Это что такое? Что вы мне привезли?! Я заказывала СИРЕНЕВЫЙ. А что это, — интонация дрогнула, — это что такое-то? Вы знаете, что это форменное безобразие?! Я хотела подать простую жалобу, но теперь это будет полный разнос. Мало того, что вы не соблюдаете карантинные меры, так еще и чехол... Чехол не того цвета!

Наконец, мужчина подал голос.

— Девушка, а какая разница? Ничего же по сути не изменилось. На самом деле, я бы и не различил, что это фугасия, а не сиреневый.

Марина оторопела. В прострации она развернулась и быстро, сжимая в руках проклятый чехол, направилась обратно в сумрачный коридор. В спецкостюме было душно, очки окончательно запотели. Потолок нависал над человеческой фигурой снопом труб

и проводов. Интуитивно хотелось пробираться к выходу на ощупь.

«Как все было просто раньше, боже мой», — Марина старалась не расчувствоваться, — «До этих волн, до вируса... Неужели, нельзя просто пожить. Мне нравились мои мелкие проблемы! Я не хочу никаких пандемий». Девушка принялась судорожно рыться в сумочке: чтобы отвлечься, она обычно читала канал любимого автора.

«...После гени-вируса нас ждут изменения в психологии общества, стандартах поведения, потребительских моделях. Мир уже не будет прежним. Мы даже не поймем, что вступили в новую реальность...», — засветилось на экране смартфона.

«Точно! Как верно написано», — пуская слезку, подумала Марина.

Неожиданно для самой себя, девушка вывалилась из здания. Солнце ударило ей в глаза, заставив зажмуриться. Марина оглядывалась. Между зеленых деревьев гуляли пары, кто-то даже с детьми. По аллее шли полицейские с дроном-наблюдателем. Один из патрульных, что-то рассказывая напарнику, снял с себя маску. Он улыбался.

Марина не успела возмутиться. Ее борьба закончилась на пешеходном переходе под капотом неуклюжего электромобиля. По иронии судьбы, водитель потерял управление из-за того, что пытался надеть маску.

Валерий Цуркан

Дитя моря

Михель сидел у моторной лодки и перебирал карбюратор. Последние два дня техника барахлила, и он опасался, что мотор заглохнет вдалеке от берега. А плыть на вёслах в лодке, до бортов нагруженной рыбой, это дело не из лёгких. Его сосед Стефан настоящий лентяй – вместо того, чтобы потратить полчаса на лодку, он лучше в кабаке посидит, а потом с моря на вёслах возвращается. А он, Михель, не пожалеет времени, чтобы потом не было лишних неприятностей.

Михель дёрнул шнур, мотор два раза чихнул, плюнул едким дымом в лицо и затих. Пришлось снова разбирать карбюратор. Нет, подумал Михель, так дело не пойдёт! Со следующего улова нужно обязательно съездить в город и купить новый.

Год назад утонул в море Марлин, отец Михеля. Море тогда было спокойное, что там произошло, никто толком не знает. Стефан говорил, будто он видел, как из воды вылезли щупальца спрута и опрокинули лодку, но разве можно верить этому пропойце? Он и не такое выдумывал! Перевернутую вверх дном лодку прибило к берегу, и кто-то из рыбаков приволок её к деревне, а отца так и не нашли. Все заботы легли на плечи Михеля. Одному, без помощников работать было тяжело, но что тут поделаешь – брат и сестра были ещё слишком малы, чтобы ходить с ним на лодке. Когда солнце только начинало вырастать из-за горизонта, он помогал матери отвезти рыбу на рынок, после чего уходил в море, и возвращался, когда оно пряталось за горным хребтом.

Вообще его семье везло на утопленников. Когда отцу было пятнадцать лет, в море утонула бабка Михеля, да ещё и дочь свою с собой на дно утянула. Отец был с ними, он пытался спасти сестру и мать, но и сам едва не утонул. С тех пор он не очень-то любил море, но оно кормило семью, и приходилось рисковать. А потом и он на дно ушёл. Михель не мог простить этого морю. Не мог. Но... Море, он любил его, но любовь эта была какой-то ненормальной. Ведь оно забрало жизни самых близких ему людей. А он все равно продолжал его любить. И не мог без него жить. Будто они с ним были одной крови, будто в венах Михеля текла не человеческая кровь, а соленая морская вода.

Михель снова попытался завести мотор, но тот, сердито пофырчав, пыхнув колечками сизого дыма, работать отказался. Михель раздражённо бросил в лодку гаечный ключ, сел на тёплый песок и закурил. Он смотрел в синеву моря и думал о том, что без лодки будет совсем туго. Из-за какого-то карбюратора им придётся голодать. Нет, нужно разобраться с мотором, иначе он останется без работка. Михель вдавил окурок в песок и решительно поднялся.

Вдруг он увидел в море чью-то голову. Кто-то подплывал к берегу, неторопливо взмахивая руками. Вскоре Михель понял, что это девушка. Её распущенные огненно-рыжие волосы разметались по поверхности воды, и казалось, что это солнце качается на волнах, а никакая не голова. Девушка была ещё далеко от берега, но он отметил её красоту, и понял, что она не местная – в их посёлке таких красавиц он отродясь не видел. Говорят, что очень красивыми были его тетка и бабка, но он их не видел – от них даже фотографий не осталось – в то время в этом богом забытом углу толком и не знали, что такое фотоаппарат.

Михель пригляделся к плывущей девушке, и ему показалось, что за ней всплескивает дельфиний хвост, но что только не померещится, когда ты молод! Она вышла на берег невдалеке от моторной лодки и, заметив Михеля, лёгкой походкой пошла к нему. Девушка будто летела над песком, настолько легка была её поступь. Одета она была в короткий сарафан, облепивший её стройную фигуру и сандалии на босу ногу. Она приветливо помахала Михелю рукой и присела рядом с ним на песок.

– Здравствуйте, – сказала она, голос её колокольчиком прозвенел во влажном солоноватом воздухе.

– Здравствуйте, – ответил Михель, не сводя с неё глаз. – Я вас раньше не видел. Вы откуда?

– С моря, – улыbnулась она и махнула рукой в неопределённом направлении.

У неё был странный акцент и Михель подумал, что она с Острова, там часто останавливаются иностранные туристы. Но чтобы вот так запросто доплыть от Острова до берега, да после этого разговаривать, как ни в чём не бывало? Она ведь совсем не устала! И не задыхается ничуть! Наверняка она каталась на лодке или яхте. Михель глянул на море, но увидел лишь чуть выгнутую линию горизонта, ни одного паруса. Его это удивило – такое состояние в силах был проплыть только он, Михель, да его отец. Никто больше на подобные рекорды не замахивался.

– Вы хорошо плаваете! – заметил он, убедившись, что она действительно проплыла немалое расстояние.

– О, я очень люблю плавать! – в её зелёных глазах засверкали озорные искорки. – Я рождена морем.

– Рождена морем?

Михель не понял, о чём она говорит. Она что, правда, родилась в море? Или просто очень любит воду?

– Да, именно морем! – сказала она и протянула ему руку. – Меня зовут Олейла.

– Михель, – он осторожно пожал её хрупкую ладонь, пальцы её были тонкими и прозрачными, сквозь кожу он видел голубоватые жилки.

– А что вы тут делаете? – спросила она, разглядывая его лодку.

– Я рыбак, – лаконично ответил он.

Олейла приподняла подбородок.

– Рыбак? Вы убиваете рыб?

– Что значит, убиваю? – обиделся Михель, но, сообразив, что перед ним иностранная туристка, поправил её. – Я ловлю рыбу.

– Ловите, а потом убиваете. Не так ли? – Олейла посмотрела ему в глаза, и от её взгляда Михелю стало не по себе.

– Должен же я чем-то жить, ведь это моя работа, – сказал он. – А вы, наверно, вегетарианка? Или из этих, зелёных?

Олейла промолчала. Отвернувшись от него, она задумчиво смотрела в море и просеивала между пальцев золотистый песок.

– Вегетарианка? – переспросила она, когда он решил, что ответа уже не услышит. – Нет, я не вегетарианка. А зелёные, это кто?

– Ну, эти ... Гринпис.

– Зелёный мир? – Олейла подняла руку, и приставила ладонь козырьком ко лбу, прикрывая глаза от солнца. – Нет, мой мир синий. Значит и я синяя. Не зелёная. А вы не любите вегетарианцев?

– Глупости! – Михель рассмеялся.

Увидев, что он смеётся, Олейла улыbnулась.

– Я бы отвёз вас обратно, но на моей лодке сломан мотор, – сказал Михель.

– Обратно? В море? – спросила Олейла.

– На Остров. Вы ведь с Острова? – он показал рукой в сторону едва обозначившегося над горизонтом холма.

– Нет, я же вам уже сказала, – девушка улыbnулась уголками губ. – Я с моря.

– Не в самом же море вы живёте! – Михель не мог понять, шутит она, или нет.

– В море, – Олейла вдруг вздохнула. – Но я назад не могу. Мне нельзя назад.

– Почему? – Михель придвинулся поближе, ему стало интересно.

Девушка выбрала в песке ракушку покрупней, повертела её в руках и бросила в воду.

– Папа послал меня на берег. Здесь я должна выйти замуж.

– За кого же? – поинтересовался Михель.

– Пока не знаю, – она пожала плечами. – За человека.

Ох уж эти туристки! Обязательно им нужно выдумывать какие-нибудь истории! Михель привык

Иллюстрация: Татьяна Придчина

к иностранкам, которым хочется экзотики. Он всегда был готов помочь изнывающим от безделья нимфоманкам.

– А за меня выйдете? – он принял условия игры.

Олейла его поддержала.

– Можно и за вас, – сказала она. – Но я не буду вас любить. Я люблю другого. Но выйду за вас.

Если вы захотите, конечно.

– Вы шутите? – спросил её Михель.

– А вы? – вопросом ответила она.

– Да, – честно признался Михель.

– А я нет! – сказала Олейла, и Михель вдруг осознал, что она говорит абсолютно серьёзно. Не то, чтобы он в этом убедился, скорее всего, почувствовал, как настоящий рыбак чувствует, что сейчас косяк тунца пойдёт в сеть.

Михель снова закурил и предложил сигарету Олейле. Девушка повертела бумажную трубочку в пальцах, и с отращением вернула назад.

– Вы странная, – сказал Михель, рассматривая успевшие высохнуть рыжие волосы. Наверняка именно это она и хотела услышать. Романтика!

– Папа тоже всегда так говорит, – ответила Олейла.

– А кто ваш папа, если не секрет? Хотя, подождите, можно я сам догадаюсь?

Михель сделал вид, будто напряжённо думает. Увидев его смешно наморщенный лоб, Олейла прыснула со смеху.

– Он нефтяной магнат? Или нет! Ваш папа капитан подводной лодки! Верно?

– Не угадали! – Олейла сняла сандалию и смахнула со ступни песок. – Он подводный царь.

– И кем же он там правит? – спросил Михель. – Кальмарами?

– Вы зря смеётесь, – Олейла надула губки. – Вы думаете, что я вру?

– Нет, что вы! – Михель, прищурившись, посмотрел на девушку. – Я думаю, что вы шутите. Я над вами совсем не смеюсь.

– Но я не шучу. И не вру. Папа правит нашим народом, – Олейла не отрывала взгляда от моря.

– Мы живём на морском дне. Папа рассказывал, что когда-то мы жили вместе – люди суши и наш народ. Но потом что-то произошло и нашему племени пришлось уйти под воду. А ваше осталось на суше. Или наоборот. Не знаю точно. И никто не знает.

– Но зачем же вы приплыли сюда? – поинтересовался Михель, не понимая, для чего она всё это выдумывает. – Выйти замуж? У вас своих женихов не хватает?

Девушка посмотрела на него как на дурачка, которому объясняй, не объясняй – всё равно ничего не поймёт.

– Время от времени надо обновлять кровь, – пояснила она. – Раз в пять поколений одна девушка покидает наш город и отправляется на сушу. После того, как она находит себе мужа, то остаётся жить с ним до тех пор, пока родившемуся ребёнку не исполняется пятнадцать лет. Потом она вместе с ним возвращается на родину.

– Это значит, что она бросает своего мужа и лишает его сына или дочери? – спросил Михель, ему эта игра уже надоела, и он думал поскорей перейти к делу.

– Что тут поделаешь, таковы законы нашего народа, – Олейла, будто и не спешила начать то, ради чего она сюда приплыла. – Бывает и так, что не все дети соглашаются покидать сушу. Их находят и забирают.

– То есть, их вырывают из той жизни, к которой они привыкли? Но это жестоко! – Михель будто забыл, что всё это шутка, а может быть, настолько включился в игру, что поверил этой странной туристке.

– Да, жестоко, но таковы правила. – Девушка приблизила своё лицо к его уху, и Михель уже было подумал, что она решила перейти к действиям, но она продолжила свою болтовню. – Нашему народу нужна свежая кровь. Тем более, нельзя оставлять своих родичей на суше.

Михель был недоволен собой. С последней туристкой они болтали не более пяти минут, да она и сама после нескольких фраз открыто заявила, чего от него хочет. А с Олейлой он беседует уже четверть часа, и никакого результата. А ведь ему ещё моторку нужно в порядок привести.

– И как же они это делают? – спросил он, смутно догадываясь, что у девушки просто не все дома, и никакая она не нимфоманка. Уж он этих иностранок, повёрнутых на любви, перевидал немало! Скольким из них он подарил праздник тела и души, скольких он распластал на этом пляже! Олейла на них совсем не похожа.

– Действительно, способ этот слишком жесток, – девушка зарыла обе руки в горячий песок, и продолжала вести себя, будто её интересует только выдуманная сказка. – В прошлом году ловцы утопили лодку, в которой плыл потомок нашего народа. Он сопротивлялся, не хотел покидать мир, в котором привык жить. Но если кто попадает в наш город, то оставить его уже не в силах. Говорят, что этот человек был рыбаком и у него даже есть семья. Сейчас ищут его детей, ведь они тоже нашей крови.

Михель, наконец, понял, что с ней у него ничего не выйдет, только время зря теряет. Чокнутая какая-то!

– Слушайте, а зачем вы мне всю эту дребедень рассказываете? – не выдержал он. – Думаете, я поверю в эти сказки?

Олейла посмотрела на него затуманенным взглядом.

– А вы не верите? – печальным голосом спросила она.

Это окончательно вывело Михеля из себя.

– Да кто же в это поверит? – грубовато сказал он. – Тем более, у меня времени нет, мне нужно лодку починить.

– Папа мне говорил, чтобы я выходила замуж только за того, кто мне поверит! Печально, когда любишь одного, а замуж надо выходить за первого встречного, – Олейла встряхнула головой и – будто всколыхнулось пламя свечи – её волосы засверкали в лучах вечернего солнца. – Ну, раз вы мне не верите, тогда я поплыла дальше. Здесь где-то рядом ещё острова есть, – она хлопала лодку по алюминиевому борту. – Кстати, эта лодка мне знакома. Я её уже видела, в прошлом году. Прощайте!

Олейла поднялась на ноги, лёгкой поступью подошла к волнам, слизывающим песок с пологого берега и, не торопясь, вошла в воду. Она зашла по пояс и поплыла. Движения её были размеренны и грациозны, словно девушка всю жизнь провела в воде. Отплыв от берега метров на пятьдесят, Олейла помахала Михелю рукой, что-то крикнула и, взмахнув дельфиньим хвостом, ушла в глубину.

Он сидел, курил, думал, и смотрел в море. То ли у девчонки с головой не в порядке, то ли он упустил своё счастье. Докурив сигарету, он привычным движением втоптал окурочок в песок и вернулся к лодке. Нужно было сделать карбюратор, иначе завтра он не сможет выйти в море.

Вячеслав Сохмарёв

Люблю (Т...)

Почему ты такая «светлая»?
Сердцу милая, словно мечта
Необычна, приятно приветлива
Просто ангельская красота!

Почему ты такая «тёплая»?
Нет гордыни, нет фальши, нежна
Ну а голос как песня душевная
От любви меня сводит с ума

Почему ты такая красивая?!
Краше солнца и моря цветов
Грациозная и ослепительная
Как сказать, не хватает мне слов!

Почему ты такая любимая?!
Почему, почему, почему?
Потому что ты самая лучшая!
Так скажу, и с улыбкой вздохну.

Иллюстрация: Татьяна Придчина

Насиба Кипке

Американская трагедия (к роману Теодора Драйзера)

Глаза её как озеро в ненастье —
Глубокая, манящая вода.
Мечта проста: семья, любимый, счастье,
Но этого не будет никогда.

Она не знает, почему ей снится
Борт лодки скользкий, водоросли, дно...
Он ласков с ней и обещал жениться,
А сон растает утром всё равно.

Её глаза как серые озёра,
А на душе тоски тревожной гнёт.
Бессовестного фата и позёра
Печаль такая сразу отпугнёт.

Её судьба — стать жертвой интраверта,
Которого нельзя не полюбить.
Тебе не выжить, бедная Роберта:
Твой Клайд придумал, как тебя убить.

Иллюстрация: Ксения Ястребова

A small, stylized signature or logo in the bottom right corner, consisting of a few fluid, interconnected lines.

Она жила, не жалуясь, не плача

Она жила, не жалуясь, не плача,
Хоть жизнь была не сахар и не мёд,
Надеясь, что капризная удача
К ней повернётся, за руку возьмёт.

Она жила, притворства паутину
Брезгливо отстраняя от лица,
Писала одиночества картину
И довела её до образца.

Следя за самолётом, рвущим небо,
И будучи уже на склоне лет,
Она с улыбкой говорила: «Мне бы
Оставить вот такой же светлый след!»

А вскорости пришли к её порогу
И стар и млад, горя и любя:
«Покойся с миром! В дальнюю дорогу
Мы провожаем, милая, тебя...»

И что с того, что щёки всё бледнеют,
Что рот её немой печалью сжат?
Ликующие ангелы над нею
Прозрачными стрекозами дрожат.

Иллюстрация: Наталья Тарадецкая

Во владеньях жёлтой тишины

Знаешь,ничего на свете нет,
Кроме листьев,грусти и тумана.
Ведь отсюда через сотню лет
Не дойти пешком до океана.

Во владеньях желтой тишины
Лишь тебе недостает покоя-
Это искупление вины,
Это наказание такое.

Снова лист скользнул по волосам...
Из-под солнца мелочной опеки
вырвался,куда не знаешь сам.
Господи,хотя бы не навеки...

Хозяин снов

Бестактный, бесконтактный Сценарист,
Плывать хотевший на живые чувства,
Зачем твоё высокое искусство,
Что переносит образы на лист

моей души, покорной тьме и сну?
Что хочешь ты, аутистичный гений,
Обрушивая горы откровений
На бедный мозг, как только я усну?

Конечно, сны похожи на кино,
В которое случайно попадаю.
Срываюсь в пропасть, гибну ли, рыдаю —
Тебе меня не жалко всё равно.

Зато порой, сдвигая близь и даль,
Ты ветром странствий сердце рвёшь на части.
Безмерно упоительное счастье
Цветёт в нём, словно розовый миндаль.

И замыслов твоих не разгадать,
Но мне по эту сторону ограды
Разрешено стараться и не ждать
За все свои старания награды.

Возможно, мне удастся сочинить
Такое, что останешься доволен...
Луна превыше белых колоколен
Протянет в явь серебряную нить...

Держа страницу бережно в руках,
Её ты вклеишь в избранное, чтобы
Прочли стихи подземные особы
И ангелы в небесных гамаках.

Насиба Кипке

Поэт и учитель, живущий в провинции Республики Адыгея. Люблю жизнь, книги, музыку, поэзию.

Виктория Крылова

Запах дома

Я нарву кружку чёрной смородины
После жаркого летнего дня,
Запах дома моей малой родины
От тревог укрывает меня.

Здесь смеялась когда-то беспечно
И отчаянно плакать могла
И казалось, что всё будет вечно,
Я поверить тогда не могла...

Что из близких кого-то не станет,
Что состарятся мать и отец
И что жизнь быть серьёзной заставит,
И что смерть — это жизни венец.

Я нарву кружку чёрной смородины
После жаркого летнего дня,
Запах дома моей малой родины
От тревог укрывает меня.

Непрерывно часы в доме тикают,
Ровно так, никуда не спеша,
Я альбом буду вновь перелистывать,
Пожелтевшими фото шурша.

Мы со старыми добрыми письмами
Разговор заведём по душам,
Снова стану я девочкой Викой,
Что из детства сегодня пришла.

Иллюстрация: Екатерина Жук

Александр Костерев

Би моль

Питерский дворик... Загадочность блеклой звезды одичалой...
В нашей истории сказочной нет ни конца, ни начала...
Не улетала бы, девочка, мрачную старость тревожа,
не трепетала бы, крылышком, зная, так проще, и все же...
Рядом с потухшими чувствами, мыслей вчерашних не скрою,
быть нелегко Заратустрою, рядом с орлом и змеєю..
Не истлевала бы молодость, не остужала бы зрелость,
вспомнилось, что не исполнилось, а загореться — хотелось...
Пусто в покинутой комнате, запах лаванды вдыхаю,
мАнит обоев с цветочками ложная даль голубая...
Стынут, не гнутся конечности, в зябких январских пространствах ...
А до тебя, как до вечности, не долететь, не добраться,
не потерять бы сознание, не насладиться бы болью....

Не размещайте страдания между лавандой и молью...

Ёжик

Сколько трагичности в мире: туманы и реки...
Ёжики бродят в траве, в городах человеки,
в тайной надежде отведать душистого чаю,
с другом/подругой вечерние звезды считая...

Шишел не мышел пророчат летучие мыши,
ухает филин, а страхи ночные все ближе...
Слабо фонарик мерцает вдали светлячковый,
отданы: чувства, долги, ожиданья, швартовы...

Кто сбережет нас в промозглой ночной канители,
ёжиков — стражей тончайших душевных материй?
Кто защитит от простуды, тумана, испуга?
Как хорошо, что мы живы и есть...
Друг у друга...

Троллейбус

Боже, куда запоздалый троллейбус
мчится?
Мелочь в кармане... Похожи на ребус
лица..
Бледная немощь дворовых колодцев
или
шпили, как иглы (да/нет/уколоться),
были..
В грязных разводах оконных проемов
тучи,
липкий туман, говорящий, а дома —
лучше..
Гоголь в шинели под аркою — скука,
зритель..
Хлюпик в очках и поношенных брюках —
Питер..
Может добавить в продвинутый смузи
вопли?
(Не романтично, слеза без иллюзий —
сопли).
Хлебную коркой прикрыты стаканы
в вечность,
встреча с тоской одинокой и пьяной,
лечит..
Город как город... И многие лица
— лица!
Только троллейбус куда-то все мчится,
мчится....

Энзе Фойгт

Энзе Фойгт

Фойгт Энзе Нурислам - автор сборников стихов на татарском и русском языках, переводчик с башкирского на русский язык.

Автор уникальной книги «Поэзо-живопись. Шигъри - сынлы сэнгать», аналогов которой в мире нет, в соавторстве с художником-орнаменталистом Алексеем Акиндиновым.

Номинант литературной премии «Русь моя», Москва, 2020, премии «Георгиевская лента», 75 лет Победе, Москва, 2021.

Автор сборника «РСР». 2020.

Член Евразийской Творческой Гильдии (Великобритания).

Муза тайной страсти

Не знал, где встретит дум пылких страсть...
Звал, видел музу в робких снах.
Вкусить желал плод запретный всласть,
Плавил мозг губ горящих страх.

Пришла вдруг...вошла в дом страсти власть...
Волной удушливой обняв.
Музу тайную не смог украсть
Поэт, горький утоп поняв.

Сам себе нарисовал ту статью...
Аллилуйя! Пели церкви!
Всю жизнь, не дав творцу упасть,
Зажигали страсти ветви!

13.10.2021

Иллюстрация: произведение живописца-орнаменталиста Алексея Акиндинова «Трон Дали. Портрет Сальвадора Дали», 100х100 см., холст/масло, 2019-2020 гг.

Мулен Руж

Тени падают здесь и в полночь,
На улице красных фонарей...
Век Паруса рудой мельницы,
ТонСвет лучей ночных площадей.

Ритмы любви, КУЛЬТ страсти к жизни
В Мулен Руж цветом ДуховМиров...
Божество с печалью в радости
Молчат о многом с Тех-до-Сих пор.

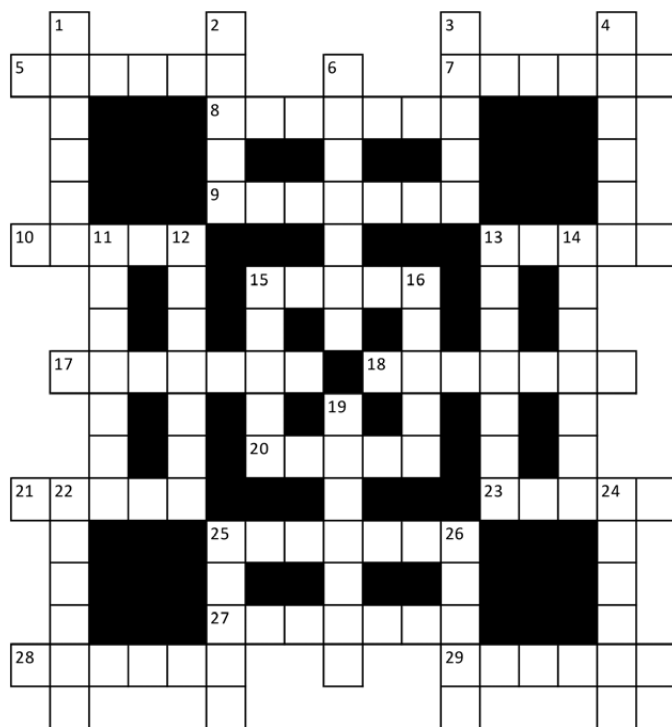
И ныне это место- сердце,
Эстетики , пороков Символ...
Вин красных лучших аромат здесь,
Он-«титаник», историй Идол!

18.09.2021

Иллюстрация: произведение живописца-орнаменталиста Алексея Акиндинова «Мулен Руж», 2011г., 90x90 см, холст/масло.

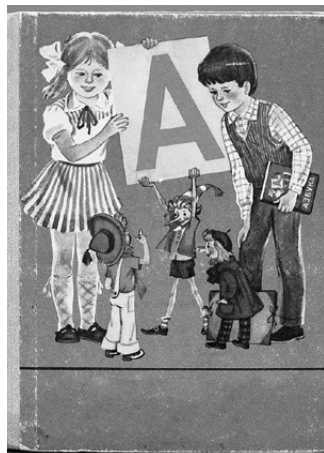

Автор кроссворда: Денис Шутов

По горизонтали:

5. «Защита...» Набокова.

7. Одна из первых книг советских детей.

8. Его очень часто пытаются подобрать писатели.

9. Персонаж Крылова, оказавшийся во всём виноватым перед волком.

10. «...бледный с взором горящим».

13. Спаситель Мухи-Цокотухи.

15. Известный работник попа.

17. Эту героиню возили грызуны.

18. Роман Захара Прилепина.

20. Причина смерти Натальи Мелеховой из «Тихого дона».

21. Единица композиционного членения в литературном произведении.

23. Это место описывает Чехов в рассказе «В Москве на Трубной площади».

25. Чин знаменитого героя пьесы «Давным-Давно».

27. Бродяга, Сохатый, Хвост и... Как прозвали четвёртого друга, который был оборотнем?

28. Самая издаваемая книга в истории.

29. Прозвище Барда из «Хоббит, или Туда и обратно».

По вертикали:

1. Наше всё.

2. Жанр, прославивший Лафонтена.

3. Неоконченный роман Франца Кафки.

4. Бывает фольклорная и литературная.

6. Малый повествовательный жанр литературы.

11. По ней не принято судить книжку.

12. Героиня, запомнившаяся неаккуратным обращением с растительным жиром.

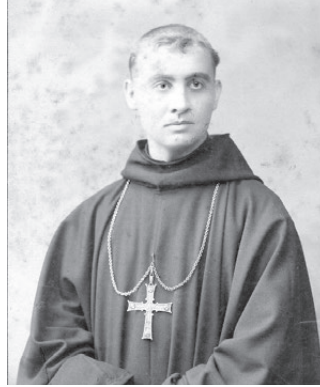
13. Им был Хирон из античных мифов, а также Флоренц из «Гарри Поттера».

14. Остап Бендер пытался добыть его у Корейко.

15. Кирпичик любого литературного произведения.

16. Это и Аббон, и Буззони, и Фария.

19. Капитан Флинт из «Острова сокровищ».

22. Профессия Экзюпери.

24. С этим попрощался Хэмингуэй в заглавии одного из своих романов.

25. Национальность автора книг про Геральта из Ривии.

26. Любый актёр в театре Маджафоко.

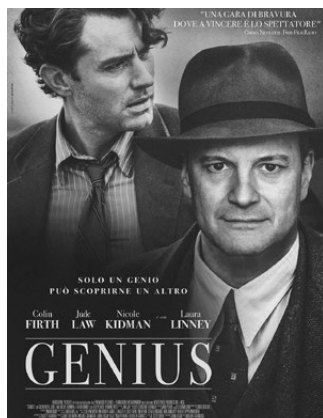
Конкурс литературных кроссвордов

На сайте Литры объявлен конкурс авторских литературных кроссвордов. Кроссворды победителей будут опубликованы в ближайших номерах журнала.

Приглашаем всех желающих принять участие.

Ответы на кроссворд с фрагментами

Ответы на представленный в этом журнале кроссворд будут опубликованы в следующем номере.

Гений (2016)

Genius

История о непростой дружбе двух очень талантливых людей: писателя Томаса Вулфа и издателя Макса Перкинса, открывшего всему миру таких великих романистов, как Ф. Скотт Фицджеральд и Эрнест Хемингуэй.

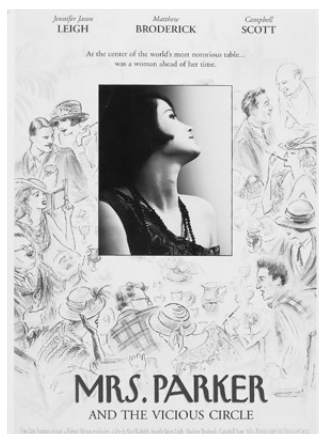

Капоте (2005)

Capote

В 1959 году известному писателю Трумэну Капоте попалась на глаза газетная заметка, круто изменившая его жизнь и литературную карьеру. В ней говорилось о боине в Канзасе, когда двое бандитов с невероятной

жестокостью расправились с семьей из четырех человек.

Миссис Паркер и порочный круг (1994)

Mrs. Parker and the Vicious Circle

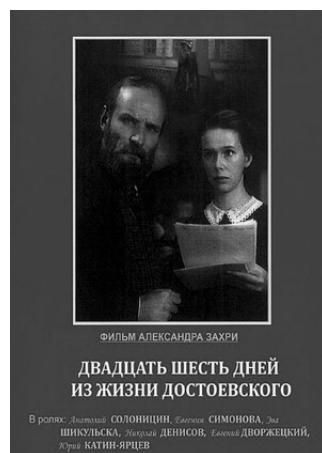
В этой картине, известной также под названием «Миссис Паркер и круглый стол», рассказывается биография Дороти Паркер, американской писательницы. Внимание авторов фильма сосредоточено на ее взлете и падении в Нью-Йорке и Голливуде в тридцатых и сороковых годах.

Ширли (2020)

Shirley

В поисках вдохновения для написания очередного хоррор-шедевра Ширли Джексон приглашает пожить в свой особняк молодую пару, которая оказывается втянута в сложную и опасную игру-манипуляцию на грани жизни и смерти.

Двадцать шесть дней из жизни Достоевского (1980)

Осень 1866 года. Великий Достоевский, находящийся под надзором полиции, в ужасном положении: менее чем за месяц он должен завершить роман «Игрок», в противном же случае он на многие годы попадет в кабалу к издателю.

В эти дни судьба сводит Достоевского с юной Анной Сниткиной, которая становится добрым гением писателя, его помощницей, спасительницей, женой.

ЛИТРА

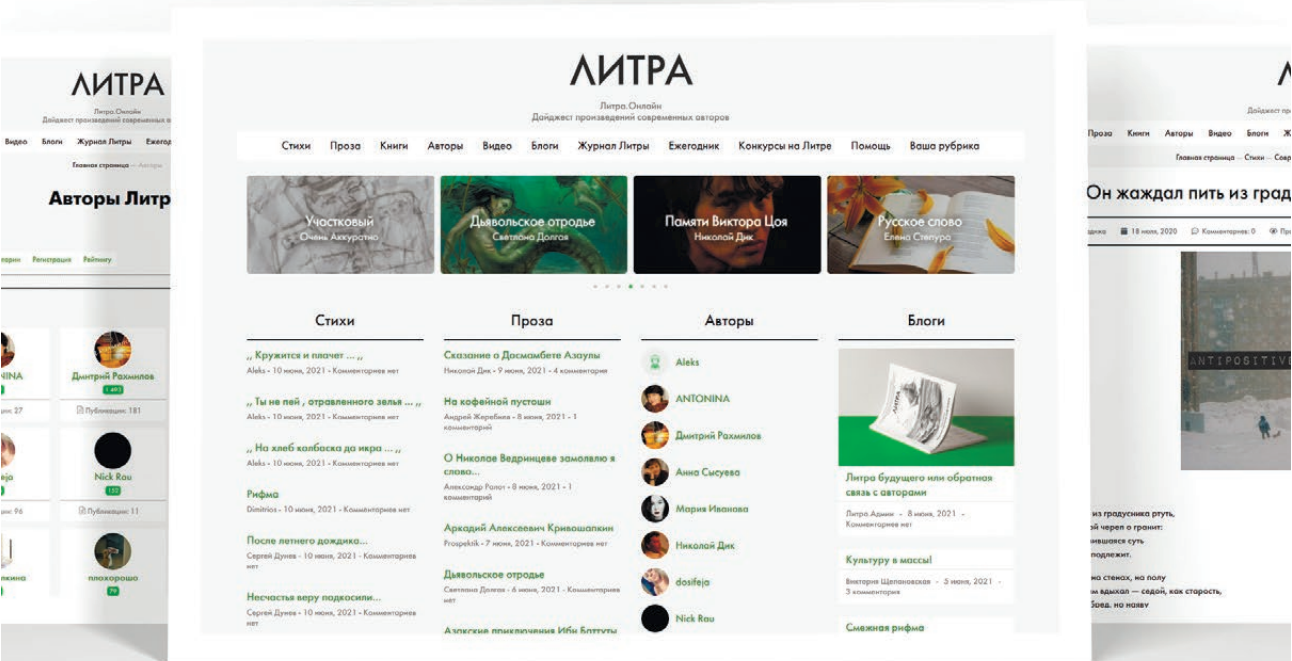
Онлайн-дайджест произведений современных авторов всех возрастов

Регистрируйся на сайте Литры

Публикуй свои стихи или прозу

Получай баллы за творческую активность

Трать баллы на анонсы в соцсетях Литры и публикацию в дайджесте

Присоединяйся к Литре

litra.online

A post-apocalyptic scene featuring a rusted, multi-story building with a fenced-in area on top. A person is visible on the roof. A sign on the building reads "RESTRICTED AREA NO UNAUTHORIZED PERSONNEL BEYOND THIS POINT". A rusted car is parked in the foreground. The background shows a cityscape with a clock tower and birds flying in the sky.

Конкурс фантастических рассказов «Коронавирус. После»

15 октября - 25 декабря

Совместный проект журналов «Литра»
и «Новая Литература»

Рассказ победителя будет опубликован
в обоих журналах.

Подробности в разделе «Конкурсы» на litra.online